

UNIVERZITA KARLOVA
FILOZOFICKÁ FAKULTA
ÚSTAV VÝCHODOEVROPSKÝCH STUDIÍ

RIGORÓZNÍ PRÁCE

Mgr. Anna Ivanova

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «ВОЛЯ РОССИИ» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ 1920–1930 ГОДОВ.

Literárněkritické publikace časopisu *Volja Rossii*
v kontextu ruského zahraničního tisku z let 1920-1930.

Literary Criticism of the *Volja Rossii* Journal in the Context
of the Russian Journalism Abroad of 1920-1930.

Praha 2024

Vedoucí práce: Mgr. Hana Kosáková, Ph.D.

Poděkování

Ráda bych na tomto místě poděkovala své školitelce, Mgr. Haně Kosákové, Ph.D., která mi pomáhala již se třemi mými závěrečnými pracemi, za její cenné rady, ochotu, vstřícnost, čas, který mi věnovala a za podporu během celého studia.

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem diplomovou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze, dne 16. srpna 2024

.....

Mgr. Anna Ivanova

Ключевые слова

литературная критика, русская литература, XX век, русская эмиграция, партия социалистов-революционеров, межвоенный период, журнал «Воля России»

Klíčová slova

literární kritika, ruská literatura, 20. století, ruská emigrace, strana socialistů-revolucionářů, meziválečné období, časopis *Volja Rossii*

Key words

literary criticism, Russian literature, XX century, Russian emigration, the Socialist Revolutionary Party, interwar period, journal *Volya Rossi*

Аннотация

Данная работа посвящена изучению литературно-критического наследия пражского журнала «Воля России», являвшегося одним из ведущих периодических изданий русской эмиграции в двадцатые годы XX века. Главная цель исследования заключается в рассмотрении основных тенденций в восприятии со стороны рецензентов и критиков журнала общественно-политических процессов того времени, эмигрантской и советской литературы межвоенного периода и процессов, происходящих в культурной жизни СССР и за рубежом. Отдельное внимание уделяется личностям ведущих сотрудников литературно-критического раздела журнала, некоторым биографическим сведениям о них, ключевым темам их публикаций.

Abstrakt

Daná rigorózní práce zkoumá literárněkritické dědictví časopisu *Volja Rossii*, jednoho z předních pražských periodických vydání ruské emigrace ve 20. letech XX. století. Tento výzkum si klade za cíl především určit hlavní tendence v percepce společensko-politických procesů té doby, ve vnímání emigrantské a sovětské literatury meziválečného období, jakož i jiných procesů v kulturním životě SSSR a v zahraničí, ze strany recenzentů a redaktorů daného časopisu. V této práci nelze opomenout biografické údaje, tématické a názorové vyhranění publikací vybraných osobností z redakce časopisu.

Abstract

This thesis examines the heritage of the Prague journal *Volya Rossii*, one of the leading Russian emigration's periodical publications in 1920s, in terms of literary criticism. The research chiefly aims to describe the main tendencies in the perception of current socio-political processes of that era, as well as the emigrant and Soviet literature of the interwar period, and other processes in the cultural life both in SSSR and abroad, by the magazine's critics and columnists. Furthermore, this study includes biographical data, thematic and theoretical preferences in publications of the key personalities in the journal's editorial staff.

Содержание

Введение	7
1. «Воля России»: журнал политики и культуры	14
1.1 Общественно-политическая направленность «Воли России».....	14
1.2 Литературно-критическое содержание «Воли России».....	23
1.3 Сотрудники литературного отдела «Воли России».....	31
2. Дореволюционная литература в материалах «Воли России»: разнообразие взглядов и концепций	39
2.1 Наследие XIX века.....	39
2.2 Прощание с Серебряным веком.....	47
3. Освещение литературной жизни эмиграции: особая позиция «Воли России»	58
3.1 Критический взгляд на потенциальные возможности эмигрантской литературы.....	58
3.2 В эпицентре журнальных полемик.....	75
4. «Повернуться лицом к России»: рецепция советской литературы в материалах «Воли России»	90
4.1 Освещение внутрилитературных дискуссий.....	90
4.2 Проблемы с публикацией советских авторов.....	101
4.3 Новаторство и политизация советской поэзии.....	107
4.4 Пути развития советской художественной прозы.....	115
Заключение	135
Библиографический список использованной литературы	141
Приложение 1.....	152
Приложение 2.....	153
Приложение 3.....	155
Приложение 4.....	158

Введение

Данная работа посвящена журналу «Воля России», издававшемуся русскими эмигрантами в 20-е – 30-е годы XX века в Праге. Изучение редакционно-издательской деятельности этого журнала направлено в первую очередь на систематизацию и анализ публиковавшихся в нем литературно-критических и литературно-художественных материалов, рассмотрение позиции сотрудников журнала в отношении советской и эмигрантской литературы, современной литературной критики, а также традиций и наследия классической русской литературы. Фактически, представленное здесь исследование является более углубленной разработкой темы, заявленной в моем дипломном проекте «Восприятие советской литературы русской эмиграцией: по материалам журнала „Воля России“» (2020), и продолжает изучение истории «Воли России» в контексте русской зарубежной журналистики и литературной критики межвоенного периода.

В научной и публицистической литературе постсоветского периода историко-культурный феномен русской эмиграции первой волны получил довольно широкое освещение. Свидетельством тому может служить большое количество исследований в этой области и публикаций, появившихся как в современной Российской Федерации, так и в других странах, в том числе и в Чешской Республике. Тем не менее отдельные аспекты эмигрантского движения по-прежнему изучены не в полной мере. Что касается «Воли России», то нельзя сказать, что журнал был обойден вниманием историков и филологов, занимающихся жизнью русских беженцев за границей. Одна из первых заметок о деятельности журнала объявилась в сборнике Сергея Постникова «Русские в Праге 1918–1928 г.г.» (1928), освещающем все аспекты культурной, научной и публицистической жизни русской диаспоры в 20-е гг. В этой заметке «Воля России» была представлена как единственный регулярно выходящий в эмиграции «толстый» ежемесячник, стремящийся давать обзоры текущих событий русской и иностранной жизни (Постников 1928: 201).

Ценным источником информации для всех исследователей истории русской эмиграции является объемная монография писателя и литературоведа Глеба Струве «Русская литература в изгнании», изданная в Нью-Йорке в 1956 г. Более позднее издание этой книги было дополнено кратким словарем с биографическими сведениями о многих представителях эмиграции, который весьма помог мне при идентификации имен некоторых авторов «Воли России», подписывающих свои статьи псевдонимами.

Хотелось бы отметить еще одного американского ученого русского происхождения – Марка Раева (Raeff). Историк по образованию, он написал множество работ о России, а его книга «Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939» (1990), которую я буду часто цитировать в своей работе, охватывает все аспекты культурной жизни русского зарубежья межвоенного периода.

Среди источников на чешском языке можно выделить книгу Иржи Вацека (Vacek) и Лукаша Бабки (Babka) «Hlasy vyhnaných: periodický tisk emigrace ze sovětského Ruska (1918–1945)» (2009), содержащую краткую характеристику печатных изданий, выходивших во всех центрах русского рассеяния. Эмигрантской прессе посвящено и исследование финской русистки Юлитты Суомелы (Suomela) «Зарубежная Россия: идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг.» (2004), анализирующее отношение русской журналистики к различным политическим событиям межвоенного периода. Все эти издания обладают своими достоинствами, но о «Воле России» они дают лишь общие сведения, не углубляясь в специфику литературно-критических публикаций журнала.

Особо хочу остановиться на книге Татьяны Петровой «Литературная критика русской эмиграции первой волны. Современные отечественные исследования» (2010). Эта работа является обзором современных российских исследований эмигрантской критики. Она также предоставляет информацию о направлениях, по которым развивалась критика за границей, о дискуссиях, пробегающих на страницах зарубежной прессы и т. п. Это, безусловно, весьма ценное издание, но о журнале «Воля России» в нем не упоминается ни разу (есть только ссылка на одну статью Гайто Газданова, напечатанную в журнале). Правда, личности Марка Слонима – главного редактора литературного отдела – все же уделено некоторое внимание (без учета его деятельности в «Воле России»).

Некоторую информацию о деятельности литературного отдела «Воли России» можно найти в статье Алексея Зверева, вошедшей во второй том «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья» (2000), в вышеупомянутой книге Струве, а также в воспоминаниях Слонима, помещенных в сборник «Русская литература в эмиграции» (1972), составленный американским славистом Николаем Полторацким. Наиболее обстоятельно к разбору этой части публикаций журнала подошла Милуше Задражилова (Zadrazilová); ее статья «Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací», помимо прочего, касается и отношения сотрудников журнала к

эмигрантской и советской литературе. Однако точка зрения Задражиловой на эту проблематику не является исчерпывающей, а к тому же некоторые ее выводы требуют определенных уточнений, что я и попытаюсь сделать в своей работе.

Учитывая все вышесказанное, главной моей задачей стало дополнение уже имеющихся сведений о журнале «Воля России» и более подробное изучение ее критических публикаций, посвященных истории отечественной литературы и актуальным процессам, которые происходили в культурной жизни русского зарубежья и метрополии. Данная тема, как мне кажется, представляет интерес по нескольким причинам. Во-первых, если говорить о литературной критике в общем, то нельзя не признать особую важность этой дисциплины как одной из областей литературоведения. Критика способна стимулировать, направлять и оценивать художественные явления, происходящие в обществе, влиять на их развитие, она всегда носит актуальный характер и тесно связана с другими областями гуманитарных наук. Во-вторых, широко известно, какую огромную роль играла литература в культурной жизни эмиграции, поэтому и литературная критика занимала в те годы существенное место в интеллектуальной деятельности русской диаспоры.

При изучении истории «Воли России» невозможно обойти вниманием не только зарубежную прессу тех лет, но и такое явление в русской культуре, как «толстый» журнал. Общие методологические рекомендации для изучения данного вопроса даются в учебном пособии Татьяны Снигиревой и Алексея Подчиненова «Феномен российского литературно-художественного журнала» (2018). «Литературная критика, – как пишут авторы этой книги, – душа „толстого“ журнала в России», а ее роль в контексте литературного процесса они сформулировали так: «[Ц]еленоправленное воспитание художественного вкуса читателя; совершенствование художественного мастерства писателя путем тактичного и вместе с тем решительного выявления как достоинств, так и недостатков его творений; анализ и оценка современного критике литературного процесса» (Снигирева–Подчиненов 2018: 7).

Авторы этого пособия также рекомендуют при изучении каждого «толстого» журнала использовать междисциплинарный подход, вытекающий из необходимости учитывать специфику этого средства информации: его общественное значение, идеологическую направленность, место в национальной журналистике, вовлеченность в актуальные литературно-культурные процессы и наконец его собственную

литературно-художественную ценность. На основании этих рекомендаций при исследовании журнала «Воля России» были поставлены следующие конкретные цели:

- продолжить воссоздание целостной картины формирования и развития литературной критики в среде русских эмигрантов;
- привлечь внимание к малоизвестным или забытым критикам и писателям того времени;
- рассмотреть ключевые аспекты эмигрантской литературной критики, а также участие журнала «Воля России» в общеэмигрантских полемиках о целях и задачах современной критики;
- охарактеризовать отношение сотрудников «Воли России» к литературной жизни русского зарубежья;
- проанализировать взгляды сотрудников журнала на зарождающееся в послереволюционной России искусство и литературу.

В ходе своей работы я в первую очередь опиралась непосредственно на публикации «Воли России». В моем распоряжении имелось 124 номера журнала¹, из которых я отобрала примерно 500 статей подходящего для моей темы содержания (более 150 из них цитируются или упоминаются далее в основном тексте). Кроме того, я использовала материалы других эмигрантских и советских периодических изданий, с которыми «Воля России» вела заочные дискуссии: «Современные записки» (Париж), «Своими путями» (Прага), «Версты» (Париж), «Благонамеренный» (Брюссель), «Числа» (Париж), «Литературная газета» (Москва) и пр.

Структура работы: текст содержит в себе четыре главы, разделенные на подглавы. В первой главе – *«Воля России»: журнал политики и культуры* – рассматривается позиция журнала по вопросам общественно-политическим, так как, не трудно предположить, что эстетические предпочтения коллектива «Воли России» строилось в соответствии с политической ориентацией ее главных редакторов, являющихся членами партии эсеров. По этой причине в этой главе дано краткое описание истории возникновения журнала, определена его специфика по сравнению с другими эмигрантскими изданиями, приведены статьи, характеризующие

---

¹ Полный комплект всех номеров журнала «Воля России» (как и другие периодические издания того времени, используемые в данной работе) хранится в пражской Славянской библиотеке.

политический курс, которого придерживалась редакция. Далее я перехожу к литературной части публикаций «Воли России», представляю ее общий обзор и выделяю направления, по которым развивалась деятельность литературного отдела. В последней подглаве я останавливаюсь на некоторых сотрудниках «Воли России», внесших особенно заметный вклад в области литературной критики.

Так как журнал освещал не только современную литературу, но и обращался к истории русской словесности, во второй главе – *Дореволюционная литература в материалах «Воли России»: разнообразие взглядов и концепций* – я разбираю критические материалы, касающиеся традиций русской классической литературы и наследия эпохи модернизма. Сохранение традиционных национальных культурных ценностей было важной составляющей деятельности русских эмигрантов. На страницах «Воли России» творения классиков рассматривались с точки зрения преемственности поколений и вклада предыдущих поколений русских писателей в отечественную культуру. Генерация Серебряного века в те годы еще продолжала существовать, поэтому в отношении ее наследия разговор идет не столько о прошлых заслугах, сколько о послереволюционных трансформациях в мировоззрении некоторых авторов.

Третья глава – *Освещение литературной жизни эмиграции: особая позиция «Воли России»* – посвящена целиком эмигрантским проблемам: развитию литературы и литературной критики в условиях эмиграции и позиции сотрудников «Воли России» по этим вопросам, которая строилась на общей ориентации редакции на достижения советского искусства и излишне критическом отношении к культурным явлениям зарубежной России. В этой главе также будет уделено внимание другим эмигрантским журналам литературно-художественного направления и наиболее видным эмигрантским писателям и критикам того времени.

Предметом исследования в четвертой главе – *«Повернуться лицом к России»: рецепция советской литературы в материалах «Воли России»* – станет советская литература. Данная часть публикаций журнала изучена мною в двух аспектах: хронологическом и тематическом, то есть я пытаюсь определить, менялось ли с течением времени отношение авторов журнала к творчеству советских писателей, и какие именно явления советского искусства привлекали их внимание в наибольшей степени. Литературная жизнь метрополии была не менее активной, чем за границей, поэтому одна из подглав рассматривает литературные дискуссии и основные проблемы, решаемые в те годы советскими деятелями культуры.

Отдельная подглава посвящается публикации в «Воле России» художественных произведений советских писателей и трудностям, с которыми в связи с этим пришлось столкнуться редакции журнала.

В Заключении я подведу итоги своей работы и намечу возможные пути для дальнейших научных изысканий по затронутым мною вопросам. После этого последует список используемой литературы, а также четыре приложения:

- Приложение 1: список произведений советских авторов, опубликованных в журнале.
- Приложение 2: редакционная колонка журнала «Современные записки», в которой были отражены цели и политика данного издания (подробнее см. подглаву 3.2).
- Приложение 3: копия письма Евгения Замятина (подробнее см. подглаву 4.2).
- Приложение 4: копия отрывков из письма Анатолия Мариенгофа с комментариями редакции «Воли России» (подробнее см. подглаву 4.2).

Примечания:

- a) далее в тексте название журнала «Воля России» будет писаться в сокращенном виде без кавычек: ВР;
- b) в основном тексте работы (в ссылках на библиографические источники) будут использоваться следующие сокращения:
  - Краткая литературная энциклопедия: КЛЭ;
  - Литературная энциклопедия: ЛЭ;
  - Москва: М.;
  - Санкт-Петербург: СПб;
- c) все статьи, в первоисточнике написанные по дореволюционным правилам орфографии и пунктуации, при цитировании пишутся в соответствии с современными требованиями грамматики русского языка;
- d) при цитировании также исправлены грамматические ошибки и опечатки, встречающиеся в первоисточнике;
- e) если статья была подписана псевдонимом или инициалом, то в библиографических ссылках и в списке литературы настоящая фамилия автора указывается в квадратных скобках после псевдонима (кроме случаев, когда

установить авторство не удалось); при цитировании неподписанных статей вместо имени автора пишется «Аноним»;

- f) статьи, упоминающиеся в тексте, но не цитирующиеся, не входят в общий список использованной литературы; их библиографические данные указываются непосредственно после названия.

1. «Воля России»: журнал политики и культуры

1.1 Общественно-политическая направленность «Воли России»

Журнал ВР возник в январе 1922 г. на базе газеты с подобным названием². Первые восемь месяцев он выходил еженедельно и представлял собой тридцатистраничное (в среднем) издание. С сентября того же года журнал начал выпускаться два раза в месяц, его объем доходил до девяноста страниц (сдвоенные номера превышали и двести страниц), а на его обложке появился подзаголовок: «Журнал политики и культуры». Дальнейшие изменения произошли в 1925 г., когда он принял вид ежемесячника, чем и оставался до своего последнего июльского номера 1932 г. Тем самым, просуществовав десять лет, журнал стал одним из «долгожителей» среди русскоязычных периодических изданий, выпускающихся за границей.

Периодические издания появлялись в эмигрантской среде в огромном количестве, и это вполне объяснимо, потому как разбросанные по всему миру изгнанники стремились сберечь свою национальную идентичность, как-то объединиться, иметь собственные источники информации и платформы для дискуссий. «The printed word – newspapers, journals, books – was obviously the most effective means to this end» (Raeff 1990: 73). Пресса выполняла и другую не менее важную функцию: она играла большую роль в деле сохранения традиций русской культуры, а кроме того, позволила многим журналистам, писателям, критикам продолжить свою профессиональную деятельность. «And quite obviously, the possibility of printing and disseminating the Russian word enabled the émigrés to continue to create and maintain their intellectual and cultural life» (Там же).

М. Раев указывал на еще одну специфическую черту эмигрантской прессы тех лет: ее полную творческую свободу. «Полной» в широком смысле этого слова она не была. Кроме политических пристрастий, которые разделяли русское эмигрантское общество на разные группы, союзы, организации и т. п., существовала и так называемая «групповщина» – тесные дружеские связи между отдельными личностями, что часто отражалось на объективности освещения тех или иных событий. К этим двум факторам я еще буду возвращаться в ходе своей работы. Согласиться же со словами Раева можно только в том случае, если говорить об

---

² Издательство «Воли России» располагалось в Праге по адресу Uhelný trh 1.

отсутствии контроля со стороны государственных органов³. «For the first time in Russian history the intellectual, the writer, and the artist enjoyed absolute freedom, unhampered by censorship» (Там же: 197). В большинстве своем публикации русскоязычной прессы не привлекали к себе внимания местных властей и местного общества, потому что не касались этих самых «местных властей» или внутренней жизни стран, в которых беженцам довелось обосноваться. Конечно, были исключения (и это я попытаюсь продемонстрировать на примере ВР), но в основном русская диаспора была занята преимущественно своими внутренними делами, слишком медленно интегрировалась и почти не интересовалась внешним окружением. Взаимное равнодушие и породило ту «пьянящую творческую свободу», о которой писал Раев. «This heady freedom of expression at times resulted in somewhat exaggerated formulations, but its primary result was open discussion of ideas and artistic expressions» (Там же: 198)⁴.

Востребованность и ценность эмигрантских периодических изданий для изгнанников не могла, однако, воспрепятствовать тому, что подавляющая их часть имела довольно краткую историю. С. Постников в книге «Русские в Праге 1918–1928 гг.» привел следующие статистические данные, показывающие состояние русскоязычной прессы в ЧСР: согласно Русскому историческому архиву «с 1920 по 1927 г. в Чехословакии издавалось 80 журналов различного типа. Из числа этих журналов в 1928 г. выходят 24» (Постников 1928: 204). Такое бедственное положение эмигрантской прессы было напрямую связано и с тяжелым материальным положением русских беженцев, и с экономическими условиями в стране их проживания, и с политической обстановкой. В некотором смысле редколлегия ВР повезло. «Как и все эмигрантские начинания в Чехословакии – от стипендий студентам и писателям до

---

³ Надзор за периодическими изданиями в ЧСР, разумеется, проводился. Цензуре подвергалась, например, печатная продукция радикально левой и коммунистической направленности или сепаратистская литература, выступавшая против присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР. Подробнее см. M. Wögerbauer, P. Píša, P. Šámal, P. Janáček a kol., *V obecném zájmu: Cenzura a sociální regulace literatury v moderní české kultuře 1749–2014*. Praha: Academia, 2015.

⁴ То, что некоторые эмигранты осознавали выгоды своего положения, подтверждают слова писателя, публициста, участника евразийского движения Константина Чхеидзе: «Русские в России находятся в обстановке деспотической. <...> Русские же вне России поставлены в неповторимо-благоприятные условия: абсолютной идейной свободы. Это обязывает вдвойне: за них и за себя. Понять и свободно выразить: чем живет, куда стремится Великая Страна. ...какая захватывающая, высокая задача» (Чхеидзе 1933: 1–2).

издательства „Пламя“, от Земгора⁵ до санатория, от просветительных до профессиональных учреждений и научных обществ, „Воля России“ получала определенные суммы по утвержденному правительством бюджету так называемой „русской акции“» (Слоним 1972: 291). К сожалению, дотации с каждым годом сокращались, и в конце концов финансовые трудности привели к тому, что в 1927 г. редакция перебралась в Париж, а в 1932 прекратила свою деятельность.

Политическая ангажированность, как отмечалось выше, была одной из существенных особенностей русского эмигрантского общества, что отражалось и на прессе. Большинство изданий межвоенного периода выражало взгляды той или иной политической партии. Так в Париже, например, возник еженедельник «Евразия» – печатный орган евразийцев, а в Берлине – монархической журнал «Грядущая Россия». Что касается ВР, то ее редакцию составляли представители партии социалистов-революционеров (или попросту эсеров): Владимир Лебедев, Марк Слоним, Василий Сухомлин, Евсей Сталинский (последний с лета 1924 г.). «Časopis... měl samostatné politické zaměření, rozporné a složité, ale svým způsobem unikátní. Redakce se distancovala od krajní pravice, monarchistů. Ostře polemizovala nejen s republikánsko-demokratickou žurnalistikou, ...ale i s pravicovým křídlem socialistů. Deklarovala i nesouhlas s taktikou časopisu *Sovremennyje zapiski*, považujíc za nepřipustné jeho napojení na religiózní socialismus. S ostatními emigrantskými periodiky ji však spojoval antibolševismus» (Vacek–Babka 2009: 42–43). Иными словами, ВР являлась органом левого крыла партии эсеров, той ее части, что поддержала большевиков в 1917 г. Сотрудничество с новой властью после революции оказалось недолгим, и в начале 20-х гг. деятельность партии в советской России стала невозможной.

Журнал с момента своего возникновения позиционировал себя как социал-демократическое издание. В статье, посвященной пятилетию ВР, она названа защитницей «демократического социализма против большевистской диктатуры», «прямой продолжательницей русского революционного народничества» (Аноним 1927а: 150), звеном в «золотой цепи» преемственности русской мысли. Помимо общих слов в этой статье довольно однозначно были изложены общественно-политические принципы журнала: уважение к человеку, вера в социализм и понимание «задач

---

⁵ Земгор – созданный в 1915 г. комитет, объединяющий органы местного самоуправления (земства и городские думы). В эмиграции оказывал всестороннюю помощь русским беженцам. О «Русской акции» и деятельности Земгора в ЧСР см. В. Лебедев, *Помощь Чехословакии* (1922, № 1), А. Кожухова, *Постановка помощи русским беженцам в ЧСР* (1922, № 22), Л. Россель, *Пражский Земгор* (1923, № 4), Л. Россель, *Пятилетие Пражского Земгора* (1926, № 3) и др.

социалистического строительства, как самодеятельности масс и творчества коллективов» (Там же: 151).

Как видно из этих тезисов, эсеры и в эмиграции оставались сторонниками социалистического пути развития России⁶, поэтому неудивительно, что в публикациях, освещающих актуальные проблемы покинутой родины, звучала не только критика советского режима, но и предложение повернуться «лицом к России», изучать процессы, протекающие «за обманчивым фасадом коммунистско-большевистской системы» (Там же). Журнал стремился знакомить читателей с новым русским искусством, призывал к «поддержке его наиболее талантливых и передовых элементов и к внимательному и сочувственному изучению молодых побегов русской культуры» (Там же).

В первые годы своего вынужденного пребывания за границей редакция ВР воспринимала эмиграцию как явление временное, впрочем, подобные чувства испытывало большинство русских беженцев, многие из которых буквально «сидели на чемоданах», веря в скорейшее изменение своего положения и ожидая неизбежного, как им казалось, падения большевиков⁷. Надежда на благоприятное развитие событий была настолько сильна, что партия эсеров, а вместе с ней и редакция журнала, делали упор на то, что они являются лишь «зарубежной делегацией» партии социалистов-революционеров, которая «действует исключительно в России и не преследует никаких целей – ни „вербовочных“, ни иных – по отношению к эмиграции» (Лебедев 1926а: 127).

Возвращение на родину – одна из самых животрепещущих тем первой половины 20-х гг., и дискуссии по этому поводу не раз возникали на страницах ВР. Она не поддерживала идею отдельных реакционных кругов возобновить интервенцию в Советский Союз и не разделяла мнения об особой миссии беженцев в деле сохранения русской культуры. Задача, которую ставил перед собой журнал,

---

⁶ Эсеры были сторонниками демократического аграрного социализма, то есть их концепция, по сравнению с другими социалистическими идеями, основывалась на том, что социализация в России должна была бы начаться с деревни, с отмены частной собственности на землю, с превращения ее в общенациональное достояние без права купли-продажи. Они склонялись к федеративному устройству страны и признавали право на самоопределение для национальных окраин бывшей Российской империи.

⁷ Многие эмигранты долгие годы жили с надеждой на возвращение домой. Художник Михаил Шемякин, высланный из СССР в 1971 г., в своих воспоминаниях пишет: «Я застал еще многих из этой первой волны эмиграции – царских корнетов, офицеров, придворных дам, истинно русских интеллигентов. И мне запомнилось, что в прихожих у них стояли старые, с потрескавшейся кожей, чемоданы, баулы, они были покрыты пылью. Это было очень страшно наблюдать. Они приехали с ними из царской России и хотели верить, что революция ненадолго и все вернется вскоре на круги своя. И дали себе слово, что откроют их, когда вернутся на Родину. Увы!» (Шемякин 2016: 16).

заклучалась в правдивом (в их понимании) освещении событий и сохранении сил для будущего возрождения страны. Как писал М. Слоним в статье «О республиканском объединении», «[в] эмиграции живет огромная масса русских граждан. Рано или поздно они возвратятся на родину и сыграют значительную роль в ее культурном и экономическом восстановлении» (Слоним 1922з: 42).

Со временем эти иллюзии сменились более прагматическим отношением эмигрантов как к своему положению изгнанников, так и к перспективам свержения ненавистной им власти. Конец эпохи НЭПа (Новой экономической политики), усиление диктатуры И. Сталина, трагические судьбы тех, кто поддался на большевистскую агитацию и вернулся в Россию, радикальным образом изменили настроения в русской диаспоре, хотя определенное брожение в эмигрантской среде не прекращалось никогда, достаточно вспомнить «сменовеховство» – движение, которое «призывало к смирению и к возвращению эмигрантов в Россию с тем, чтобы выхаживать больную „Родину-мать“» (Суомела 2004: 280). Е. Сталинский в 1931 г. затронул эту проблему в статье «Эмиграция и политика», написанную в связи с несогласием автора с некоторыми зарубежными изданиями, которые требовали от своих читателей большей политической активности. Сталинский недоумевал по поводу того, что «несмотря на тринадцатилетний, и казалось бы, весьма богатый опыт эмиграции, иллюзии еще не рассеялись» (Сталинский 1931: 463), и ставил принципиальный вопрос: «[Д]а способна ли вообще эмиграция, как таковая, играть активную политическую роль и воздействовать в какой бы то ни было мере на события происходящие в России?» (Там же). Для Сталинского в России уже не осталось никакой социальной основы для возврата к прошлому, и он видел лишь два пути ее дальнейшего развития: «или длительный затяжной период коммунистической диктатуры все более усугубляющей свой тиранический характер или поворот в той или иной форме, с той или иной скоростью темпов в сторону демократии» (Там же: 477). Если в эмигрантской среде появятся элементы, способные примириться с этой истиной и осознать исторический перелом, свершившийся в России, то тогда «перед такими элементами, а только перед ними, могут открыться перспективы действенного приобщения к процессам, происходящим на родине и активной политической роли» (Там же: 478). Все остальное Сталинский называл «суетой сует», «томлением эмигрантского духа».

Но и когда надежды на возвращение становились все более призрачными, ВР продолжала пристально следить за жизнью в большевистской России.

Пути получения информации о событиях, происходящих в советском обществе, были различные, один из них – непосредственно из писем, приходящих из СССР. В своих воспоминаниях Слоним осторожно, без дополнительных подробностей, видимо, в целях конспирации, касался этого момента: «Из номера в номер печатались корреспонденции из России наших нелегальных корреспондентов, которым мы давали характерные псевдонимы Невидимцева, Гонцова и так далее. До самого своего закрытия „Воле России“ удавалось поддерживать сношения с родиной и получать оттуда очень интересные сведения как общего, так и литературного характера» (Слоним 1972: 294).

Жизнь в стране Советов освещалась авторами ВР во всех подробностях. Журнал следил за актуальными событиями и, как мог, старался, хотя бы морально, помочь своим соотечественникам, с трудом выживающим в обстановке разрухи и террора. Разразившийся в России голод, невыносимые условия жизни заключенных в советских тюрьмах, репрессии, «чистки», НЭП – вот лишь немногие темы, поднимаемые в рубриках «Русская жизнь», «Голод в России», «Жизнь в России», «Россия и иностранные державы», «На тему дня», «Жизнь национальностей» и др. Весьма примечательна в этой связи работа социолога Питирима Сорокина, высланного большевиками за границу в 1922 г. В статье, озаглавленной «Нравственное и умственное состояние современной России», ученый обвинял революцию в том, что она стала «школой преступности», основным фактором «криминализации» людей, а возникшее после 1917 г. государство он именовал «клоакой преступности», население которой «в сильной степени деградировало в моральном отношении. Особенно значительна деградация в молодом поколении» (Сорокин 1922а: 27). Примеров этой деградации Сорокин привел много, некоторые просто ужасают своим натурализмом и варварством. Выберу один отрывок, касающийся высшего образования:

«Вместо 177 – высших учебных заведений, фиктивно существовавших в 1919–20 гг., теперь число их пало до 24–27 на всю Россию по всем отраслям. <...> Лекции читались в темноте: лектор и слушатели не видели друг друга. Было счастьем, если иногда удавалось раздобыть огарок свечки. <...> Отсюда легко понять, что такой же недостаток был и во всем другом: в приборах, в бумаге, в реактивах и лабораторных

принадлежностях; о газе забыли и думать. <...> Зато в человеческих трупах недостатка не было. Одному ученому „че ка“⁸ даже предложила „для пользы науки“ доставку только что убитых трупов» (Сорокин 1922б: 25).

Статья известного социолога вызвала полемику со стороны редакции журнала. В примечании к тексту Сорокина, был помещен комментарий В. Сухомлина, в котором более всего критиковалась «парадоксально-заостренная форма суждений проф. Сорокина о революциях» (В. С. [Сухомлин] 1922: 32). Член партии эсеров, революционер со стажем Сухомлин не видел других методов борьбы для освобождения от национального, сословного или политического гнета, кроме как путем переворотов. По его мнению, «нет также никакого сомнения и в том, что для нравственного развития человечества необходимы известные правовые, политические и социальные предпосылки, создание которых „мирными“ средствами, увы, не всегда возможно» (Там же: 33).

Во многих отношениях ВР являлась наследницей традиций русской литературно-публицистической прессы XIX в. Материалы журнала охватывали различные аспекты общественной, политической и культурной жизни России, большинства европейских стран, Китая, Индии, Америки и т. д. На его страницах читатели могли найти публикации на исторические темы, работы по философии, социологии, литературоведению, произведения современных русских и зарубежных писателей и поэтов.

Будучи изданием пражским, ВР не могла не уделять внимание чехословацким реалиям, пребыванию беженцев в этой стране, взаимоотношениям между ЧСР и советской Россией. В начале 20-х гг. журнал подробно рассказывал о материальной поддержке, оказываемой местным правительством, о деятельности эмигрантских организаций в Чехии, о жизни студентов, о создании русских научных и культурных центров. Тогда же началось и сотрудничество ВР с видными чешскими политиками, публицистами, критиками, писателями: Т. Г. Масариком, Э. Бенешем, М. Рутте, Г. Елинеком, Я. Папоушеком, К. Чапеком, В. Ванчурой и др.⁹

---

⁸ ЧК (Чрезвычайная комиссия) – орган государственной безопасности, созданный большевиками в декабре 1917 г., имевший неограниченные полномочия и ставший, по сути, инструментом для осуществления государственного террора и политических репрессий.

⁹ Сотрудничество ВР с чехословацкими политиками и писателями в большинстве случаев, по всей видимости, основывалось на политических предпочтениях и личном знакомстве. Слоним в своих воспоминаниях комментировал выбор авторов так: «Наиболее крепкими оказались наши связи с чешскими народными социалистами и социал-демократами... Личное общение с чехословацкими прозаиками и поэтами (пишущий эти строки владел чешским языком) привело к появлению переводов их произведений на страницах нашего журнала» (Слоним 1972: 294).

В 1922 г. редакция обратилась к видным чехословацким политикам с анкетой. Вопросы касались самых животрепещущих на тот момент проблем: международного признания большевистского правительства и установления с ним политических и торговых отношений, вероятности массовой реэвакуации русских беженцев из Европы, внутренней жизни эмигрантов в ЧСР и их финансовой поддержки, подготовки кадров для будущего восстановления России, помощи студентам и научным работникам и пр. Карел Крамарж, например, с энтузиазмом высказался по поводу организации для молодежи научных, образовательных и культурных учреждений, но при этом и от русского студенчества ожидал проявление инициативы: «Если мы увидим, что эти студенты действительно работают, что они не смотрят на свое пребывание в Праге, как на приятный отдых, где они могут хорошо жить, ничего не делая, если мы увидим, что эти студенты действительно сливаются с нами, интересуются нашей жизнью, нашей культурой, – если мы увидим все это, то я глубоко уверен, что любовь к России во всех классах чешского общества так велика, что все будут приветствовать продолжение и расширение мероприятий, имеющих своей целью создание в Праге крупнейшего академического центра» (Аноним 1922в: 15).

ВР была хорошо известна и за пределами Чехословакии. Она продавалась во всех крупных местах расселения русских беженцев. Например, о популярности журнала в Финляндии можно узнать из книги Ю. Суомелы. По ее сведениям, ВР была так востребована в этой стране, что ее быстро раскупали в газетных киосках, в связи с чем предлагалось «организовать продажу через книжный магазин на Привокзальной площади» (Суомела 2004: 95). Подобная ситуация сложилась и в других европейских странах. В СССР журнал попадал по тайным каналам нелегально, а также закупался официальными советскими учреждениями, но, конечно, не для массового распространения. Сотрудники ВР были прекрасно осведомлены о том, что советские граждане лишены возможности знакомиться с эмигрантской прессой, и что даже библиотеки, которые должны были бы «с научными целями подбирать все русские издания, не имеют этой литературы» (Постников 1926б: 161). Известно было и то, что «лишь члены ГПУ¹⁰, да и то ответственные из них, в служебном порядке систематически читают эмигрантскую литературу» (Там же). Кроме спецслужб, доступ к запрещенным изданиям имели партийные руководители и советские чиновники,

---

¹⁰ ГПУ (Главное политическое управление) – орган государственной безопасности в РСФСР, созданный в 1922 г. при НКВД (Народном комиссариате внутренних дел).

которые периодически вступали в заочные дискуссии с ВР (и со всей эмигрантской прессой) или клеймили ее в своих докладах, к тому же и советская пресса не раз обрушивалась на журнал как на «белогвардейский, контрреволюционный орган врагов народа» (Слоним 1972: 299).

В одной из своих статей В. Сухомлин привел цитаты из доклада Григория Зиновьева (члена Политбюро Центрального комитета РКП(б) на тот момент), в котором упоминалась и ВР, естественно, в негативном ключе. Зиновьев обвинял журнал в том, что он отражает интересы буржуазной демократии, но при этом, говоря о настроениях различных слоев общества после введения в стране НЭПа, признавал, что политических материалов на эту тему в советских изданиях очень мало и «отголоски этого явления приходится искать в зарубежной белогвардейской прессе» (Сухомлин 1924: 182).

Критика в адрес ВР звучала и с другой стороны – со стороны коллег-эмигрантов и даже соратников по партии. Так Александр Керенский на страницах редактируемого им еженедельника «Дни» обвинил некоторые издания социал-революционеров, и ВР в том числе, в поддержке сталинской индустриализации и коллективизации, в том, что они «Дон-Кихоты „советских достижений“», которые «без всяких к тому оснований вдруг стали „открывать“ непросвещенным эмигрантам свет, давно ими открытый в сталинской Америке. Стали звать эмиграцию – стать лицом к родине как раз тогда, когда даже кутеповские круги¹¹ не мечтают уже больше о какой-то особой „миссии эмиграции“ в России» (Керенский 1930: 4).

По поводу этой публикации и других, похожих по содержанию, Сухомлин высказался в статье «На разные темы: Коллективизатора поймали!». Он назвал нападки Керенского необоснованными и отрицал тот факт, что ВР когда-либо поддерживала сталинский курс. И все же журнал «согрешил» против «эмигрантского хорошего тона» главным образом тем, что отказался видеть в СССР «одну сплошную чернильную тьму» (Сухомлин 1930: 388). Журнал всегда, и об этом писал Сухомлин, пытался «объективно анализировать происходящие в стране социально-экономические процессы» (Там же), старался «в новой, взбудораженной революцией, отчасти искаленной большевистским головоутием, России найти точки опоры для социалистического движения и развития» (Там же).

---

¹¹ Александр Кутепов – генерал, участник Белого движения. Он и его сторонники призывали к активным действиям против советской власти.

Упрекали ВР и за то, что она отдавала явное предпочтение советской литературе, а не эмигрантской. Бурю негодования вызвала она, когда позволила себе заявить, что «не умерла русская литература, русская культура, что она развивается и идет к новому расцвету в России, а не в обмелевших эмигрантских „садах“, по недавнему горькому выражению г. Мережковского» (Там же: 387).

Переходя от политической составляющей ВР к рассмотрению ее литературной части, хочу еще раз отметить, что на протяжении десяти лет существования журнал оставался верен своим политическим принципам – принципам демократического социализма, стремился «не столько противопоставлять себя пореволюционной России, сколько искать путей сближения с теми силами, которые признавались потенциальной опорой предстоящего возрождения нации и родины» (Зверев 2000: 78). К сожалению, эти стремления не нашли своего практического применения, и эмиграция на долгие годы была лишена какой-либо возможности участвовать в жизни России.

1.2 Литературно-критическое содержание «Воли России»

В эмиграцию первой волны входили представители всех слоев дореволюционного российского общества, однако чаще всего русское зарубежье ассоциируется с деятелями культуры и искусства – писателями, поэтами, философами, художниками и т. п. Я уже писала о том, какую роль в жизни беженцев играла пресса. Возможно, еще большее значение для национального самосознания русских эмигрантов имели культурные процессы, происходящие в их среде, и прежде всего те явления, которые были связаны с художественной литературой. «For a number of reasons... the predominant expression of modern Russian cultural creativity, roughly since the reign of Peter I, had been in the form of literature» (Raeff 1990: 10). Необходимо учитывать и тот общеизвестный факт, что литература в России была тесно связана с общественно-политической жизнью страны, а потому культурные рубрики «толстых» журналов часто служили платформой для выражения определенной идеологической позиции, что можно наблюдать и на примере ВР.

В своих воспоминаниях М. Слоним так сформулировал три линии, по которым развивался литературный отдел ВР: «свободная критика зарубежных писателей [писателей-эмигрантов] и разоблачение кумовства и кружковщины („все в Париже сидят за одним чайным столом“); ставка не на именитых, а на молодых и неизвестных;

ознакомление читателей с тем, что происходит в советской литературе, выделяя ее лучшие образцы и ведя борьбу за свободу слова и творчества» (Слоним 1972: 297).

Нельзя не отметить, что журнал публиковал и произведения иностранных писателей, в том числе и чешских, что, безусловно, отличало его от других эмигрантских изданий. Кроме того, ВР занималась вопросами сохранения и продолжения традиций классической русской литературы.

Одной из первых постоянных литературных рубрик, появившихся в журнале, была рубрика «Среди книг и журналов», предоставляющая обзор советских и эмигрантских изданий. Со временем количество литературных разделов увеличилось и по объему могло занимать, включая беллетристику и мемуары, чуть ли не половину номера. Так, например, в январский номер 1924 г. входили следующие публикации литературного содержания:

- эссе К. Бальмонта «Воля России»;
- стихи В. Ходасевича, М. Волошина, К. Бальмонта, Н. Берберовой;
- воспоминания Т. Г. Масарика;
- главы из книги А. Франса «La vie en fleur»;
- статья В. Булгакова о новых рукописях Л. Н. Толстого (из архива Д. Маковицкого);
- «временник» А. Ремизова «Ростань»;
- отрывки из книги М. Цветаевой «Земные приметы»;
- глава из книги В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина»;
- отрывки из книги воспоминаний В. Лебедева «В стране роз и крови»;
- рецензия В. Гуревича на книгу Е. Колосова «Сибирь при Колчаке»;
- рубрика «Среди книг и журналов».

Вкусам русских эмигрантов, их литературным предпочтениям была посвящена одна из статей ВР – «Что читает эмиграция?»¹². Из нее мы узнаем, что пражскую библиотеку-читальню «Земгора», которая насчитывала свыше 33 тыс. книг¹³, в 1924 г.

---

¹² См. В. А. 1925.

¹³ При своем образовании библиотека насчитывала лишь несколько десятков книг. К 1925 г. она была дополнена 10 тыс. томов из фонда философа П. Лаврова, а также книгами из частных библиотек А. Гоца, Е. Лазарева, В. Чернова, В. Сухомлина.

посетило более 55 тыс. человек, причем не только выходцев из России, но и чешских граждан. Самым популярным автором среди них стал Л. Толстой.

Весь список самых востребованных у читателей этой библиотеки книг кажется весьма любопытным. На втором месте находится имя Ф. Достоевского, далее следуют М. Горький, Ал. Толстой, бывший белогвардейский генерал П. Краснов, Д. Мережковский, а вот А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Гоголь оказались далеко позади – в третьем и четвертом десятке (делать какие-то выводы из этого рейтинга не совсем корректно, ведь неизвестно каким количеством книг того или иного автора располагала библиотека на тот момент, но все же некоторая тенденция просматривается и без этих сведений).

Как видно из вышеуказанного содержания январского номера 1924 г., материалы литературного характера были довольно разнообразны, хотя, надо признать, номеров, в которых наблюдалось бы доминирование публикаций с литературной тематикой, было не так уж и много. Существенным тем не менее является то, что все статьи соответствовали «духу» журнала, его основной концепции – «вернуться лицом к России». Заслуга в этом целиком принадлежала Слониму – главному редактору литературного отдела, впрочем, например, М. Задражилова такую односторонность ВР ставит ему в вину. «Většina pobouřené emigrace zase bude číst především Slonimovu nekorektní ironizaci sakrálních metafor ruské pařížské diaspory („Реки Вавилонские“), jeho předčasné nekrology za žijící umělce literárního exilu, jeho odvržení doposud nosných (a většinou už transformovaných) tradic a jeho konfrontační vzdorovýčty umělců „nového Ruska“, jimž by měla patřit budoucnost» (Zadrazilová 1999: 144–145). О личности Слонима речь пойдет ниже. В следующей подглаве я попытаюсь немного сгладить острые высказывания Задражиловой. Однако не могу не согласиться с ее общей характеристикой литературного отдела ВР, содержание которого она делит на две части: художественную и, условно говоря, публицистическую, к которой я бы отнесла все металитературные работы: всевозможные рецензии, отзывы, очерки, аннотации и т. п. Данная форма окончательно сложилась к середине 20-х гг., благодаря, в первую очередь, деятельности Слонима. «Nicméně je třeba uznat, že se mu dařilo publikované umělecké texty (tj. literární rubriku VR) sladit s koncepcí rubriky kritické. Tu tvořily zásadnější příspěvky, zařazované do hlavního korpusu textů, a samostatná kritická příloha („přehledy“, „recenze“, „polemické poznámky“). Obě části bývaly proto vnímány jako

„jediný text“ (text „kritické rubriky“) a Slonimova stanoviska, zejména ostře polemické formulace, jako stanoviska redakce» (Там же: 140).

Художественные произведения, появившиеся на страницах ВР, в большинстве своем принадлежали современным авторам. Европейская литература была представлена сочинениями таких писателей, как А. Франс, Р. Роллан, Г. Аполлинер, М. Пруст, А. Моруа, Р. М. Рильке и т. д. (в ряде случаев в переводах сотрудников журнала). Из публицистических материалов об иностранной литературе я бы выделила статьи С. Раппопорта о Г. Уэллсе «Богоподобные люди» (1923, № 13) и его же – «Бернард Шоу как философ и мыслитель» (1926, № 3), «Обзор современной французской литературы» Д. Браги (1923, № 17), «Заметки о Эдгаре По, Гоголе и Мопассане» Г. Газданова (1929, № 5-6), «Современные польские поэты» Н. Мельниковой-Папоушковой¹⁴ (1930, № 1), «В поисках за Идеалом среди современных английских писателей» В. Томкеева (1922, № 26-27, № 28).

Чешскую литературу репрезентировала поэзия А. Совы, О. Бржезины, Й. Махара, рассказы К. Чапека, В. Ванчуры, Я. Неруды и др. Из статей, посвященных чешскому искусству, можно назвать работы Г. Елинека «Письмо о чешской литературе» (1924, № 8-9), М. Рутте «Современная чешская поэзия» (1927, № 8-9), Я. Гербена «О Петре Безруче» (1927, № 11-12) и др. Внимание к чешской словесности было не просто выражением благодарности стране, давшей приют и поддержку русским беженцам. Существовали определенные направления в развитии искусства, актуальные для культуры обоих народов, и ВР «стремилась воссоздать культурный контекст, в котором отчетливее просматривались бы особенности современной русской литературы, прежде всего молодой, ориентировавшейся на новейший европейский опыт не менее явственно, чем на русские классические традиции» (Зверев 2000: 80).

Для иллюстрации связи двух литератур я выбрала следующие публикации, демонстрирующие наличие точек соприкосновения в творчестве чешских и российских писателей: литературоведческую статью Ф. Геца «Конец пролетарской поэзии в Чехии»¹⁵ и критическую заметку Н. Мельниковой-Папоушковой «И. Эренбург и Я. Гашек».

---

¹⁴ Далее в тексте в библиографических ссылках фамилия Мельниковой-Папоушковой пишется в сокращенном виде: Мельникова. Некоторые статьи она подписывала Мельникова-Папоушек (см. библиографический список) или инициалами Н. М. П. и Н. М. П-к.

¹⁵ Статья ранее была опубликована в сборнике «Jasnící se horizont» (1926).

Известный критик и драматург Франтишек Гец (Götz) проанализировал причины несостоятельности так называемого пролетарского искусства. Но сначала он изложил идею, нашедшую своих приверженцев и в России, – идею соединения христианского учения с социализмом. Эта идея была наиболее популярна среди некоторых русских интеллектуалов непосредственно после большевистской революции, а главными ее «глашатаями» стали апологеты идейно-политического движения «Скифство», проявившего себя и в литературе, и в других видах искусства. Один из идеологов этого течения Р. Иванов-Разумник считал, что христианство и социализм – это «две вселенские идеи, две мировые волны, идущие одна вслед за другою, сметающие собою мир старый, выносящие нас с собою в мир новый» (Иванов-Разумник 2004: 669). Слова эти были написаны в 1918 г. в рецензии на поэму Андрея Белого «Христос воскрес». Через десять лет Гец высказал аналогичную мысль в своей статье. И для него социализм своими корнями уходил в религию, являлся «такой же все потрясающей стихийностью, как некогда кипучая вера в пришествие Христа» (Гец 1927: 140), и поэтому все социальные поэты (а к ним он причислял А. Гильбо, А. Блока, К. Библия, В. Маяковского, И. Волькера, Я. Сейферта) «наполняют свои социальные стихи прямо религиозной символикой» (Там же). Но вот марксизм как вдохновляющая сила для возникновения новой поэзии, по мнению Гецца, себя не оправдал, более того, марксизм и поэзия – два взаимоисключающие друг друга понятия. Если в начале часть левой интеллигенции и в России, и в Чехии смотрела на пролетарское искусство с надеждой, как на нечто новаторское, прогрессивное, способное заменить изживший себя еще до русской революции и основания ЧСР символизм и поздний романтизм, то позже оказалось, что классовый подход в такой интимной сфере деятельности как поэзия, «идет в разрез с основными элементами души художника, который воспринимает мир, как множественность, плюральность» (Там же: 143). Гец обвинил марксизм в бесчувственности, в равнодушии к отдельной личности, а молодых пролетарских поэтов критиковал за то, что они восприняли лишь «vulgar marxismus», то есть ограничили свое творчество исключительно агитационными, крикливыми лозунгами, а потому при чтении социальной лирики, «все время создается впечатление чего-то невзрачного, задушенного, безголосого, не проникнутого страстью и человеческим теплом» (Там же: 148).

Следующая мысль, которую раскрыл Ф. Гец и которая перекликалась с дискуссиями, пробегающими среди советских критиков в 20-е гг., касалась того, что

«пролетарское искусство, скорее, искусство для пролетариата, чем искусство пролетариата» (Там же: 146), и носителями культурных ценностей в обществе по-прежнему остаются «интеллигенты, поэты, культурные верхи» (Там же). Гец помимо прочего сослался на точку зрения Льва Троцкого по этому вопросу, который в своей работе «Литература и революция» (1923) подверг сомнению способность пролетариата создать новую культуру. «Чем больше будет крепнуть новый, пореволюционный режим, говорит Троцкий, тем сильнее будет вливаться пролетариат в остальные части общества, т. е. он будет терять свой классовый характер, перестанет быть пролетариатом. Поэтому перед пролетариатом лежит задача покончить как можно скорее и окончательно с классовыми культурами и открыть пути к культуре всего человечества» (Там же: 147). Соглашаясь с видным большевистским деятелем по этому вопросу, Гец заявил о необходимости отделения искусства от коммунистического пролетариата, как двух областей, несовместимых по своей природе (участие Троцкого в литературной борьбе и другие важные проблемы, которые волновали творческую интеллигенцию советской России в те годы, я рассмотрю в гл. 4).

Если статья Ф. Геца представляет собой теоретическое исследование, то в рецензии Н. Мельниковой-Папоушковой сравниваются произведения двух конкретных писателей – Ильи Эренбурга и Ярослава Гашека, причем об обоих авторах критик отзывалась без особого пиетета. «В Чехии жил и подвизался газетный фельетонист и писатель», – так говорит она о Гашеке перед тем, как приступить к анализу его романа о бравом солдате Швейке (Н. М. П. [Мельникова] 1928: 119). Она признавала популярность писателя в чешском обществе, но отмечала и то, что имеются люди, которые считают его позором нации. Роман Гашека Мельникова-Папоушкова охарактеризовала как обычный роман похождения, весь комизм которого заключается в том, «что по поводу всякого происшествия Швейк говорит: „а вот у нас тоже был подобный случай“ и рассказывает историю, абсолютно к делу не относящуюся» (Там же: 120). В книге, по ее мнению, нет четкой фабулы, настоящих крупных приключений, а есть лишь «хитроватый глупец, который извлекает пользу из своей глупости, прикрываясь ею, как плащом от жизненной непогоды» (Там же). Мельникова-Папоушкова видела использование подобного приема и в новом романе Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца»¹⁶.

---

¹⁶ Роман на русском языке был издан в Париже в 1928 г.; в том же году он вышел в ЧСР в переводе Вацлава Кенига (König). В СССР его первая публикация состоялась только в период перестройки.

О творчестве Эренбурга и другие критики ВР отзывались без особого восторга, ставя писателю в укор отсутствие единой манеры письма, единого стиля, который, как указывала Мельникова-Папоушкова, он «вечно заимствует у того, кто в данный момент в моде или пользуется фавором публики» (Там же).

Между историями о солдате Швейке и Лазике Ройтшванце имеется «внутреннее параллельное сходство», а главное – «близки скелеты обоих произведений: ряд нанизанных событий, снабженных комментариями героя, причем они для создания комического положения часто бывают противоположными реально совершившемуся факту» (Там же: 120–121). В целом роман, как и многие другие произведения автора, написан неровно, «с неожиданными ухабами, в которые проваливается читатель» (Там же: 121). Критик задается риторическим вопросом: по какой причине Эренбург – безусловно талантливый писатель, «бросается вечно из стороны в сторону, гоняясь за дешевым успехом, которого он добивается часто не слишком избранными и чисто плотными приемами»? (Там же).

Список статей, касающихся иностранного и чешского искусства, конечно же, не ограничивается вышеперечисленными работами, и данная тема требует специального исследования. Я же останусь в рамках русской литературы – дореволюционной, эмигрантской и советской. Но, прежде чем перейти к этой части публикаций ВР, хотелось бы сказать несколько слов об одном из полухудожественных жанров, также нашедшем свое отражение на страницах журнала, – мемуаристике. Эта область документальной прозы являлась едва ли не самой востребованной в среде русских эмигрантов. В отличие от Советского Союза, где «давление на свободное творчество и свободную мысль сказывалось и сказывается, пожалуй, еще больше, чем в художественной литературе» (Струве 1996: 248), за границей могли появиться мемуары, автобиографии, хроники событий и т. п. на разные темы и со всевозможной политической окраской. ВР главным образом печатала воспоминания очевидцев о Февральской и большевистской революциях 1917 г., о Гражданской войне и периоде Военного коммунизма. В частности, о своем вынужденном сотрудничестве с чекистами рассказал Н. Безпалов в записках, озаглавленных «Исповедь агента ГПУ» (1924, № 14-15, № 16-17). Своим опытом общения с советскими спецслужбами поделилась

О. Колбасина – писательница, член партии эсеров, сидевшая в тюрьмах ВЧК как политическая заключенная вскоре после Октябрьского переворота¹⁷.

Интерес представляют и путевые впечатления о жизни в стране Советов людей, нелегально посетивших родину в 20-е гг.: Г. Гонцов «Снова по родной земле» (1927, № 10 – 1928, № 6), В. Лебедев «В России» (1929, № 10-11 – 1930, № 5-6). Последний автор – Владимир Лебедев – соредактор ВР, совершил поездку по СССР в 1929 г., в год «великого перелома», в год, когда советское правительство окончательно отказалось от политики НЭПа и перешло на мобилизационный курс развития страны. Для ВР это явилось лишним доказательством того, что советский эксперимент был не чем иным, как «профанацией социализма» и наступил момент, когда «этот эксперимент превратился в строительство чисто тоталитарного государства» (Зверев 2000: 78).

Заметки Лебедева печатались в семи номерах и стали одними из наиболее объемных материалов в ВР. Автор подробно описывал улицы, вывески, новые памятники, внешний вид советских граждан. Особенно трогательно изобразил он первые часы на родине: переход через границу и долгий путь по лесу. С детской непосредственностью описал он каждую травинку и цветок, и даже запах русского леса показался ему волшебным – напомнил яблочный пирог со сливками. «А там маслянки, а там волнушки. Под березами – подберезовики. Под осинами – подосиновики. И крепкий ядреный белый гриб. <...> Идешь и все говорит в тебе: – Это Россия» (Лебедев 1929: 7–8). Тон повествования меняется, стоит Лебедеву попасть в Москву и Ленинград, послушать радио, прочитать в газетах: «Приговорен к высшей мере наказания, убит. Расстреляны взяточник, спец, крестьянин. Убиты селькор, коммунист...» (Лебедев 1930: 107). К неутешительному выводу пришел автор в своих записках: «Террор – хозяин жизни нынешней России» (Там же).

Цикл очерков Лебедева, «порадивших достоверным описанием советской будничности: голода, репрессий, всеобщего страха» (Зверев 2000: 78), как и мемуары других авторов, продолжили основную политическую линию ВР – твердый антибольшевистский курс, непримиримый к репрессивным методам новой российской власти. В журнале публиковались и менее политизированные воспоминания писателей-эмигрантов (М. Цветаевой, Вас. Немирович-Данченко и др.). О них речь пойдет во второй главе.

---

¹⁷ См., напр., очерки О. Колбасиной: *Баронесса: из тюремных встреч* (1922, № 4), *Новая мораль: из тюремных впечатлений* (1922, № 5 (33)), *Две смерти: из тюремных впечатлений* (1922, № 13) и др.

1.3 Сотрудники литературного отдела «Воли России»

Подробно остановиться на личностях всех сотрудников ВР не представляется возможным. Имена некоторых я уже упоминала выше, некоторые будут встречаться в последующих главах. Но не могу не подчеркнуть, что в работе журнала принимали участие люди разных политических убеждений и художественных воззрений: В. Ходасевич, Б. Зайцев, В. Шкловский, И. Лапшин, Е. Ляцкий, С. Карцевский, М. Чехов, С. Эфрон, Е. Кузьмина-Караваева, В. Чернов, А. Бем; «гастролировали в „Воле России“ в качестве критиков такие, можно сказать, антиподы, как П. П. Муратов¹⁸ и кн. Д. П. Святополк-Мирский¹⁹» (Струве 1996: 60). Во второй половине 20-х годов все чаще среди рецензентов журнала стали появляться имена молодых писателей и поэтов. На поприще литературной критики проявили себя Н. Андреев, Б. Сосинский, А. Бахрах, Е. Недзельский, Г. Газданов, А. Эйсер, Вяч. Лебедев и др. В этом, безусловно, наблюдается продолжение традиции, которая сложилась в России еще до революции, когда все выдающиеся писатели и поэты Серебряного века зарекомендовали себя компетентными критиками и литературоведами.

Общий характер литературной рубрики ВР создавался, как я писала выше, главным образом благодаря руководству и активной деятельности М. Слонима. Сам он в своих воспоминаниях также не отрицал того, что «нес полную ответственность за литературный отдел и обладал всей свободой действия» (Слоним 1972: 295). Однако его слова о том, что он отметал «в сторону какие бы то ни было соображения, кроме чисто художественных» (Там же), вызывают сомнения, учитывая его политическую ангажированность, которая ясно прослеживается в его критических работах.

Личность Слонима и его биография описаны в многочисленных исследованиях, в том числе и вышедших в Чехии²⁰. В своей работе я в первую очередь

---

¹⁸ Павел Муратов – писатель и искусствовед, специалист по русской иконописи; в конце 20-х гг. сотрудничал с консервативной монархической газетой «Возрождение», «неожиданно оказавшись в эмигрантской политике на правом фланге» (Струве 1996: 90).

¹⁹ Князь Дмитрий Святополк-Мирский – публицист и литературный критик; в эмиграции работал в Лондонском университете и сотрудничал с английскими и французскими журналами; автор нескольких книг по истории русской литературы; примкнул к Евразийскому движению, стал соредктором журнала «Версты», в конце 20-х гг. «сменил вехи и оказался правоверным марксистом и членом британской коммунистической партии» (Струве 1996: 63).

²⁰ См., напр.: P. Hlaváček, M. Fesenko, *Rusové v Praze*. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2017; M. C. Putna, *Rusko mimo Rusko: dějiny a kultura ruské emigrace 1917-1991, I. díl*. Brno: Petrov, 1993; A. Gruntová, *Osobnost Marka Lvoviče Slonima (rigorózní práce)*. Pedagogická fakulta UK, 2002; О. Малевич, Три жизни и три любви Марка Слонима // *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 3. 1939–1960 гг.* / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим: [s. n.], 1994.

ориентировалась на статьи М. Задражиловой «Марк Слоним – публицист и ведущий критик журнала „Воля России“» и «Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací», упоминавшейся мною ранее. В обеих этих работах фигура Слонима рассматривается и в рамках его службы на посту ответственного редактора литературного отдела ВР, и в контексте общеэмигрантских полемик по основным вопросам, волнующим в те годы интеллектуальные круги русской диаспоры.

Самой существенной и бескомпромиссной в те годы была полемика о двух ветвях русской литературы – советской и эмигрантской, о путях их развития и вкладе обеих в общенациональную культуру. Подробнее эта тема будет рассмотрена ниже, в третьей главе, но если говорить в двух словах, то разброс мнений по этим вопросам располагался между двумя полярными точками зрения: одни связывали надежды на возрождение русской культуры исключительно с советским искусством, другие настаивали на культурном превосходстве эмиграции над метрополией. По мнению Задражиловой, позиция ВР в литературных вопросах была связана с тем, что в начале 20-х гг. Слоним «романтизировал» героический образ советского писателя. Такой подход служил ему меркой, по которой он судил и литературную жизнь эмиграции. «Предвзятый образ мелочного, банального, провинциального существования литературного зарубежья стал оправданием программной ориентации Слонима на литературу „новой России“» (Задражилова 1997: 59).

Невозможно подробно рассказать обо всех рецензентах, критиках, обозревателях литературных рубрик ВР. Остановлюсь исключительно на тех личностях, которых Слоним в своих воспоминаниях назвал «ближайшими моими сотрудниками» (Слоним 1972: 297). Его список, составленный по алфавиту, открывает фигура В. Архангельского.

Василий Архангельский принадлежал к поколению революционеров, ленинской, условно говоря, генерации. Перед октябрьским переворотом он вел активную подпольную работу, не раз был арестован, сослан в Сибирь, в 1918 г. входил в состав депутатов Учредительного собрания, вскоре разогнанного большевиками. С ВР он сотрудничал на протяжении десяти лет и писал на разные темы, но во всех его текстах прослеживается тип мировоззрения члена партии эсеров. Делая, например, обзор советских книг, описывающих новый деревенский быт, Архангельский не столько разбирал художественные достоинства или недостатки каждого произведения, сколько искал «материал для уяснения совершающихся в глубине народной жизни процессов и

характерных черт новой психологии русского человека пореволюционного периода» (Архангельский 1926: 172). Он даже находил в одном из сочинений доказательства того, что «в продолжавшейся несколько лет тяжбе между властью, насильственно загонявшей деревню в коммунистический рай, и деревней, всеми доступными ей средствами отказывавшейся от соблазнов этого рая, перевес оказался не на стороне власти» (Там же: 180).

Более содержательны отзывы Архангельского на книги и статьи философско-религиозной тематики: «О религиозном фронте в эмиграции» (1925, № 12)²¹; «Борьба с разумом. Лев Шестов „Potestas clavium“ – Власть ключей» (1923, № 8-9); «Из мира блужданий» и др. Последняя работа – это обстоятельная рецензия на два вышедших в Берлине сборника русских философов-эмигрантов: «София» и «Православие и культура». Среди авторов этих книг встречаются такие известные личности, как Н. Бердяев, П. Новгородцев, В. Зеньковский, С. Франк, Л. Карсавин и др. С этими учеными Архангельский вступил в заочную полемику, на их примере показал, какой сдвиг совершился в психологии русской интеллектуальной элиты за время революции.

В первые дни февральской революции, писал Архангельский, произошло массовое «полевение» общества. После отречения Николая II охваченная революционной эйфорией либерально настроенная часть русского общества начала поддерживать партии социалистического направления. Однако начавшийся в стране хаос охладил первые надежды и заставил интеллигенцию снова пересмотреть основные пункты своего мировоззрения. «И чем отчетливее вырисовывались размеры жестокой и длительной разрухи великой страны, отброшенной войной и революцией к ужасам средних веков, тем быстрее совершался процесс „поправления“ интеллигенции. Чем больнее били по интеллигентской душе ужасы последних лет, далеко оставившие за собой ужасы времени, предшествующего революции, тем напряженнее проявлялось стремление выйти из полосы тяжелых разочарований, колебаний и сомнений, нащупать новые пути, быть может, возвратиться на старую дорогу...» (Архангельский 1923: 55).

В обоих философских сборниках высказывалась мысль о том, что мир переживает эпоху глубокого кризиса, что «народам необходимо опомниться, одуматься, подумать о душе» (Там же: 56). Вина за этот кризис, как это ни парадоксально, философами возлагается на «идолопоклонство лживому и разлагающему гуманизму»; проникновение его в Россию принесло «ядовитые плоды» и

---

²¹ Первоначально эта статья была написана для «Современных записок», но не была принята из-за несогласия редакции с мнением автора.

послужило причиной случившейся там трагедии. Гуманизм, как считал Бердяев, «ответственен» и за то, что «европейские общества вступают в период старости и одряхления» (Там же: 57), а спасением для Запада могло бы стать принятие православной культуры. Иными словами, во взглядах авторов сборников мы имеем возрождение славянофильской романтики, которое, по словам Архангельского, «стремится еще раз облечься в пестрые, хотя и основательно потрепанные временем одежды, и под флагом идеализма и исторического православия незаконно провести груз перекрашенного сообразно запросам времени славянофильства» (Там же: 61–62). Сам же рецензент остался на позициях западничества; для него «западно-европейская культура, освободившая человека от оков политического абсолютизма и религиозного догматизма, создала философию человечности, политического и социального равенства и современной демократии» (Там же: 60–61).

Следующим в списке Слонома значится имя Евгения Зноско-Боровского, известного еще до революции шахматиста, писателя, драматурга и критика. В эмиграции он жил в Париже, но постоянно сотрудничал с ВР, где опубликовал ряд статей о театре и отечественной поэзии (к ним я еще обращусь в следующих главах). Особо хочется выделить его рецензию на спектакль В. Мейерхольда по пьесе Н. Гоголя «Ревизор».

Вольная адаптация гоголевской комедии Всеволодом Мейерхольдом, «переплавка», как назвал постановку Зноско-Боровский, не смущала критика, наоборот, он писал, что режиссер «никогда еще не проявлял в таком блеске своего мастерства, как именно в этом спектакле» (Зноско-Боровский 1930: 636). Элементы клоунады и трюки, которые нередко использовались в советском театре тех лет, он находил оправданными, так как «театр не музей, куда поступают классические произведения на хранение: чтобы оставаться живыми, они должны, как в первое свое появление, „ударять по сердцам с неведомой силой“»²² (Там же: 631). А вот к экспериментам молодых поэтов Зноско-Боровский относился с меньшим пониманием, впрочем, в заключении своей разгромной статьи «Парижские поэты» он все-таки предлагал быть снисходительными к начинающим авторам, «которым и без того нелегко заставить других услышать их голоса и положить дорогу к своему будущему» (Зноско-Боровский 1926: 162).

---

²² Неточная цитата из стихотворения А. Пушкина «Ответ анониму» (1830).

Далмата Лутохина Г. Струве причислял к одним из тех, кто отдавал «предпочтение советского эмигрантскому» (Струве 1996: 59), и это несмотря на то, что Лутохин был в числе высланных из России в 1922 г. представителей «контрреволюционной» интеллигенции. Всего пять лет провел он в эмиграции, вернулся на родину, год провел в ссылке, был отпущен и умер в блокадном Ленинграде. Как критик ВР Лутохин в основном занимался мемуарной литературой, а кроме того, написал ряд рецензий: на роман А. Неверова «Ташкент – город хлебный» (1925, № 7-8), М. Горького «Дело Артамоновых» (1926, № 4) и др., дал нелестный отзыв о монографии В. Чехихина-Ветринского о Н. Чернышевском, еще более негативно отреагировал он на «злой памфлет против русской культуры» (Лутохин 1926б: 217) – книгу «Idiotenführer durch die russische Literatur», вышедшую в Германии под псевдонимом Сэр Галахад (Sir Galahad). К его отзывам об актуальных советских изданиях я еще буду обращаться далее.

В предыдущей главе я уже упоминала Надежду Мельникову-Папоушкову, которая была одним из самых плодовитых авторов ВР. Кроме обзора современной советской и чешской литературы в сферу ее интересов входили работы по театроведению, например, она откликнулась на выход таких книг, как «Театр» А. Кизеветтера (1922, № 5(33)), «Русский театр начала XX века» Е. Зноско-Боровского (1925, № 6), «Записки режиссера» А. Таирова (1922, № 3), «Чешский кукольный и русский народный театр» П. Богатырева (1923, № 8-9). Несколько статей на театральные темы она написала сама. Я бы отметила обстоятельную статью, посвященную творчеству Евгения Вахтангова, в которой подробно рассматривались методы покойного основателя новой, оригинальной театральной школы. Конечно, замечала критик, Вахтангов был воспитанником Константина Станиславского и оставался сторонником его системы, но «принял, однако, лишь теорию, а не формы, и пошел по своему собственному пути, прямо противоположному направлениям МХТ» (Мельникова 1927б: 105). Среди задач, поставленных им перед современным театром, были: борьба с натурализмом, восстановление романтизма и театральности, «но не той, которую давал условный театр, изгонявший вечную, внутреннюю правду» (Там же: 110–111).

Весьма любопытна статья Мельниковой-Папоушковой «Последнее открытие Европы или „наши за границей“» о посещениях Европы советскими писателями. Вывод после прочтения отрывков из очерков Н. Аврамова, В. Инбер, Н. Никитина,

Б. Пильняка и др. напрашивается сам собой: «поездки ведутся с предвзятыми идеями, то есть, что прежде всего вся жизнь рассматривается с российско-коммунистической точки зрения, что интересы искусственно стягиваются к классовой борьбе и рабочим, что, наконец, всюду выискиваются недостатки, дабы ими можно было кольнуть западного соседа» (Мельникова 1929: 92).

Советские писатели не обошли своим вниманием и Чехословакию. Рекордом «бичевания европейского мещанства и безмолвного возвеличивания так называемого русского размаха» (Там же: 93) именовала Мельникова-Папоушкова поэму Александра Безыменского «Парки», название которой «должно быть остроумной аллегорией, сопоставлением чешских „парок“ – сосисок и богинь человеческой судьбы» (Там же).

Не мог, не мог поведать мне
Ни дальний человек, ни близкий,
Что „Парки“ в этой вот стране
По-чешски значили... сосиски!
Сосиски – Парки! ха-ха-ха!
Слова грозы и мысли жарки.
Судьба мещанства не плоха.
Ну, Парки! Парки! Вот так парки!

Мельникову-Папоушкову я еще буду цитировать не раз. Хотелось бы только отметить, что она сотрудничала и с чешскими изданиями, написала несколько книг о чешском искусстве (главы из некоторых публиковались в ВР), переводила для журнала на русский язык статьи Э. Бенеша, Т. Г. Масарика, своего мужа Я. Папоушека, трижды посетила СССР в 20-е гг. О ее книге «*Rusko z blízka i z dálky*», вышедшей в 1929 г., М. Слоним отзывался так: «Общая оценка Советской России автором не дана, но из отдельных очерков совершенно явственно проступает резкое осуждение не только „гримас быта“, не только „недостатков механизма“, но и системы принуждения и физического и морального гнета, царящего в России. И в то же время одним из главных достоинств книги является то, что автор сумел удержаться на какой-то объективной высоте...» (М. Сл. [Слоним] 1929в: 140).

Сергей Постников входил в число организаторов Русского заграничного исторического архива и вообще был заметной личностью в эмигрантских кругах.

Согласно Г. Струве, он нелегально покинул родину в 1921 г., а в 1945 был арестован советскими органами, депортирован в СССР, но смог вернуться в Прагу в начале 60-х. Как журналист и литературный критик Постников писал на разные темы: делал обзоры советской и эмигрантской прессы, рецензировал творчество молодых авторов, затрагивал и политические вопросы. «Vzdělaný, kultivovaný, uvážlivý ředitel Ruského zahraničního historického archívu polemizoval se Slonimem neokázalým, neslonimovským způsobem. V nenápadných přehledových statích S. Postnikov nejen tlumil radikální rétoriku Slonimovu, ale „neadresně“, bez odkazů k jednotlivým statím, korigoval jejich základní postuláty» (Zdražilová 1999: 152). Согласиться с этим можно лишь отчасти. И в статьях Постникова есть высказывания, мало чем отличающиеся от слов Слонима, приведенных мною в начале этой подглавы. Вот как, например, Постников реагировал на дебаты вокруг перспектив отечественной литературы: «эмиграция далеко не оправдала возлагавшихся на нее надежд» (Постников 1925а: 231); «за это время русская культура в эмиграции не развилась – и больше того, русская зарубежная интеллигенция во многом отстала от российской интеллигенции» (Там же: 232).

Потерю связи с родиной Постников нес очень тяжело. В 1926 г. он опубликовал в ВР две статьи, написанные в форме писем на родину: «Русская зарубежная литература в 1925 году» и «Веер. Журнальное обозрение». Эпистолярный жанр был выбран им неслучайно. Как подчеркивал сам автор, «мы, писатели-эмигранты, всегда рассчитываем, что так или иначе наши писания прочтутся в России. Российский читатель нам особенно дорог, так как является проводником прочитанного в широкую родную среду» (Постников 1926а: 183).

Последним в списке Слонима значилось имя основателя Славянской библиотеки Владимира Тукалевского. Его вклад в работу литературного отдела ВР был не так заметен, как у предыдущих авторов, но две статьи стоит отметить: «Эмигрантские журналы» и «Российские журналы».

Уже сами названия обеих работ говорят о том, что они представляли собой обзор русскоязычной прессы, разделенной на два лагеря, и обе являлись ярким примером избранного курса ВР в отношении советской и эмигрантской литературы.

Тукалевский критиковал писателей-эмигрантов за то, что в их творчестве нет никакого поступательного движения и развития, одни лишь «закатные» чувствования: прошлое, крушение, развалины, сумерки или, как в поэзии Ивана Бунина, «сон, ночь, покой и „ожерелье из коралла под катафалком водяным“» (Тукалевский 1924а: 244).

Эмигранты не только оторвались от той жизни, что происходит на родине, но не замечают жизни, которая проходит за их окнами, «на чужбине, среди великих творений европейской культуры» (Там же: 246). Тукалевский ссылался на такие авторитеты, как Н. Гоголь и Ф. Достоевский, творчество которых от путешествий по Европе «заострялось, выдвинулись новые образы, претворялись и преломлялись» (Там же); большинство эмигрантов же пребывают «будто в каюте, с закрытыми иллюминаторами, улеглись на койки, точно спасаясь от морской болезни» (Там же).

Советская литература того времени тоже обращалась к далекому и недавнему прошлому (критик упоминал такие произведения, как роман С. Сергеева-Ценского «Пробуждение», К. Тренева «Пугачевщина», Л. Леонова «Записи А. Ковякина», О. Форш «Одеты камнем», рассказы о гражданской войне И. Бабеля, А. Веселого «Дикое сердце», Н. Никитина «Полет», Е. Замятина «Рассказ о самом главном» и др.), но в них Тукалевский находил использование новых художественных средств, отход от прежних «психологических» приемов и главное: «в современных произведениях российских писателей на первый план выступили массы» (Тукалевский 1924б: 231).

В целом о сотрудниках ВР можно сказать то, что они в большинстве своем исходили из актуальных культурных и политических процессов, а литература была для них одним из способов разобраться с прошлым и настоящим, а кроме того, выполняла функцию индивидуальной и коллективной рефлексии. В этом видится корень напряженных идейно-эстетических, политических, мировоззренческих полемик тех лет. Оказавшись вдали от родины, они напряженно искали смысл своего существования, фундамент для опоры. Одной из таких точек опоры для эмигрантов стала культура дореволюционной России.

2. Дореволюционная литература в материалах «Воли России»: разнообразие взглядов и концепций

2.1 Наследие XIX века

Колоссальный пиетет, по словам С. Постникова, испытывали эмигранты ко всей национальной культуре. Жизнь на чужбине заставила их пристальнее взглянуть в собственное лицо, осознать, что «является единственным нажитым в истории русским капиталом» (Постников 1925а: 231). Но наследие предков необходимо было сохранить для будущих поколений, и эмигранты, независимо от политических взглядов и эстетических предпочтений, восприняли эту задачу как важную часть своей миссии в изгнании. Эти тенденции сказались и на некотором консерватизме, который преобладал в русской диаспоре. Как говорила Марина Цветаева, чьи новаторские художественные приемы не слишком были понятны в эмигрантском сообществе: «Здесь в искусстве современно прошлое» (Цветаева 1932: 10).

Одним из элементов прошлого и объединяющим началом для людей, оказавшихся в изгнании, стала словесность, в первую очередь русская литература XIX века. Она связывала беженцев с их потерянным домом, вызывала ностальгические воспоминания о минувшей жизни, она же способствовала сохранению идентичности и обеспечивала преемственность традиций. Произведения классиков ценились не только обычными читателями. Повышенное внимание им уделяли литературные критики, философы, историки, политики. Можно назвать целый ряд выдающихся пушкинистов, вышедших из эмигрантской среды, исследователей творчества Л. Толстого, Ф. Достоевского – всей истории русской литературы, начиная со средневековой письменности²³. Свою лепту в дело сохранения и изучения культурных традиций внес и журнал ВР.

---

²³ Из трудов по литературоведению, изданных в эмиграции (в первую очередь в ЧСР), см., напр., А. Бем, *К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского*. Прага: Уния, 1928; А. Бем, *О Пушкине: статьи*. Ужгород: Письмена, 1937; А. Бем, *У истоков творчества Достоевского*. Прага: Петрополис, 1929; Н. Бердяев, *Миросозерцание Достоевского*. Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923; В. Булгаков, *Толстой, Ленин, Ганди*. Прага: Валентин Булгаков, 1930; V. Bulgakov, *Světový význam Tolstého*. Brno: Knihotiskárna a nakladatelství Rokorný a spol., 1940; А. Кизеветтер, *Карамзин, как двигатель русской культуры*. Прага: Русский институт, 1929; Е. Ляцкий, *Два мира в приемах изобразительности Л. Н. Толстого*. Прага: Русский институт, 1929; Е. Ляцкий, *Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова: Жизнь и быт: 1812–1857*. Прага: Пламя, 1925; П. Милюков, *Живой Пушкин: 1837–1937: Историко-биографический очерк*. Париж: [s. n.], 1937; В. Ходасевич, *Державин*. Париж: Современные записки, 1931; Б. Вышеславцев, *Русская стихия у Достоевского*. Берлин: Обелиск, 1923.

Осмысление духовного и творческого опыта русских писателей XIX века авторами ВР нашло свое отражение в основном в статьях философско-художественного характера. Имена классиков встречаются также в контексте связи поколений, преемственности, возвращения к методам реалистической школы. Представляют интерес и публикации, основанные на личных воспоминаниях, например, мемуары революционера-народника, эсера Егора Лазарева о его встречах с Л. Толстым (1922 № 6 (34), № 7 (35)).

Художественные произведения классиков XIX века журнал печатал редко; из того, что появилось в ВР можно выделить ранее не публиковавшуюся статью Л. Толстого «Чингиз-Хан с телеграфом» (1928, № 3) и отрывок из черновика его рассказа «Николай Палкин» (1922, № 2 (30)), очерк М. Салтыкова-Щедрина «Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека» (1926, № 12-1) и план незаконченного романа Ф. Достоевского «Житие великого грешника» с комментариями литературоведа и критика Евгения Ляцкого (1922, № 21). Также нужно отметить, что чаще всего авторы статей обращались к трудам признанных «столпов» русской литературы – А. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого.

Творчество писателей XIX века Раев называл «квинтэссенцией русскости» и для эмигрантов, и для иностранцев. Более всего эта «русскость» ассоциировалась с фигурой Пушкина. Трудно переоценить его значение в развитии отечественной литературы и в формировании национального самосознания, поэтому неслучайно в русском зарубежье возник настоящий культ поэта, а день его рождения широко отмечался и стал Днем русской культуры. «In emigration... the educated Russians rediscovered Pushkin as someone truly their own, the poet closest to them not only by language and form, but also by his stress on individual creative freedom, a freedom utterly destroyed in Bolshevik Russia» (Raeff 1990: 96). Импонировала эмигрантам и политическая позиция поэта: «...his accommodation to the tsarist regime for fear of popular anarchy – his occasional praise of Russia's nationalism and imperialism» (Там же). Но в понимании пушкинского наследия не было такого единства; каждый критик или литературовед, обращавшийся к творчеству поэта, выдвигал собственную концепцию и методологию, что можно наблюдать и в публикациях ВР.

Известный теоретик формальной школы Виктор Шкловский в статье «„Евгений Онегин“: Пушкин и Стерн», написанной в 1922 г., предрекал в скором времени «затмение пушкинского солнца», которое выразится не в том, что Пушкин

будет осмеян или оскорблен – «предстоит охлаждение к нему» (Шкловский 1922: 62). Чтобы этого избежать, необходимо, считал Шкловский, изменить эталон – «мерило» – сравнения Пушкина, воспользовавшись формалистическим методом, одной из задач которого «является не „объяснение“ произведения, а торможение на нем внимания, восстановление „установки на форму“ типичной для художественного произведения» (Там же).

Статья Шкловского, как видно из ее названия, являлась попыткой анализа «Евгения Онегина» и поиском общих черт между этим произведением и романами Лоренса Стерна. Уже в первых строфах пушкинской поэмы (или, вернее, романа) Шкловский заметил две черты, имеющиеся и в завязке романа Стерна «Тристрам Шенди»: повествование начинается как бы с середины разговора, а личность говорящего раскрывается читателю не сразу, а постепенно. Лирические отступления, используемые обоими авторами, открытый конец, пародийный тон повествования, причем «пародируются не нравы и типы эпохи, а сама техника романа, строй его» (Там же: 63) – все это роднит манеру письма русского поэта и английского романиста.

Рассуждая о строе «Евгения Онегина», Шкловский отвел ведущую роль не фабуле, не истории любви Татьяны и Онегина, а «игре» с сюжетом: «Главное содержание романа – его собственные конструктивные формы, сюжетная же форма использована так, как используются реальные предметы в картинах Пикассо» (Там же: 66). Для Шкловского, с его формалистическим подходом к литературе, Пушкин в первую очередь экспериментатор, и почитать поэта можно «не только каждением „благонной травы“, но и веселым делом разрушения» (Там же: 72). Критик призывал читателей понять этого «нового» Пушкина, который в интерпретации по методу формалистов, может быть, и будет истинным Пушкиным.

Позволю себе небольшое отступление от основной темы, и скажу несколько слов об отношении авторов ВР к формальной школе. В нем не наблюдается полного единодушия. Например, Д. Лутохин соглашался с мнением философа С. Аскольдова, писавшего, что этот метод несет смерть искусству и ему нужно объявить самую решительную войну. «Даже только как метод изучения литературы формализм может привести к ложным выводам: Достоевского придется отнести к бульварным романистам и т. д. Возрождается мечта Пушкинского Сальери о возможности проверить алгеброй гармонию и более того – путем алгебры создать гармонию в новых формах» (Лутохин 1925: 175). Мельникова-Папоушкова не критиковала

формализм в целом, однако выдвигала претензии лично Шкловскому: «[В] научной работе, в которую он сделал, без сомнения, большой вклад введением формального метода, он не продвинулся далеко вперед от исходного пункта. В то время как иные его сверстники, приняв от него принципы формального метода, построили на них новые плодотворные заключения, сам Шкловский остановился на довольно косном и мертвенном разложении произведения, разложении, которое кое-что показывает, но ничего не объясняет» (Мельникова 1927а: 187–188).

Писатель, публицист, общественный деятель Юлий Марголин, «имя которого впоследствии стало хорошо знакомо русскому читателю как автора жуткого „Путешествия в страну Зэ-Ка“» (Струве 1996: 60), опубликовал в ВР обстоятельные «Заметки о Пушкине», в которых он подошел к творчеству великого русского поэта с иных, нежели Шкловский, позиций. Для него Пушкин «жизнеспособнее нашей современности» (Марголин 1928: 72). Мир современной литературы и, в частности, поэзии, для Марголина – «мир людских дробей, и чем крупнее дарование, тем яснее его душевная недостаточность. Такой острейший и характерный поэт современности, как Маяковский (берем пример) – по существу, осколок человека, забавник, к которому нельзя относиться серьезно» (Там же: 72–73). Пушкин – высокий идеал. У Пушкина нужно учиться. Толстой, Достоевский помогают жить, спасают от отчаяния, однако их учение выросло «на почве декаданса жизни, но декаданс, т. е. недостаток силы жизни, не исцеляется тем или иным мировоззрением» (Там же: 79). Проповеди Толстого и Достоевского, хоть и являются «противовесом» тлению жизни, на самом деле это тление, «как нормальное эмпирическое состояние», узаконивают. «Возродить же жизненную энергию, вернуть здоровье, может лишь тот, кто сам здоров, – Пушкин» (Там же).

Также в ВР были напечатаны отрывки из книги Владислава Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина»²⁴, исследующей связь между жизнью поэта и его произведениями, то есть основанной на биографическом методе. Приведу один пример: Ходасевич утверждал, что сватовство с Натальей Гончаровой в 1830 г.

---

²⁴ Оппонентом этой книги в эмигрантской прессе выступил историк литературы, член Центрального Пушкинского комитета в Париже М. Гофман. Позже в спор включились и советские литературоведы Б. Томашевский и П. Щеглов. См. статью в ВР «Споры пушкинистов» (1929 № 1). Сам Ходасевич свой подход к изучению наследия Пушкина объяснял следующим образом: «Творчество Пушкина не существовало в отдельности от его жизни, как жизнь – от творчества. Было лишь чудесное единство: жизнь-и-творчество. Чем больше мы знаем о жизни, тем больше слышим в поэзии. И если настанет день, когда мы окончательно научимся разделять их, – в тот день мы утратим Пушкина» (Ходасевич 1928: 275).

изменило взгляды Пушкина на супружеские измены. «Его веселое и жестокое одобрение адюльтера сменилось осуждением. <...> Не даром VIII глава „Онегина“ с знаменитым ответом Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна –

писана в 1830 г. Не даром тогда же писана и „Метель“, в которой Мария Гавриловна и Бурмин не решаются переступить через верность своим супругам, которых они даже не знают и не могут надеяться встретить» (Ходасевич 1924: 112).

Как я уже упоминала, Пушкин был самым почитаемым русским классиком для эмигрантов, но не единственным. Из прозаиков главными авторитетами оставались Л. Толстой и Ф. Достоевский.

Из работ о Толстом, опубликованных в ВР, я бы выделила заметки В. Булгакова «Лев Толстой и судьбы русского антимилитаризма» (1924, № 14-15), «Лицо и лик Толстого» (1930, № 9), И. Лапшина «Эстетика Толстого» (1928, № 8-9), С. Постникова «Страх перед Толстым» (1928, № 8-9). Толстому посвящен и очерк, предоставленный журналу знаменитым немецким романистом Томасом Манном «Гете и Толстой». Этот очерк родился из доклада, с которым писатель выступал в различных немецких городах. ВР первой напечатала его авторизованный перевод на русский язык и, как было отмечено в примечании редакции журнала, «[п]омимо своей чисто литературной ценности он особенно интересен для русского читателя, как образец преломления творчества и философии великого русского художника и мыслителя в сознании и понимании западноевропейского писателя» (Манн 1922а: 13).

Т. Манн в своей работе не анализировал произведения двух гениев – И. Гете и Л. Толстого, а попытался найти общие черты в их мировоззрении и подходе к творческому процессу. Наиболее показательным в этом отношении можно считать внимание обоих писателей к философии, например, к трудам Ж. Ж. Руссо, что впоследствии у обоих проявилось в увлечении педагогикой и в писании автобиографических заметок. Эти два элемента «сильнейшим образом проявляются как у Гете, так и у Толстого, без них вообще нельзя себе представить их жизнь и творчество» (Там же: 14). Известно, насколько сильно Толстой был погружен в педагогическую деятельность, в открытие школ для крестьянских детей, поиск новых

подходов в образовании. Гете же был педагогом в широком понимании этого слова: «Оба великие памятника его жизни, стихотворный и прозаический, „Фауст“ и „Вильгельм Мейстер“ представляют собою произведения воспитательные, изображения духовного роста людей...» (Там же).

Разговор о Гете и Толстом для Манна явился поводом затронуть злободневные темы, после ужасов мировой войны и революций заново переосмыслить ход истории и вектор развития цивилизации. Манн нашел у обоих писателей сходство в крайне низкой оценке истории. Толстой пытался открыть в жизни всего человечества какой-нибудь общий закон, но пришел к выводу, что история подчиняется любой идее, любой «исторической фантазии», одной из которых была концепция эпохи Просвещения рассматривать историческое развитие через идею прогресса общества. Но всеобщий прогресс писатель воспринимал как фикцию: европейские просветительские концепции совершенно обошли некоторые народы Востока, а потому ни о какой универсальности речи быть не может.

Толстой отрицал превосходство Европы в духовной сфере и выступал против смещения западноевропейской культуры с общечеловеческой. Такие воззрения Манн назвал «азиатизмом», в котором «есть нечто противопетровское, первобытно-русское, враждебное цивилизации» (Манн 1922б: 12), и увидел в антизападничестве Толстого пророческое знамение произошедших в России событий: «Ибо разве ныне не ясно, что певец эпоса о русской борьбе против Рима, против Цезаря-Наполеона, с его национальной восточностью, окажется правым против духовных преемников Петра, против по-западному либеральничающей России? Разве не ясно, что эпоха Петра Великого, европейская эпоха России кончилась, что она решительно оказывается столь же ошибочным, сколь и грандиозным опытом, и что Россия опять обращает свое лицо на Восток»? (Там же).

Судьба России рассматривалась и в работах о Ф. Достоевском. Основная проблема русского общества, как это было изложено в статье Евгения Ляцкого «Художественная стихия в творчестве Ф. Достоевского», состояла в том, что народ не осознавал себя страной. «Страна жила и дышала своим крестьянским миром, дышала напряженно-тяжело, связанная какими-то путями, охваченная видениями тяжелого спутанного бреда» (Ляцкий 1922: 46). Не существовало «скрепляющей идеи» и это послужило причиной начавшегося в России разложения в момент политического и

экономического подъема. Без нее «Россия стала превращаться в рыхлую глыбу, ползущую с вершины, поколебленной подземными толчками» (Там же).

Заслугой Достоевского явилось то, что он отчетливее других русских писателей чувствовал «коренное зло именно в том, что в этой нелепой, несобранной, богатой и убогой стране» (Там же: 47) исчезла внутренняя связь, «духовная спайка», хотя, может быть, ее никогда и не было, как замечал Ляцкий. Народ без спайки превратился в «обывательское месиво», «сонмище» разобщенных и одиноких людей. Требовалось скрепить эту расплывающуюся, костно-ленивую массу, чтобы «люди, и особенно русские люди, познали источник своих страданий и обратились к исканию того единого, всеобъединяющего начала в их духовной и, в частности, национально-русской жизни» (Там же). Ляцкий нашел у Достоевского решение этой проблемы: «всеобъединяющим началом», «скрепляющей идеей» для России должен был бы стать бог, «и притом Бог православный и национально-русский» (Там же).

На примере этих двух статей – Т. Манна и Е. Ляцкого – можно увидеть, что ВР публиковала материалы, различающиеся по своим идеологическим установкам. Как орган партии эсеров, журнал был далек от распространения антизападнических взглядов, не был ему присущ и излишне религиозный дискурс. Тем не менее некоторые авторы ВР рассматривали труды Толстого и Достоевского именно с этих позиций. Известный политик Михаил Туган-Барановский, например, в своей работе «Нравственное учение Достоевского», рассуждая о всемирно-историческом значении творчества Достоевского, писал, что все внимание писателя поглощала идея верховности человеческой личности; обоснование этой идеи привели его к попыткам разрешения трех проблем: проблемы человечества, проблемы мирового зла и проблемы Бога. «Вне этой последней идеи личность перестает быть верховной ценностью, а жажда превратить ее в таковую приводит к собственному уничтожению личности. <...> Итак, личность человека становится абсолютной ценностью лишь постольку, поскольку мы предполагаем существование абсолютного добра. Вне Бога и человек утрачивает свою бесконечную ценность» (Туган-Барановский 1923: 57–58).

Писатели-классики воспринимались эмигрантскими публицистами и как мыслители-пророки, предвидящие русскую катастрофу. В связи с этим можно остановиться на заметках Слонима о А. Чехове.

Свою статью Слоним начал с того, что опроверг мнение тех критиков, которые считали, что чеховские герои устарели, «потускнели», «ушли на покой» вместе с дореволюционной Россией. Один из «активистов», как характеризует неназванного автора Слоним, даже объявил пьесы Чехова вредными, понижающими «энергию будущих борцов с большевизмом» (Слоним 1929а: 46).

Подобные высказывания можно было услышать по обе стороны границы: и в метрополии звучали голоса о развращающем влиянии чеховских персонажей на молодых строителей коммунизма. Слоним же указывал на то, что Чехов остался необычайно жизненным писателем; мир его персонажей «стоит нерушимо и по-днесь, и только изменились имена, чины и названия его героев, а остальное – все то же: игра тщеславия и тупости, прижимистости и лакейства, пустые тревоги птичьих умов, вся эта бесконечная канитель мелочей и пустяков, живьем поглощающих человека» (Там же: 47).

Чехов без сочувствия относился к вялым, «размагниченным» интеллигентам, но в последние годы своей жизни он начал изображать их скорее как жертв обстоятельств, чем как виновников всех русских бед, «как несчастных людей, которые никак не могут выбраться из всероссийской трясины» (Там же: 48). Тогда же в текстах писателя появилось особое настроение: «точно все томятся, ожидая, что взметнется буря» (Там же), и, как писал Слоним, если «сейчас, после революции, перечитать ряд произведений Чехова, то невольно поражает, до чего они проникнуты бессознательным инстинктивным ожиданием событий. <...> Ощущение предгрозя: вот истинное „настроение“ чеховских произведений» (Там же).

Предчувствие надвигающейся катастрофы стало одной из болезненных и актуальных тем в произведениях писателей следующего поколения, вошедшего в литературу на рубеже веков. Но кроме пессимистических настроений критики ВР находили в литературе Серебряного века и продолжение традиций XIX века. Как писал Слоним в рецензии на вышедший в бывшей российской столице «Петербургский сборник» (1922), объединивший семнадцать поэтов и одиннадцать беллетристов (в том числе А. Ахматову, Ф. Сологуба, М. Кузьмина, Г. Иванова, В. Ходасевич, Г. Адамовича и др.), у всех этих авторов «чувствуется тяга к законченным классическим формам»: «Это сборник продолжателей литературной традиции, спутанной или затерянной в годы революции, забытой, одними оплеванной и преданной анафеме другими» (М. С. [Слоним] 1922б: 23).

2.2 Прощание с Серебряным веком

Некоторые личности, о которых я поведу речь далее, могли бы быть отнесены к писателям советским. Если взять, например, Анну Ахматову или Бориса Пастернака, то они оба большую часть своей жизни прожили в СССР, тем не менее о Пастернаке я буду говорить в следующей главе в контексте советской литературы. Это мое решение вызвано в первую очередь восприятием этих поэтов самими критиками и рецензентами ВР. К Ахматовой успех пришел еще до революции, а вот Пастернак для зарубежной России 20-х гг. – поэт почти неизвестный. В рецензии на сборник «Сестра моя – жизнь» (1922) Е. Зноско-Боровский признавался, что до знакомства с этой книгой мало что слышал о творчестве Пастернака и, как ему казалось, «большинство читателей не лучше моего было осведомлено о нем» (Зноско-Боровский 1923б: 61). «Гибельность» разрыва с родиной, как он писал далее, выражалась, помимо прочего, и в том, что эмигранты «были лишены возможности следить за появлением и последовательным ростом новых русских авторов, и принуждены теперь узнавать их в зрелом возрасте, преодолевшими всю предварительную, подготовительную стадию работы, окрепшими и оформившимися. Наши оценки и выводы, естественно, не могут не страдать от этого» (Там же).

Русская литература после революции не только разделилась на эмигрантскую и советскую. Раскол произошел и среди писателей, оставшихся в большевистской России. Одни приняли революцию и начали сотрудничать с новой властью, другие смотрели на происходящие события сквозь призму собственных утопических представлений о рождении новой цивилизации, что не могло в дальнейшем не привести к полной утрате иллюзий. Третьи пытались сохранить свою индивидуальность и творческую независимость несмотря ни на что²⁵. Остановлюсь на нескольких поэтах, чье творчество оказалось в центре внимания критиков ВР.

Максимилиан Волошин, встретивший начало революционных событий в Крыму, пытался сохранить нейтральное положение: помогал и «белым», и «красным». «Молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из

---

²⁵ Николай Устрялов – харбинский эмигрант, идеолог «сменовеховства», – посетивший СССР в 1925 г., так описывает свои впечатления от московской «среды литераторов-беллетристов»: «По-прежнему стиль – богемный. Одни флиртуют с революцией, другие и впрямь в нее влюблены кипучей юношеской любовью, третьи норовят вступить с ней в брак по расчету» (Устрялов 1926: 91).

братьев», – писал он в 1920 г. в статье «Россия распятая»²⁶ (Волошин 1992: 81). В своих произведениях тех лет он пытался найти слова, формулирующие современность, так как считал, что одной силы чувств и яркости впечатлений недостаточно для отражения той правды, «в которой изживается нами каждый текущий миг» (Там же: 39). Поэт, по его мнению, должен смотреть на текущую современность в контексте общего течения истории, а для этого «надо суметь отойти от нее на известное расстояние» (Там же).

Эти взгляды поэта отразились в его поэтическом сборнике «Стихи о терроре», вышедшем в 1923 г. в Берлине. Репрессии, проводимые большевиками в Крыму после его захвата, Волошин описал с некоторой отстраненностью. Но в этой отстраненности слышится желание поэта с беспристрастностью документалиста запечатлеть события, свидетелем которых ему довелось стать. Зноско-Боровский в рецензии на эту книгу отмечал чувство меры, такт, который проявил Волошин, придавая своим стихам «характер не только прозы, но какого-то протокола, рапорта, донесения» (Зноско-Боровский 1924: 97):

Вызвали по спискам мужчин, женщин,
Сгоняли на темный двор.
Снимали с них обувь, белье, платье,
Связывали в тюки.

Такой художественный прием придавал «этим кошмарным стихотворениям очень уместную сухость и громадную силу, которая возводит их в ранг одних из лучших, написанных на эту страшную тему» (Там же).

Однако поэт не всегда оставался лишь сторонним наблюдателем. Иногда он предлагал свою трактовку происходящего, чаще всего с религиозных позиций, и вот с ней-то Зноско-Боровский не был согласен. Для Волошина большевистский ураган – это оружие Божьего гнева, «Божий бич», и даже понимая, какая участь может постигнуть его самого, он верил «в правоту верховных сил» и не покинул «горькую детоубийцу, Русь»²⁷. Подобный подход для критика-эмигранта не приемлем. Признавая стихи

---

²⁶ Текст статьи воспроизведен по записям Волошина, сделанным для лекции, которую он читал в 1918–1919 гг. в некоторых городах юга России. В СССР статья была опубликована лишь в 1990 г. в журнале «Юность» (1990, № 10). Здесь цитируется по сборнику М. Волошин, *Россия распятая: сборник статей и стихов*. М.: Агенство ПАН, 1992.

²⁷ Цитаты из стихотворений Волошина «Готовность» (1921) и «На дне преисподней» (1922), на которые ссылается Зноско-Боровский.

«прекрасными и проникновенными», «классическим, законченным совершенством», Зноско-Боровский пришел к следующему выводу: «Те, кому близки религиозные чувства, найдут в них дорогие для себя ноты; для остальных только лишний раз подтвердится излишность религиозного подхода к политике, который может привести к оправданию инквизиции» (Там же: 98).

Другой тип отношения к революции и к новой власти прослеживается на примере судьбы поэта Сергея Городецкого. Бывший символист и акмеист стал, по словам Слонима, служащим по «департаменту поэтической пропаганды и художественного славословия», задача которого – «воспевать красоты и величие коммунизма, рифмовать „счастье“ и „советвласть“ и всем существом своим изображать радость и энергию, ибо „серп и молот всем несут небывалый праздник труд“» (Слоним 1922в: 19).

Ко времени появления аннотации Слонима к книге стихов Городецкого «Серп» (1921) советская власть функционировала всего пятый год, но и за этот короткий срок она сумела «развратить своих бардов и привить им такой приторный и до тошноты скучный шаблон» (Там же), какому позавидовали бы придворные певцы прошлых поколений. А главное: в стихах Городецкого, воспевающих коммунизм, не чувствовалось вдохновения, энтузиазма, искренности. Не важно, писал ли он по заказу или из желания сделать литературу полезным винтиком в механизме коммунистического государства, «стихи его – плакатно шумные – бездушны и мертвенно пошлы» (Там же: 20). Чтобы не быть голословным, Слоним привел цитаты из сочинений Городецкого, в которых явно ощущалась начавшаяся у бывшего поэта-акмеиста творческая деградация. Вот лишь одно четверостишие:

И как нефть под песками
Нарастает желанье
Стать под красное знамя
Мирового восстанья.

Определенное влияние политики на творчество наблюдалось и в судьбе Валерия Брюсова – еще одного символиста, в послереволюционных произведениях которого «явственно звучит мотив притяжения... октябрьской революции» (Аноним 1922а: 22).

После смерти Брюсова в 1924 г. своими воспоминаниями о нем в ВР поделилась М. Цветаева, а М. Слоним написал рецензию на его последние стихи. Так же как и в случае с Городецким, Слоним высказался о политических сочинениях Брюсова прямо и нелицеприятно. Он назвал их вымученными и бледными, написанными в стиле «безвкусовых и трескучих... передовиц» (М. Сл. [Слоним] 1925а: 234) советских газет²⁸. Но чувствуется, что Слониму хочется, если не оправдать, то хотя бы объяснить метаморфозу, произошедшую с прославленным поэтом. Он предположил, что Брюсов «не хотел примириться с собственным поэтическим умиранием», а потому «пытался раздвинуть рамки своего творчества, оживить его новыми темами и революционным пафосом» (Там же). К сожалению, эти попытки привели к потере поэтического дара. Брюсову не удалось стать ни «придворным питом», ни «певцом нового мира», ни «основателем коммунистической поэзии, каким желали бы его видеть большевики» (Там же).

Мемуары М. Цветаевой представляют собой весьма ценный материал для литературных исследователей. Поэтесса не только описала свои взаимоотношения с Брюсовым, но и рассказала о собственных первых шагах в искусстве, о жизни в послереволюционной Москве, о публичных поэтических вечерах, популярных в те годы. Она вспомнила многих крупных поэтов тех лет и, помимо прочего, сделала такое любопытное замечание: «Обращено ли, кстати, внимание хотя бы одним критиком на упорное главенство буквы Б в поколении так называемых символистов? – Бальмонт, Брюсов, Белый, Блок, Бальтрушайтис»²⁹ (Цветаева 1925б: 37).

Много претензий имелось у Цветаевой к Брюсову как к личности, но прежде всего как к поэту. По ее мнению, у Брюсова было мастерство, но не было поэтического слуха, он родился ограниченным или, говоря метафорически, он был не рекой, а сплошным гранитным берегом: «Безграничность преодолевается границей, преодолеть же в себе границы никому не дано. Брюсов был бы мастером в гетевском смысле слова

---

²⁸ Подобным образом критикует В. Брюсова и З. Гиппиус: «...я читал стихи Брюсова последнего периода и совершенно уверен, что „оды“ этого, когда-то Божьей милости, поэта немногим выше „художественных“ произведений распоследнего комсомольца из коммолгазеты» (Крайний [Гиппиус] 1924б: 240).

²⁹ Эти слова вызывают вопрос: не отсюда ли пошла знаменитая фраза о «пяти Б» в русской литературе? Мне не удалось найти какую-либо информацию на этот счет, поэтому, вполне возможно, именно на страницах ВР с подачи Цветаевой впервые появилось упоминание о сходстве начальных букв в фамилиях самых известных русских символистов.

только, если бы преодолел в себе природную границу, раздвинул, а может быть, и – разбил себя» (Цветаева 1925а: 43).

Но Цветаева не хочет лжи о нем, не хочет его «посмертного лягания» (Там же). Судьба и сущность Брюсова кажутся ей трагичными. Трагичными из-за одиночества, из-за «искусственной пропасти между тобою и всем живым, роковое пожелание быть при жизни – памятником³⁰» (Там же: 48). Какие бы соображения ни привели Брюсова и Городецкого в стан большевиков, их судьбы служат доказательством того, что революция для некоторых деятелей искусства имела огромную притягательную силу.

Из старшего поколения писателей-символистов, оставшихся в России, но не поддавшихся ложному очарованию коммунистических лозунгов и сохранивших относительную независимость, я хотела бы выделить Федора Сологуба, чье творчество всегда оценивалось рецензентами ВР положительно. И не только творчество. «В царстве коммунистических Передоновых» (Слоним 1922б: 16), как выразился Слоним в отзыве на сразу два вышедших в Петрограде в 1921 г. сборника поэта – «Одна любовь» и «Фимиама», жизнь Сологуба «была настолько безупречна, что даже в эмиграции не нашлось ни одного зоила, который рискнул бы, по современному обычаю, оклеветать имя Сологуба» (Аноним 1929а: 205)³¹.

В статье, посвященной памяти поэта, Слоним писал о легкости и изящности его стиля, «достигавшего предельной отточенности и даже строгости» (М. Сл. [Слоним] 1927в: 279), о том, что Сологубу были чужды «словесный кисель раннего декадентства, зыбь и многозначительная темнота символизма» (Там же), о том, что и после революции он «остался мечтателем, воздвигающим волшебную сказку вымысла на скудной и скучной земле» (Там же: 282). Своей способностью изображать быт убогой провинции Сологуб сумел связать искусство модернизма с гоголевской традицией, а в его поэзии ожили отзвуки А. Фета и А. Пушкина. И вот теперь, после его смерти,

---

³⁰ Характером Брюсова объясняют его приятие революции и литературоведы в наши дни. Милан Грала, например, связывает вступление поэта в коммунистическую партию с его личными качествами, с желанием «znovu a znovu se pouštět do organizování kulturního života, občanskou válkou skoro úplně rozvráceného a udržet v něm těžce vydobyté pozice směrové, skupinové i osobní» (Hrala 2007: 201–202).

³¹ Впрочем, в той же статье анонимного автора приводятся отрывки из воспоминаний И. Бунина о Сологубе, написанных «с захоластной кичливостью и дворянской надменностью». Вот краткий пример: «Лет он был тогда неопределенных, хотя уже почти лыс. Фрак, панталоны, сапоги – все было у него провинциальное, бедно-чиновничье. Общий вид тоже довольно захоластный, свидетельствующий о скудных достоинствах и простом происхождении: песочно-рыжеватые усы и бородка, нечистый цвет желто-серого, слегка одутловатого и удлиненного лица, удлиненная картофелина носа и большая бородавка возле него, выражение лишено даже осмысленности... Это и был Сологуб» (Аноним 1929а: 205). Полный текст статьи Бунина см. *Последние новости*. – 1929. – 19 сентября (№ 3102). – С. 2–3.

«вместе с ним уходит в могилу целый период наших художественных исканий и борьбы» (Там же: 278).

Полной драматизма, хотя и по другим причинам, была судьба еще двух поэтов Серебряного века – Александра Блока и Николая Гумилева. Обоих уже не было в живых, но критики ВР не забывали эти ключевые фигуры русской поэзии. Что касается Блока, то свое видение его творческого пути предоставила Н. Мельникова-Папоушкова в вышедшей в 1925 г. на чешском языке книге «А. Блок», отрывки из которой были напечатаны в журнале (1925, № 7-8). Но в основном его имя встречается в аннотациях к его посмертным изданиям и к литературоведческим работам, посвященным его произведениям.

Обозревая литературу первой декады советской власти, М. Слоним написал, что А. Блок стал «мостом», связующим старую и современную литературу. Поэту суждено было не только завершить предыдущую эпоху, но и начать новую. Последняя поэма Блока «Двенадцать», стилистика которой в полной мере соответствовала «первому, патетическому периоду русской революции» (Слоним 1927б: 69), наложила «свою печать на всю последующую поэзию. Под знаком Блока до сих пор еще движется поэтический поток, и даже там, где он как будто совсем освободился от его власти, находишь следы и отзвуки блоковского влияния» (Там же: 70). Последние произведения Блока – «Скифы» и «Двенадцать», как считал Слоним, выразили мессианское направление всего творчества поэта, а кроме того, определили пути, по которым пошла часть писателей после революции: «тяготение к эпике, к революционному размаху, „народности“ в литературе и, наконец, тому соединению беспощадного реалистического описания с порывом мистического, почти религиозного пафоса» (Там же: 69).

Статьи о Н. Гумилеве проникнуты духом романтизма и благородства, а сам поэт изображен в них романтиком, мечтателем, конкистадором, певцом «героической мужественности», который «оставил нам свои бодрые и звенящие песни, точно напоминание о вечном и высшем назначении личности» (Слоним 1922д: 18).

Очень эмоционально вспоминал о Гумилеве «патриарх..., русский барин и писатель, русский джентльмен»³² Василий Немирович-Данченко. Он рассказал о том, как вместе с Гумилевым они планировали нелегальное бегство из «советского рая», о

---

³² Б. Зайцев, *Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести*. М.: Русская книга, 1999. С. 333.

душевном состоянии, в каком пребывал поэт в последний период своей жизни, о его гибели. Немирович-Данченко описывал совместные прогулки, во время одной из которых, когда «ноги тонули в сугробах» и «волны снега неслись... в лица» (Немирович-Данченко 1924: 249), Гумилев мечтал о дальних странствиях и экзотических землях: «Да ведь есть же еще на свете солнце и теплое море и синее-синее небо. Неужели мы так и не увидим их... И смелые, сильные люди, которые не корчатся, как черви под железную пятою этого торжествующего хама. И вольная песня и радость жизни. И ведь будет же, будет Россия свободная, могучая, счастливая – только мы не увидим» (Там же: 250).

Экзотическими, восточными мотивами проникнуто и напечатанное в ВР, ранее не издававшееся стихотворение Гумилева «Пантум», посвященное художникам Наталье Гончаровой и Михаилу Ларионову. Стихотворение предваряет история его возникновения и небольшая сказка, сочиненная поэтом как пролог к стихам.

В связи с этим хочу отметить, что произведения модернистов представлены в журнале так же скудно, как и произведения писателей-классиков: два стихотворения – М. Волошина «Космос» (1924, № 1-2), Н. Гумилева «Пантум» (1931, № 1-2), два прозаических отрывка – путевые заметки об Африке «Кайруан» А. Белого (1923, № 1) и глава из его же романа «Москва» – «Лекция профессора Коробкина» (1925, № 7-8), разбирая который Слоним снова поднимет тему влияния и преемственности поколений. В частности, художественные приемы Андрея Белого критик находил в прозе Б. Пильняка.³³ Слоним называл Белого виртуозом словесной и синтаксической игры, но в то же время признавал, что его трудно читать, что он «отпугивает торопливого читателя сложностью словаря, своеобразием синтаксиса, необычностью построения» (Слоним 1925д: 251).

Без подобных упреков не обошлась и рецензия Потемкина³⁴ на поэму А. Белого «Первое свидание» (1921) Эта «попытка возратить поэму Пушкинских дней», по мнению критика, имела массу достоинств, однако в «Первом свидании» «музыкальный элемент настолько доминирует над повествовательным, над сюжетом, что она перестает быть поэмой и превращается в набор звуков» (Потемкин 1922: 20). Все

---

³³ М. Слоним видел и влияние А. Ремизова на творчество Б. Пильняка (о чем я упомяну в следующей главе). Д. Святополк-Мирский имел противоположное мнение: Пильняк «ученик Бунина в гораздо большей мере, чем Белого или Ремизова» (Святополк-Мирский 1926в: 209).

³⁴ Имя не указано. Возможно, автором являлся писатель Петр Потемкин, который до своего отъезда в Париж в 1924 г. жил в Праге и сотрудничал с «Волей России».

положительные качества теряются. Их трудно заметить «за бесконечным бубнением, тавтологиями, каламбурами и прочими звуковыми приемами, растянувшими поэму и лишившую ее мудрой сжатости Пушкина» (Там же).

Из вышеприведенных отрывков может сложиться впечатление, что заслуги А. Белого в развитии приемов стихосложения не были оценены в эмигрантской среде. Это не совсем так. Тот же Слоним отзывался о Белом как об одном из «крупных наших символистов», а что касается словотворчества поэта, то в этом он был ловким фокусником, который «проделывает со словом всевозможные опыты, меняет его на все лады, показывает всю свою власть над этим гибким и послушным материалом, пользуется им для выражения мельчайших, неосязаемых оттенков, таких душевных движений, которые обретаются где-то за порогом сознания» (Слоним 1927в: 113).

Когда в 1934 г. А. Белый умер, ВР уже не существовала, но реакцию эмиграции на смерть поэта передал философ Федор Степун в некрологе, напечатанном в журнале «Современные записки». Не стоит забывать, что большинство эмигрантов принадлежало к поколению, сформировавшемуся в эпоху Серебряного века, и были «кровно связаны», как отмечал Степун, с подъемом московско-петербургской дореволюционной культуры. Для русского зарубежья Белый оставался последним крупным художником их генерации в советской России, и Степун с ностальгией писал о том, как эмигранты, всматриваясь в покинутые ими берега, чувствовали, что «Белый и те несколько человек, с которыми он после нашей разлуки остался вместе, это наша еще видная нам пристань» (Степун 1934: 259). Преждевременный уход писателя еще более усилил осознание одиночества и эмигрантской сироты у изгнанников: «И вот бурным течением времени снесена пристань. Взор памяти – он же взор надежды – растерянно блуждает по гаснущему берегу и не на чем ему больше остановиться... Нет сомнения – смерть Белого – это новый этап развоплощения прежней России и старой Москвы» (Там же).

К тем немногим писателям, о которых Степун отзывался, как о «нашей пристани», могли бы быть отнесены Анна Ахматова и Осип Мандельштам. Правда, авторы ВР и к ним были достаточно критичны. Альфред Бем, разбирая статью Мандельштама «О природе слова» (1922), писал, что работа одного из основоположников акмеизма не отличается ни точностью, ни продуманностью, и, по большому счету, поэт совершенно зря «так неудачно пытается подвести надуманную теорию под живой факт литературной жизни» (Бем 1923: 160). Под «живым фактом»

Бем подразумевал акмеизм, который на тот момент, как считал критик, еще не сказал своего последнего слова. Акмеизм «силен вовсе не теоретизированием, а своим отталкиванием от символизма» (Там же), он внес в литературу «ряд новых ощущений, гораздо более ценных, чем идеи, а главным образом, вкус к целостному словесному представлению, образу, в новом органическом понимании» (Там же).

Е. Зноско-Боровский посвятил довольно объемную статью поэтическим сборникам А. Ахматовой. Высоко оценивая любовную лирику сборника «Четки», критик находил определенные тематические изменения в последних книгах поэтессы. И изменения эти произошли неслучайно. «Четки» появились в 1914 году, в год начала мировой войны, отодвинувшей личные переживания на второй план. Ахматова «сама предписала себе новый душевный строй, сама положила себе строгие запреты. Она добровольно сковала себя, и, изгнав из души прежние страсти, изгнала из нее и прежние песни» (Зноско-Боровский 1923а: 77). Тяжелое чувство возникло у Зноско-Боровского, когда он читал последующие сборники поэтессы – «Белую стаю» (1917) или «Подорожник» (1921). Но он испытывал тревогу не из-за боязни того, что стихи Ахматовой станут хуже. Он опасался «за самого поэта, который повалил на свою душу слишком тяжелый груз и который еще ждет „слова освобождения и любви“, но пока их еще не слышит» (Там же: 79).

В заключении этой главы остановлюсь еще на одной весьма любопытной статье. Ее автором стала поэтесса Елизавета Кузьмина-Караваева, более известная как мать Мария. В очерке «Последние римляне», подписанном псевдонимом Юрий Данилов, она дала неутешительную картину состояния русской культуры, причем как прошлого, так и настоящего и, что немаловажно, будущего. Подобно некоторым другим литераторам³⁵, она видела трагедию старой интеллигенции в том, что та была слишком далека от простого народа, хотя именно благодаря этой оторванности, по мнению автора статьи, она могла создавать культурные ценности. «Не ведя за собой массы, не считаясь с тем, что медлен и слаб ход культурного развития страны, наши русские „мудрые“ могли проходить свой путь с исключительной быстротой, расплачиваясь за эту быстроту тем, что с каждым шагом становились все дальше и дальше от народа, пока, наконец, не стали народу совершенно чужими, говорящими на другом языке» (Данилов [Кузьмина-Караваева] 1924: 120).

---

³⁵ См., напр., статью А. Блока «Народ и интеллигенция» (1908).

Вторая черта дореволюционной культуры: ощущение кризиса, ожидание гибели цивилизации, с которым жила русская литература в начале века. Кузьмина-Караваева сравнила своих коллег с последними римлянами, «видящими уже гибель своего римского мира» (Там же: 106), чувствующими смерть прежней культуры, понимающими, что «лежит перед ними не живое существо, а покойник» (Там же: 119). Крепко связанные с традициями XIX века, они не смогли оживить эти традиции, вдохнуть в них новую жизнь. Война и революция, в понимании Кузьминой-Караваевой, довершили крушение русской культуры, сыграли в ее судьбе такую же роль, как Аттила в уничтожении римской империи. После большевизма, считала она, будет как после вождя гуннов, «под копытами коня которого трава не растет» (Там же: 122) – исчезнет все русское культурное наследие, останется «только голая степь, на которой надо заново начинать пахать, вернее, учиться пахать» (Там же).

Далее Кузьмина-Караваева выдвинула предположение, что новая русская литература должна будет родиться в «толщах народных», она будет непонятна для старой интеллигенции, будет примитивной, лишенной красоты, «без традиций, без авторитетов» (Там же: 112). Собственно, она уже родилась, но Кузьмина-Караваева видела у новых писателей только изображение сверх кошмарного быта, который создали большевики, и этот «сверх кошмар, проникший в новую литературу, не только вполне законен, не только связывает жизнь с искусством, но и имеет свое великое оправдание, как фактическое преодоление сверх кошмара в жизни» (Там же: 123).

Печатающая очерк Кузьминой-Караваевой, редакция ВР в примечании к публикации отметила, что «не разделяет некоторых оценок, высказанных автором» (Там же: 103). Для сотрудников журнала последствия революции для русской культуры не были столь трагичны³⁶. Конечно, в советском искусстве было много «примитивного» и «сверх кошмарного», но целиком оно представляло для них явление интересное, неоднозначное, заслуживающее внимания. Представители Серебряного века также, тем или иным образом, влияли на развитие отечественной литературы, играли весомую

---

³⁶ Напр., говоря о послереволюционной русской литературе, М. Слоним писал: «Мы прекрасно знаем, что ее рождение и развитие происходило в мучительных условиях – и внутренних и внешних. Ей приходилось пробиваться на свет божий сквозь грубую кору нужды и запрета. На нее наложены оковы социального заказа. На нее спущена стая цензоров и добровольных доносчиков. Она обязана вдохновляться Марксом и следовать „заветам Ильича“. <...> Все это нам прекрасно известно, и мы отлично знаем насколько тяжела, даже мучительна жизнь искусства там... И тем не менее... создавалась новая русская литература, целый новый мир... Удивительного в этом нет ничего: это только новое доказательство огромной жизненной энергии русского народа и его интеллигенции, новый пример силы русского искусства. Если в эпоху николаевской реакции могли быть Пушкин, Гоголь и Тургенев, ...то можно ли удивляться тому, что даже большевистскому режиму не удалось убить его и что в годы революционной бури оно воскресло для обновленной жизни?» (Слоним 1927а: 114–115).

роль в ее сохранении, независимо от того, где им довелось жить – в эмиграции или на родине. Ни в России, ни за границей не исчезла связь поколений, культурные традиции развивались и дальше, а интерес к классической литературе, как было указано выше, еще более усилился.

3. Освещение литературной жизни эмиграции: особая позиция «Воли России»

3.1 Критический взгляд на потенциальные возможности эмигрантской литературы

Большевистская революция разделила отечественную литературу на две ветви: литературу советскую и литературу русского зарубежья. С каждым годом различия между ними становились все более ощутимыми, что проявлялось не столько в отличиях политического и идеологического характера, сколько в разнице эстетических принципов, тематических, стилистических особенностях и т. п., хотя обе ветви шли к решению одной и той же задачи: найти новые направления для развития отечественной литературы, сохраняя при этом культурную преемственность поколений.

Позиция ВР по этому вопросу формировалась на основе политических взглядов ее редакции. Лозунг «Повернуться лицом к России» распространялся, не в последнюю очередь, и на достижения советской культуры и искусства. Некоторые исследователи ставят в вину М. Слониму, что с середины 20-х гг. он взял курс исключительно на советскую литературу. Г. Струве, например, указывал на то, что «проявляя интерес к советской литературе, вовсе не нужно было огульно отрицать литературу зарубежную» (Струве 1996: 60). По мнению М. Задражиловой, методы Слонима привели к изменениям в составе авторов ВР: «Nová orientace Slonimovy kritické rubriky mohla spolu s jeho silně autoritářským a polemickým hlasem některé z jeho přispěvatelů odradit od další spolupráce» (Zadrazilová 1999: 144)³⁷. Обе эти точки зрения верны, но тем не менее в отношении критиков ВР к эмигрантской литературе были свои нюансы, которые будут рассмотрены ниже.

В соответствии с традициями отечественных «толстых» журналов почти каждый номер ВР открывался публикациями художественной прозы или поэзии. Подбор

---

³⁷ В таком подходе к формированию журнала не было ничего уникального. Как упоминалось в гл. 1, печатные органы изначально создавались на каком-нибудь объединяющем коллектив принципе, чаще всего политическом. Этой стороне эмигрантской прессы и главным литературным дискуссиям, пробегающим в те годы, посвящена статья американского слависта Роджера Хеггланда «The Russian Émigré Debate of 1928 on Criticism». Цитируя таких признанных критиков как З. Гиппиус, В. Ходасевич, Г. Адамович, Н. Остип и др., Хеггланд приводит и слова М. Осоргина, которые подтверждают существование «кружковщины», с которой боролся Слоним, но которую, вполне вероятно, создал сам в ВР. «Osorgin first pointed out that in the dozen or so major émigré literary publications, contributors were usually grouped by strict ideological ties and expected not to deviate from the political position of the editor. But he maintained that even when free from the restrictions of political acceptability, as critics sometimes were, they often failed to be objective in their work, displaying instead attitudes which led at worst to squabbling and at best to what he called „friendly“ (druzheskaia) criticism» (Hagglund 1973: 517).

авторов, как указывалось выше, был довольно разнообразным, но явное предпочтение отдавалось произведениям писателей-эмигрантов, правда не из числа самых известных и маститых представителей старшего поколения, а младшей генерации. Впрочем, творчество «академиков»³⁸, как иронично называл Слоним таких крупных писателей, как И. Бунин, А. Куприн, И. Шмелев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт и пр., не оставалось незамеченным – оно регулярно освещалось в критических статьях ВР, причем чаще всего новые произведения этих авторов подвергались строгому разбору и многочисленным нареканиям. Главная претензия, предъявляемая этим литераторам, заключалась в том, что они излишне консервативны в своих художественных предпочтениях, а благодаря их авторитету и вся литературная жизнь русского зарубежья имела в то время консервативный характер. По версии Слонима, подобный консерватизм мог быть вызван тем обстоятельством, что изначально эмиграция приняла на себя задачу по сохранению отечественных культурных традиций. К сожалению, это отразилось на творчестве отдельных писателей, которые, оказавшись на чужбине, «упорно стремятся удержаться на том именно уровне, на каком их застигла война и революция» (Слоним 1929б: 101–102).

Слоним упоминал и еще об одной характерной черте эмигрантского литературного истеблишмента: политика в ряде случаев повлияла на эстетические вкусы и художественные принципы некоторых литераторов. Критик рассматривал эту тенденцию на примере изменений, которые произошли с Зинаидой Гиппиус: если в России до революции она боролась с реалистическим направлением в искусстве и считалась «застрельщиком и теоретиком русского символизма», то в эмиграции поэтессу (вернее, ее alter ego – Антона Крайнего³⁹) «покинули критическое чутье, понимание сложности литературных явлений, любовь к свежему и молодому в искусстве и даже прежние эстетические симпатии. Остались только злая ирония, несправедливая резкость и холодный блеск ума» (Слоним 1924а: 54). Яростно отвергая все созданное на родине после 1918-го г., или, то, что появлялось в эмиграции, но было написано по новым правилам орфографии, Гиппиус противопоставляла этому новому

---

³⁸ По-видимому, использование Слонимом этого титула связано с тем, что Бунин с 1909 г. являлся почетным академиком по разряду изящной словесности Санкт-Петербургской академии наук.

³⁹ Мельникова-Папоушкова эти две ипостаси поэтессы охарактеризовала следующим образом: «И вот, читая ее произведения, подписанные как собственной фамилией, так и разнообразнейшими псевдонимами, особенно же А. Крайний, и знаешь, что все это написал человек с большим умом, которому подчас (и даже очень часто) вредит другой сидящий в нем человек, со скверным женским характером» (Мельникова 1925г: 216).

представителей «старого реализма» – Куприна, Шмелева, Бунина. Для Гиппиус, по словам Слонима, эти писатели стали символами прошлого, которое ей было ближе, чем современность. Политика сблизила некогда противостоящих друг другу Гиппиус и Бунина: «они – люди старой, умершей России. Для обоих живет и дышит только мир мертвецов, и мертв и безмолвен мир живых. Они не способны уловит „музыку будущего“. Им чужда и глубоко ненавистна та новая Россия, которая несмотря ни на что, пробивает себе дорогу в большевистской чаще... Они не поняли, что великая катастрофа революции – не только крушение, но и рождение» (Там же: 62–63).

Любопытно, что общий тон критических замечаний в адрес писателей-эмигрантов старшего поколения практически не менялся за все десять лет существования ВР. Подводя итоги шестилетнему существованию русской диаспоры за рубежом, Слоним в 1925 г. писал, что основной грех эмигрантской литературы заключается в ее неподвижности⁴⁰; к 1929 г. ситуация, по его мнению, не улучшилась: «академики» по-прежнему проявляли агрессивный в той или иной мере взгляд на современность, «страстное стремление всячески избежать ее влияний, загородиться от нее щитом собственного консерватизма и неизменности» (Слоним 1929б: 102). О некоторых конкретных писателях Слоним высказывался в еще более резкой, порой жестокой манере. Так, говоря о послереволюционном творчестве Александра Куприна, критик вынес писателю безжалостный приговор (с оговоркой, что, возможно, он ошибается): «Куприн ничего более русской литературе не даст. Он жив физически – но безгласен для искусства» (Слоним 1925б: 178).

Следующим «мертвым», застывшим, принадлежащим к завершившейся эпохе русской литературы писателем для Слонима и его коллег являлся Иван Бунин. Признавая былые заслуги писателя и его бесспорное положение «первой литературной величины» в эмиграции, по оценке С. Постникова, сотрудники ВР все же не смогли избежать очевидной предвзятости по отношению к Бунину, подчас опускаясь до разбора личных качеств писателя, а не его литературных достижений. Даже сдержанный в своих суждениях Постников писал о бунинской озлобленности⁴¹, Слоним же открыто признавался, что не уважает Бунина за его неспособность понять и принять новое, за то, что тот «безнадежно глух, ослеплен политической злобой и скован самомнением и предубежденностью» (Слоним 1926а: 88).

---

⁴⁰ См. Слоним 1925б.

⁴¹ См. Постников 1926а.

Нельзя сказать, что Слоним и другие критики ВР не признавали писательское мастерство Бунина, но даже позитивные отзывы о его произведениях всегда сопровождались нелестными комментариями. Когда в 1924 г. в свет вышел сборник бунинских рассказов и стихов «Роза Иерихона», Слоним, отдавая должное чувству меры, гармонии, безошибочному вкусу автора, все же не нашел в сборнике ничего нового, необычного для творчества писателя, а потому отказался причислить эту книгу к литературным событиям эмигрантской жизни. Заканчивалась рецензия этого сборника опять же упоминанием о личных качествах Бунина. В них Слоним увидел нечто симптоматичное, показательное для некоторой части русской интеллигенции, что заставило критика задаться вопросом: «Надо ли считать символическим то явление, что наиболее крупным представителем литературы эмиграции является писатель, не только тоскующий о прошлом, не только считающий, что России конец – но и по всему складу своего творчества и своего мировоззрения ни во что не верящий, ничего страстно не чувствующий и посвящающий лучшие свои страницы описаниям безвыходности, отчаяния и смертной гибели?» (Слоним 1925б: 181–182).

Похожие мысли можно найти в отзыве Постникова на роман Бунина «Митина любовь» (1925). В целом этот отзыв более чем благосклонный. У критика нет сомнений, что роман станет шедевром русской литературы, однако он не преминул поделиться с читателями своим собственным отношением к писателю: «Лично я всего Бунина так безраздельно воспринять не могу. <...> Некоторые из его последних рассказов („Красный генерал“ и „Товарищ дозорный“) просто тенденциозны. Больше того, Бунинская озлобленность и, вместе с тем, его какая-то литературная холодность, приковывающая больше внимания к форме и стилю, чем к целому, не дает ему полной завершенности» (Постников 1926а: 184).

Неоднозначным был взгляд критиков ВР на творчество еще одного представителя старшего поколения эмигрантских писателей – Ивана Шмелева. Если в начале 20-х гг. о нем писали, как об искусном рассказчике, продолжателе линии «послечеховского» реализма, а его первое крупное произведение, опубликованное за границей, – «Солнце мертвых» (1923) – было встречено критиками ВР положительно, то по поводу романа «Солдаты» (1930), описывающего события Первой мировой войны, В. Петров высказался весьма нелюбезно. Он назвал роман тенденциозным, беспомощным в художественном плане, напоминающим советские произведения на производственную тему: роман «так же неумело состряпан, так же приспособлен к

„идеологии“ определенного типа и так же рассчитан на людей, в литературе невинных» (Петров 1930: 540). И причины этой литературной неудачи для критика очевидны: Шмелев, оказавшись в эмиграции, редко печатался, а если его новые произведения и появлялись, то все они малокультурны и политически тенденциозны.

Тенденциозность была одним из тех коренных пороков, которые Слоним наблюдал в русской зарубежной литературе. У разных писателей этот порок мог проявляться в разной степени и в разной форме. У Дмитрия Мережковского тенденциозность имела религиозно-философские черты, поддерживаемые символикой. Но наибольшая опасность, как считал Слоним, исходила от тенденциозности политической – ею грешили в то время многие эмигрантские писатели. В качестве примера Слоним привел творчество Евгения Чирикова, который, прибыв в Прагу, увлекся публицистикой и «подобно многим своим братьям, начал сочинять обвинительные акты безбожию и социализму или патриотическую и антибольшевистскую лирику» (Слоним 1925в: 189).

Особую популярность у определенного круга читателей приобрели произведения монархического толка, несущие в себе утопические идеи по спасению России. О художественных достоинствах такого рода литературы критики ВР высказывались исключительно в негативном ключе: вся она для них была написана по отжившим, устаревшим образцам, безжизненна и претенциозна, наполнена штампами и привычными клише, однако соответствовала вкусам эмигрантской публики и имела своего постоянного и преданного читателя, что для Слонима являлось показателем непритязательности читательской аудитории. Этой теме он посвятил целую статью под ироническим названием «Литературные задворки». В ней рассматривался, казалось бы, необъяснимый успех у массового читателя произведений П. Краснова, Н. Лаппо-Данилевской и других писателей, по выражению Слонима, «красновского типа»: И. Хвостова, Н. Белогорского, Н. Брешко-Брешковского, М. Первухина и т. п. Большинство произведений этих авторов были посвящены Первой мировой войне, революции или, как в случае эпопеи Краснова «От двуглавого орла к красному знамени» (1921–1922), охватывали все драматические события, потрясшие Российскую империю в начале XX века. Темы эти, безусловно, были близки русским беженцам, к тому же, например, Краснов, как указал Слоним, «нарочно задевает самые острые, самые злободневные вопросы – и при том в упрощенном виде, так, чтобы можно было их понять без особых усилий ума и воли» (Слоним 1925а: 139). И как заключает

Слоним в другой своей статье – «Литература эмиграции», – такого рода литература в будущем будет представлять интерес для историка, изучающего настроения и психологию эмиграции, но никак не для историка литературы, так как «рожденные в случайной игре событий, по прихоти раздраженного ума, они останутся вне искусства – ибо искусству принадлежат свершения, а не умыслы и добрые намерения» (Слоним 1925в: 192).

По понятным причинам произведения перечисленных выше авторов никогда не появлялись на страницах ВР. В своих воспоминаниях Слоним писал, что журнал в начале 20-х гг. пытался привлечь писателей старшего поколения к сотрудничеству, но «многих из них отпугивала политическая позиция журнала» (Слоним 1972: 295). Из ранее сказанного, напрашивается вывод, что и разногласия по вопросам художественным, эстетическим, стилистическим, а также личные взаимоотношения сыграли здесь не последнюю роль. Тем не менее в первые пять лет существования ВР в ее художественном разделе появлялись такие имена, как К. Бальмонт, Б. Зайцев, Вас. Немирович-Данченко, С. Юшкевич, С. Маковский, С. Черный и др. Самым видным «академиком» из этого списка можно считать Константина Бальмонта. Его стихи регулярно публиковались в ВР вплоть до 1926 г., кроме того, его имя упоминалось в критических статьях и рецензиях. Сборник очерков поэта «Где мой дом», изданный в Праге в 1922 г., был встречен благожелательно, точно так же, как и его прозаические опыты – вышедшая годом позже книга рассказов «Воздушный путь». Рассказы Бальмонта были означены за «блестящую игру его прихотливой, богатой и полнозвучной музыки» (Б. А. [Слоним] 1923: 90).

Сотрудничество Бориса Зайцева с ВР оказалось менее продолжительным: в 1922 г. в журнале была напечатана его пьеса «Дон Жуан» (1922), а через год – рассказ «Новый день» (1921). Зато в 1926 г. была опубликована объемная статья Евгения Недзельского, посвященная двадцатипятилетней деятельности писателя. Особое внимание читателей критик обращал на понимание Зайцевым характеров «интеллигентской современности».

Ближе ко второй половине XIX в., писал Недзельский, в русскую литературу вошли такие персонажи, как «лишний человек», «страдающий интеллигент», то есть «рядовой экземпляр с развитой скулой, догматик без веры (каменной), посредственность в розовых условиях, зазнавшаяся в гения» (Недзельский 1926б: 55). Многие писатели (Чехов, Куприн, Бунин) по-своему решали задачу изображения

художественными средствами подобных личностей, попутно затрагивая философские и общественно-социальные проблемы. Недзельский считал, что Зайцев иначе подошел к раскрытию этой темы. Писатель не обобщал и не типизировал, не пускался в идеологические тирады, изучая и описывая интеллигентскую среду, он «занялся не случаем из ее жизни, но вообще ее жизнью, каруселями будней, не интегрировал черты в тип, но остановился на взаимоотношении стереотипов, не сгущая красок» (Там же). А особую заслугу Зайцева критик видел в том, что писатель проследил трансформацию, которую была вынуждена пройти русская интеллигенция за годы революции и Гражданской войны. «Что случилось с полуживой, газообразной мечтательностью?» – спрашивал Недзельский. Роман Зайцева «Золотой узор» (1923) отчасти отвечал на этот вопрос. Трагизм положения героев этого произведения, вынужденных покинуть родину, по мнению критика, заключался не в политических изменениях, а «в перевоплощении „лишних“ людей: они все начинают приспосабливаться к жизни новой и не дающей права статики» (Там же: 58).

Рекордсменами по количеству опубликованных в ВР произведений были Алексей Ремизов⁴² и Марина Цветаева. Слоним не скрывал, что эти два автора занимали в журнале особое положение; он и через пятьдесят лет в воспоминаниях отзывался о них как о крупнейших писателях эмиграции⁴³.

А. Ремизов, в представлении Слонима, являлся одновременно наследником Н. Лескова и ярким представителем неореалистического направления в литературе, которое начало заметно усиливаться в послереволюционные годы. Александр Бахрах, анализируя рассказ Ремизова «Пляс Иродиады», с восхищением писал об эрудиции автора, его знании русского языка, о неистощимом запасе источников в его творческой лаборатории: здесь и «пожелтевшие буквари, забытые обряды, виденные „действия“, записанные циклы народных песен, кустарные поигрунки, календари, суеверия, обезьяньи хвосты, хоботы – сказки да присказки – все обретает под его пером новую жизнь» (Бахрах 1923: 91). Ремизов соединял в своих произведениях сюжеты сказаний, легенд, поверий, но главное – выработал свой собственный язык. Слоним, которого нельзя назвать строгим языковым пуристом, приветствовал стремление писателя вернуться к истокам русского языка, отказаться от чужеродных и иностранных

---

⁴² Ремизов, подобно Цветаевой, предоставлял ВР не только свои художественные произведения. Журнал опубликовал его литературно-критические работы *Тридцать снов Тургенева* (1930, № 7-8), *О разных книгах* (1926, № 8-9), *Тайна Гоголя* (1929, №8-9) и воспоминания *Дягилевские вечера* (1929, № 10-11).

⁴³ См. Слоним 1972.

влияний, «соединить литературу с тем пониманием творчества, которое жило в массах еще века назад» (Слоним 1927в: 114).

Консерватизм русской эмиграции негативным образом отразился на судьбе М. Цветаевой. Конечно, она не принадлежала к генерации «академиков», но дебютировала со своими стихами еще перед Первой мировой войной, а в годы революции уже прочно закрепились в литературной среде. Прибыв в эмиграцию, она оказалась в несколько изолированном положении – «не пришлась ко двору», по выражению Слонима. ВР в свою очередь регулярно печатала произведения Цветаевой без каких-либо требований, касательно их формы и содержания, как утверждал в своих воспоминаниях Слоним⁴⁴. Он также с горечью писал: «Сейчас, тридцать лет после ее самоубийства, эмигрантская печать изобилует хвалебными отзывами о Цветаевой, порою принадлежащими перу ее прежних недругов, и поэтому высокая оценка ее творчества „Волей России“ ни в ком не может вызвать удивления. Но в двадцатые годы эта оценка казалась преувеличенной, эксцентричной и легкомысленной, и относили ее за счет упорного желания „Воли России“ плыть против течения. При этом неизбежно упоминали об одиночестве журнала в его постоянной защите Цветаевой» (Слоним 1972: 296).

Цветаева сотрудничала с ВР все десять лет существования журнала. На его страницах были опубликованы пьесы «Приключение» (1923), «Феникс» (1924), поэмы «Попытка комнаты» (1928), «Крысолов» (1925–1926), «Поэма воздуха» (1930), «Красный бычок» (1928), множество стихотворений. Периодически появлялись и критические отзывы о ее новых произведениях и последних изданиях. Первое такое издание – сборник стихов «Разлука», напечатанный в Берлине в 1922 г., – сразу же был замечен Слонимом и назван им «примечательным литературным явлением». В рецензии на эту книгу критик указал на то, как по-новому зазвучали стихи Цветаевой: «Далеко ушла она от первых своих воскрешений прошлого теней прабабки, от любовной четкой лирики, от нежности материнства, от задорной жажды жизни. Все брошено в ночь – точно бой часов: дом и сон, крепость и кротость» (М. С. [Слоним] 1922в: 24). Схожие оценки можно найти и в рецензиях других критиков ВР. Е. Зноско-Боровский так описывал свои впечатления от вышедшего в 1923 г. сборника

---

⁴⁴ О взаимоотношениях Слонима с Цветаевой также см. О. Малевич, Три жизни и три любви Марка Слонима // *Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 3. 1939–1960 гг.* / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим: [s. n.], 1994. С. 73–100.

«Ремесло»: «Нет здесь живых картин и ярких образов, зримый и осязаемый мир словно исчезает, и мы погружаемся в нечто нематериальное и почти бесформенное» (Зноско-Боровский 1924: 95). О стилистических особенностях манеры Цветаевой критик отзывался следующим образом: поэтесса ломает, комкает язык, намеренно отказывается от грамматически правильных предложений, выпускает подлежащие, сказуемые, сжимает фразу до одного слова, а в результате перед читателем предстает творец, «которого словно непрерывно бьет поэтическая лихорадка» (Там же: 97). Но, с другой стороны, «редко русский язык обнаруживает гибкость, покорность, певучесть, как в стихах Марины Цветаевой. И в этом их несомненная ценность» (Там же).

Несколько по-иному подошел к творчеству Цветаевой Д. Святополк-Мирский, бывший, подобно Слониму, верным почитателем ее таланта и близким знакомым⁴⁵. Святополк-Мирский не отрицал, что поэтика Цветаевой значительно усложнилась, но что касается мировоззрения поэтессы, то оно осталось прежним. Критик называл его романтичным и идеалистическим, причем романтизм этот мог принимать бунтарский характер, как это было сделано в сатирической поэме «Крысолов» – не потому, что в стихах присутствует какой-то социальный или революционный подтекст, а «потому, что в них ярко выступает озорство, можно почти сказать, хулиганство» (Святополк-Мирский 1926б: 101). Корни этого «озорства» критик видел в частушке, таким образом творчество Цветаевой, по мнению Святополк-Мирского, характеризовало тенденции того времени – сближение современной поэзии с поэзией народной.

Рядом с именем Цветаевой критики ВР часто упоминали Вячеслава Ходасевича, но в его поэзии находили совершенно другие черты и достоинства. Слоним в анализе сборника «Тяжелая лира» (1922) заметил, что название книги соответствует мироощущению поэта: «Тоска Ходасевича переходит в какую-то болезненную судорогу, в злое дыхание распада. Жизнь кажется ему наваждением – и в знойный день увидит он тайную игру бесов, управляющих людьми» (Слоним 1923а: 96). Эта неудовлетворенность существующим миром, по наблюдению Слонима, роднила Ходасевича с поэтами 20–30-х гг. XIX века (К. Батюшковым, Е. Баратынским, Н. Языковым и пр.) – он «охотно пользуется их поэтическим словарем: „дохнет сей мир“, „долина безглагольная“, у него буря „армады гонит“ и „на скалы бросает понт“»

---

⁴⁵ Напомню, что Цветаева участвовала в создании и работе в качестве члена редакции литературного журнала «Вёрсты» (1926–1928), учредителем и соредактором которого был Святополк-Мирский. Кстати, журнал получил свое название от сборника Цветаевой «Версты», вышедшем в Москве в 1922 г. Подробнее об этой теме см. Письма М. И. Цветаевой: из архива П. П. Савицкого // *Новый мир*. – 1993. – № 1. – С. 197–217.

(Там же: 98). В данном случае Слоним, обычно ратовавший за новаторство в литературе, поддерживал Ходасевича и тех поэтов, «которые сумели преодолеть разложение русского символизма и обратились к классическим стройным ритмам, возвращая слову его первоначальное и полновесное значение» (Там же: 99).

Из писателей, по-настоящему заявивших о себе уже в эмиграции, критики ВР выделяли два имени – Марк Алданов и Гайто Газданов. Исторические романы Алданова сравнивались с произведениями Л. Толстого, А. Франса, Р. Роллана. Подход Алданова к историческому материалу С. Постников противопоставлял манере Мережковского, упрекая последнего в том, что он перспективы исторических повествований «искажает внесением в них, в качестве стержня, своих специфических религиозных идей» (Постников 1926а: 185). У Алданова тоже присутствовала определенная идея, которую он проводил через все свои произведения. Но эта идея, по мнению Слонима, «общефилософская» – «это идея исторического бессмыслия, сознание тленности и ненужности человеческих усилий и общественных исканий» (Слоним 1925г: 167). Писатель обращался к историческим событиям, например, к Французской революции и Наполеоновским войнам лишь для того, чтобы доказать их бессмысленность и бесполезность, показать, что какой бы великой не была та или иная историческая фигура – всех ждет разочарование и неизбежная гибель. Исторический роман с подачи Алданова «несет с собой безотрадную проповедь скептицизма и отчаяния» (Там же). Даже обращаясь к современности, писатель не изменил свои жизненные установки. Его роман «Ключ», в окончательном варианте опубликованный в 1930 г., описывал предреволюционный Петербург. На первый взгляд книгу можно было принять за попытку изобразить общественную жизнь того периода, картину мира, в котором существовала русская интеллигенция перед Февральской революцией. Но это впечатление обманчиво, как замечал Слоним. Алданов остался верен своей философской системе и своему художественному методу: «В прежних своих романах показывал он тщету истории, все подводя под старинную формулу – то, что было, это то, что будет, – и нет ничего нового под солнцем. <...> Сейчас он рассказывает о ничтожестве обыденности, о пошлости среднего существования, о тщете исканий, мыслей и деяний обыкновенного человека» (Слоним 1930а: 51).

В конце 20-х гг. в ВР начали регулярно печататься произведения Г. Газданова⁴⁶. Тогда же в журнале появились и первые рецензии на его книги. Сразу же было отмечено, что они создавались под влиянием современной французской литературы – и в тематическом, и в стилистическом плане. Но это не ставилось писателю в упрек. Слоним видел в этом закономерное развитие литературы в условиях эмиграции: «Неуловимый дух иностранщины веет в его произведениях. <...> Это естественно для писателя, выросшего в эмиграции, это даже придает некую экзотическую ноту произведениям Газданова» (Слоним 1930б: 457).

В связи с вопросом о привнесении в произведения русских писателей реалий окружающей действительности нельзя не вспомнить статью Д. Святополк-Мирского «Заметки об эмигрантской литературе», опубликованную в газете «Евразия» в 1929 г. Признавая отдельные успехи зарубежных писателей, критик выражал надежду, что в скором времени о себе заявит новая генерация талантов, которая смогла бы наконец оторваться от чисто русской тематики и обратиться к темам более насущным, связанным с жизнью за рубежом. Такой путь казался Святополк-Мирскому «гораздо плодотворней той бесконечной „тоски по березкам“, которой проникнута до сих пор вся зарубежная литература» (Святополк-Мирский 1929: 7). Подобные мысли высказал и критик ВР, скрывший свое имя за инициалами Ал. Н. Разбирая один из номеров «Современных записок», он приветствовал новую политику журнала: с каждым годом в нем все больше внимания уделялось произведениям молодых авторов. А вместе с молодежью в «Современные записки» подспудно начала проникать и «струя европейского воздуха, того воздуха, которым мы дышим – воздуха окружающей нас современности. Старшие писатели этого воздуха не ощущали – они создавали искусственный или опускались в безвоздушные пространства своей памяти» (Ал. Н. 1931: 375–376).

Однако, несмотря на изменение редакционной политики, один из редакторов «Современных записок» Михаил Цетлин, например, не раз проявлял скептическое отношение к самой возможности появления в эмиграции достойной смены генерации старших писателей. Слишком много препятствий ставило перед молодыми людьми положение изгнанника. Хотя Цетлин признавал, что настоящий талант не остановят никакие препятствия, а в качестве совета критик предлагал начинающим авторам

---

⁴⁶ Напр., «Рассказы о свободном времени» (1927, № 8-9), «Общество восьмерки пик» (1927, № 11-12), «Товарищ Брак» (1928, № 2), «Мартын Расколинос» (1929, № 8-9) и др.

обратиться к теме реальной жизни русских за границей – «героической борьбе в чужой обстановке», не без сарказма замечая, что это был бы своего рода парадокс: коммунисты мечтают о пролетарской литературе, отражающей труд рабочих и крестьян, но удивительнее было бы, «если бы повесть труда, фабричного, заводского труда написал бы временный пролетарий из бывших „помещиков и белогвардейцев“» (Цетлин 1927: 438).

При разговоре о новой генерации эмигрантских писателей и о внесении в русскую литературу «европейского воздуха» нельзя обойти стороной личность Владимира Набокова. Критики ВР не являлись безоговорочными поклонниками его творчества, те немногие рецензии на его книги, появившиеся в журнале, всегда содержали ряд претензий к авторской манере писателя (на страницах ВР он фигурировал под своим тогдашним псевдонимом – В. Сирин). Манера, стиль этого писателя – как в прозе, так и в лирике – воспринимались критиками ВР излишне отточенными, технически правильными и чрезмерно сухими.

Первый роман Набокова «Машенька» (1926) привлек внимание Н. Мельниковой-Папоушковой сразу же после его публикации и получил от нее неоднозначную оценку. С одной стороны, критик отметила явные достоинства книги: наблюдательность автора, достоверное описание бытовых реалий эмигрантской жизни, интересный замысел – сплетение двух временных отрезков жизни героя, – который потребовал от молодого автора определенного мастерства. Но исполнение этого замысла, как считала Мельникова-Папоушкова, осталось слабым. На ее взгляд, Набокову не удалось психологические разборы: они получились длинными и скучными, создающими трудности при чтении текста. И хотя романы как жанр не предполагают легкого чтения для отдыха и развлечения, все же они не должны быть и «сизифовыми камнями, которые читатель безуспешно старается втащить и под которыми погибает» (Н. М. П-к. [Мельникова] 1926: 197).

С. Постников рассматривал роман «Машенька» в контексте творчества других писателей младшей генерации (критик упоминал В. Сосинского, К. Версилова, И. Одоевцеву). Общим для всех этих авторов являлось чувство оторванности от родины и «преломление местной чужой жизни через призму пришельца» (Постников 1927: 219). Воспоминания о детстве и Гражданской войне у них соседствовали с описанием эмигрантской жизни. Но по своему происхождению и воспитанию молодые авторы оставались русскими людьми, поэтому, несмотря на «иностранину»,

присутствующую в их произведениях, критик не отрывал их от отечественной литературы.

Испытав в детстве и юности все тяготы революционных лет, молодые писатели, подобно своим старшим коллегам, старались перенести этот опыт на страницы своих произведений. Ничего удивительного, что часто их произведения были проникнуты безнадежностью и неверием в будущее. Как писал один из критиков ВР, привкус пессимизма, который ощущался при чтении рассказов и стихов молодых авторов, исходил из духовной неустойчивости, присутствующей в сознании молодежи. Старшее поколение, также травмированное войнами и революцией, смогло этого избежать. Оно не приняло революцию, но она для него – свершившийся факт, лежащий «вне твердо-очерченных границ их внутреннего мира идей» (Ал. Н. 1931: 376). В мировоззрении более молодых людей революция произвела «некое духовное опустошение» (Там же). Сирин, по мнению данного критика, в этом отношении скорее был похож на писателей-«академиков», чем на своих сверстников. Он, как Бунин или Шмелев, проявлял стойкость и последовательность в своих рассуждениях, но и ему не были чужды общие настроения: «стоит ему только вернуться к внутренней и бессознательной искренности художественной прозы, как обнажается все неблагополучие и вся смятенность его творческого сознания» (Там же).

ВР была одним из тех немногих эмигрантских «толстых» журналов, которые помогали молодым писателям обнародовать свои произведения; он поистине стал для них «чистилищем», по выражению Слонима, открывающим им двери и в другие печатные издания.

В своих воспоминаниях Слоним уделил этой странице в истории журнала особое место. Из его свидетельства следует, что в 1926 г. редакция ВР приняла решение сделать «ставку на молодежь». Сначала были привлечены к сотрудничеству парижские поэты, затем произошло знакомство с пражским объединением «Скит», некоторые члены которого проявили себя в последствии и в качестве литературных критиков ВР. За поэтами последовали прозаики, и журнал даже объявил в 1928 г. конкурс рассказов.⁴⁷

Среди множества имен молодых авторов, прошедших через «чистилище» ВР, трудно встретить известного, прославленного писателя, хотя, безусловно, среди них

---

⁴⁷ Подробнее см. Слоним 1972.

были по-настоящему одаренные личности. Здесь, конечно, имела место специфика эмигрантской жизни. Мало того, что произведения эмигрантов не попадали на родину, так и зарубежных читателей с каждым годом становилось все меньше и меньше: «тут играет роль и экономическое обнищание эмиграции, и дороговизна русской книги, объясняемая ограниченностью ее сбыта, и наконец, отход от родного языка той молодежи, которая почти уже растворилась в иностранной среде» (Аноним 1932: 89).

В заслугу ВР можно поставить и тот факт, что критики журнала регулярно анализировали творчество молодых авторов и освещали общую картину развития литературы в условиях эмиграции. Наиболее часто разговор шел о подражательстве, эпигонстве, низком художественном уровне. «В поэзии это бальмонтовщина или северянщина, в худшем случае песенки Вертинского, в лучшем подражание любовной лирике Ахматовой. В прозе – литература „воспоминаний“, русского пейзажа, холодная описательность бунинского типа... <...> Тут всего типичнее не влияние отдельных писателей, а какая-то общая атмосфера, какая-то неизгладимая печать литературного провинциализма и отсталости» (Слоним 1929б: 103).

Из молодых писательниц Слоним особо отмечал три имени: Ирина Одоевцева, Нина Берберова и Надежда Городецкая. Он считал их одареннее других, но в то же время не мог не указать на недостатки, которыми грешили их сочинения: Одоевцева была склонна к бульварной литературе с «половой пикантностью»; Берберову отличала претенциозность и стремление придать своим произведениям психологическую глубину, а потому она усиленно подражала Гоголю и Достоевскому; Городецкая – в этом смысле честнее, но «ее роман „Несквозная нить“ производил впечатление какого-то блеклого, вылинявшего узора» (Там же: 114–115).

Молодой пражский писатель Василий Федоров зарекомендовал себя в жанре юмористического рассказа; он работал в том же направлении, что и М. Булгаков, и некоторые члены объединения «Серапионовы братья» (в первую очередь, В. Каверин): в произведениях Федорова происходило смешение «фантастики и быта, резкое противоположение комического и трагического элементов» (Там же: 117).

Надо сказать, что один из «Серапионовых братьев» – Владимир Познер, уехавший из России в 1921 г., также публиковался в ВР. Его первая изданная книга стихов – «Стихи на случай» (1928) – получила сдержанные оценки. Слоним отмечал легкость и конкретность поэзии Познера, видел в поэте несомненное, но скромное

дарование. По мнению критика, он следовал принципу «говорить о „самом главном“ в обыденных выражениях, оттенять серьезность темы кажущейся небрежностью выражения, добиваться меткости, остроты в определениях» (Слоним 1928б: 75).

Большие надежды критики ВР возлагали еще на одного молодого поэта – Бориса Поплавского, трагически скончавшегося в 1935 г. Поплавский тяготел к сюрреализму, по словам Слонима, поэт жил целиком «в им самим выдуманном мире, в котором дирижабли и ангелы проплывают в фиолетовых небесах рядом с литературными призраками и книжными воспоминаниями» (Слоним 1929б: 109).

Отдельно хочется остановиться на статье Слонима, разбирающей поэмы двух молодых авторов – Вячеслава Лебедева и Алексея Эйснера. Оба поэта входили в пражское литературное объединение «Скит» и считались его наиболее яркими и многообещающими представителями. Их поэмы – «Поэма временных лет» Лебедева и «Конница» Эйснера – были опубликованы в том же номере ВР, что и статья Слонима, и такая оперативность со стороны критика – случай для ВР беспрецедентный. Свою роль тут сыграли не столько поэтические достоинства самих произведений, сколько то, что в них затрагивалась одна из болезненных тем русской общественной мысли – проблема Восток–Запад, естественно, в контексте взаимоотношений Европы и России. Слоним совершенно справедливо отмечал, что темы, поднятые авторами, для русской литературы показательны и типичны: «в истории нашей поэзии установилась определенная традиция... <...> Достаточно сказать то, что славянофильское противопоставление растленно-рассудочного Запада богоносной России, пройдя через соловьевский страх „желто-азиатской опасности“, превратилось у поэтов символистов в идею столкновения первобытного нашего скифства с одряхлевшей пресыщенностью западной культуры» (Слоним 1928а: 44). После революции эта тема переродилась в некий шаблон: мессианизм религиозный сменился революционным, и все «от Маяковского до Пильняка, в поэзии и прозе заговорили русские писатели о штыках красных солдат, которым суждено перевернуть Европу» (Там же: 45). Поэма Эйснера «Конница» как раз и отображала подобные взгляды. Но Слонима удивляло это давнее желание отдельных представителей русской интеллигенции непременно при помощи дубин и набегов, «железных конниц» взять верх над Западом. Читаем ли мы Блока, Брюсова, Маяковского или Эйснера, который «более грубо и наивно вскрыл это со своим „седым и грозным командиром“, и проходящими полками и эскадронами» (Там же),

– у всех этих авторов мотив столкновения России с Европой трактуется в буквальном, физическом, смысле, а кроме того, подразумевается, что закончится это столкновение обязательно гибелью Старого Света. Возможно, предполагал Слоним, за этим стоит тайная зависть к западному миру и, как следствие, – желание избавиться и от него, и от его влияния. Но такой путь тупиковый; нужно отбросить детские обиды и перейти к продуктивному сотрудничеству.

Вторая поэма – «Поэма временных лет» Лебедева – представляла собой другую крайность: автор был склонен придерживаться западнических позиций; он считал, что за всеми русскими проблемами, в том числе за неудачами Февральской революции и «белого» движения, стояла «наша дикость и отсталость, темная кровь разгула, грубость похвальбы и „азиатская лень“. Он от лаптей и вшей не пришел в умиление, и не ощутил святости в животной грязи и рабской нищете» (Там же: 55). Такого рода западничество Слоним тоже отвергал и называл его опасным. Ни «шапкозакидательство», ни смиренное поклонение Западу не приемлемы для России. «Не против Запада, не на поводу у Европы, а вместе с Европой должны мы идти, потому что мы сами в Европу входим и Европой являемся» (Там же: 56).

Слоним также указал на то, что нельзя игнорировать тенденции наступающей эпохи – эпохи универсализации, когда народы все более сближаются, раздвигая границы географические и культурные. В такую эпоху скифские порывы – «уже пережиток, забавный анахронизм» (Там же: 49). Критик всем молодым авторам, существующим «под хмурыми эмигрантскими небесами, вдали от родной почвы, в ненормальной и противоестественной атмосфере рассеяния и беженства» (Слоним 1929б: 118) желал – не только в творческом, но и в жизненном плане – «выйти на волю из эмигрантского литературного музея и неподвижной академии» (Там же).

Новая генерация писателей и поэтов постепенно, наравне с художественными жанрами, начала пробовать свои силы в публицистике и литературной критике. Их статьи обычно касались как проблем творчества, так и социально-политических вопросов, а также в них присутствовала, так сказать, саморефлексия – осмысление своего места в общей картине современной русской литературы. Эти попытки объективно взглянуть на самих себя со стороны часто сопровождались пессимистическими прогнозами (не зря же Владимир Варшавский, некоторое время сотрудничавший с ВР, назвал свою книгу воспоминаний «Незамеченное поколение» (1956)). Причин для пессимизма у молодых авторов было достаточно. В. Ходасевич,

например, выдвигал ряд упреков старшим коллегам. Ему казалось, что именитые писатели, несмотря на все разговоры о сохранении традиций и преемственности поколений, не прилагали должных усилий для поддержания молодежи, более того, они относились к ней «порою даже с опаской и недружелюбием, порой не без зависти, но чаще всего безразлично» (Ходасевич 1933б: 4).

Н. Берберова на заседании кружка «Зеленая лампа», отчеты о заседаниях которого публиковались в журнале «Новый корабль», высказала мысль о том, что надо на время забыть Россию. Она не отрицала, что для ее поколения изгнание, оторванность от корней – это трагедия. Молодежь продолжает творить в духе русской литературы, «жаждет единения поколений и преемственности» (Аноним 1927б: 43). Но при данных обстоятельствах, когда возвращение на родину невозможно, молодым людям для выживания требуется обратиться лицом к Европе «ради того, глубоко русского дела, которого там сейчас делать нельзя» (Там же).

Программную статью, посвященную обзору современной поэзии, опубликовал в 1931 г. в ВР Вяч. Лебедев. В ней он также затрагивал причины – близкие и для него самого – сложного положения начинающих авторов. Однако у Лебедева нашлись упреки не только в адрес предыдущего поколения. Были у него претензии и к своим ровесникам: излишне пафосное отношение к своему творчеству, уклон в эстетизм, культивирование «возвышенных обманов» и «установка на Вечность». Но эти пороки, роднившие, как ни странно, молодежь со старшим поколением сильнее, чем что-либо другое, имели у критика вполне понятное объяснение: «[м]олодые эмигрантские поэты, узнав слишком хорошо на своей собственной коже всю бренность земных благ и преходящих благополучий, по естественной реакции обратили свои взоры ко всему абсолютному и непреходящему, спасаясь тем от вечно движущегося, изменяющегося и изменяющего лика жизни» (Лебедев Вяч. 1931: 315).

Дальнейшая судьба упомянутых здесь молодых писателей, начинавших свое творчество в 20-е гг., сложилась по-разному, но приходится признать, что в большинстве случаев они так и остались на периферии литературной жизни, в то время как «академики» заняли в истории отечественной словесности вполне заслуженно ведущие позиции. Воинственный настрой со стороны критиков ВР по отношению к писателям «старшей» генерации с позиции сегодняшнего времени кажется не всегда оправданным, ведь как писал Г. Струве, тот период – 20-е и

начало 30-х гг. – был периодом расцвета литературы в эмиграции, когда «большинством старших писателей были созданы наиболее значительные, и во всяком случае самые крупные вещи» (Струве 1996: 135). В защиту Слонима и его коллег можно лишь сказать, что не одни они были всерьез озабочены состоянием дел в эмигрантской литературе. Так Д. Святополк-Мирский в газете «Евразия» отказывался признать тот факт, что за десять лет существования русской диаспоры за границей сформировалось само понятие «эмигрантская литература». Для него все созданное за эти годы – даже то, что имело высокую культурную ценность – лишь «осколки, разбросанные в разные стороны и объединённые одним отрицательным признаком: они вне когда-то объединявшего его круга» (Святополк-Мирский 1929: 6). За спорами о состоянии современной эмигрантской литературы закономерно следовали споры о путях ее дальнейшего развития. Не будет преувеличением сказать, что полемики на данную тему между заграничными русскоязычными печатными изданиями проходили в весьма жесткой, бескомпромиссной манере.

3.2 В эпицентре журнальных полемики

Русская зарубежная пресса всегда служила площадкой для широкого и свободного публичного обсуждения самых актуальных на тот момент вопросов⁴⁸. ВР, как журнал политики и культуры, принимала участие в дискуссиях по целому ряду тем, начиная от межпартийных споров и заканчивая обсуждением будущего российской словесности. Кроме того, ВР регулярно освещала состояние самой эмигрантской прессы, предоставляя на своих страницах обзоры газет и журналов любой политической или эстетической направленности. Так С. Постников в 1926 г. предпринял попытку охватить в одной статье («развернуть веером», как он выразился) всю русскую журналистику, существовавшую на тот момент, – «от монархистов-легитимистов до анархистов-безвластников» (Постников 1926б: 161). Статья эта касалась в основном журналов общественно-политического характера, но в ней также упоминались «Современные записки»: Постников одновременно и признавал заслуги редакции этого «толстого» литературного издания в деле возобновления культурной деятельности за

---

⁴⁸ Как указывает Т. Петрова, полемика между отдельными литераторами могла продолжаться в течение долгих лет, как это произошло между В. Ходасевичем и Г. Адамовичем. В течение десяти лет они вели спор, который в основном разворачивался на страницах газет «Последние новости», где печатался Адамович, и «Возрождение», где публиковался Ходасевич (Петрова 2010: 55).

рубежом, и упрекал ее за то, что в ней нет единства во мнениях, и она «не захотела придать ему [журналу] эсеровский социологически-философский облик» (Там же: 180).

М. Слоним вообще ожидал от каждого журнала «единого духа». В одном из первых своих обзоров эмигрантских изданий критик писал, что читатель должен четко осознавать, какой позиции придерживается печатный орган, так как он «не парламент мнений, а какой-то сектор политического и литературного парламента. У него всегда актуальная, насущная задача: поддерживать и закреплять тот или иной подход к миру, к людям, к их творениям» (М. С. [Слоним] 1922а: 23). Безусловно, коллектив ВР следовал данной концепции, хотя, как указывалось в предыдущих главах, некоторые материалы не соответствовали принятой в журнале идеологической платформе и даже иногда требовали дополнительного комментария со стороны редакции, дистанцирующего ее от высказанной точки зрения (в связи с этим можно вспомнить статью П. Сорокина или Е. Кузьминой-Караваевой). Кстати, то, что Слоним называл «отсутствием единого духа», Струве, например, считал «широтой фронта», которая в случае «Современных записок» «обеспечила журналу успех у читателей и репутацию не только лучшего журнала в Зарубежье, но и одного из лучших в истории всей русской журналистики» (Струве 1996: 49).

Возникновение многочисленных эмигрантских журналов и газет, а также активная издательская деятельность, развернувшаяся в начале 20-х гг. во всех главных центрах расселения русских беженцев, явилась следствием трагических обстоятельств: в силу того, что скорое возвращение на родину с каждым годом становилось все более неправдоподобным, беженцы были вынуждены обустроить жизнь на новом месте, консолидироваться, самоорганизоваться в некое подобие коллектива, «обеспечив не только физическое существование, но поддержав свои духовные интересы и сплотившись по политическим или профессиональным признакам» (Аратов Б. [Слоним] 1922: 23). Отсюда и появление большого количества печатных изданий, выражающих потребности определенного круга людей. В статье Постникова, отмеченной в начале этой главы, назывались, например, такие журналы, как «Крестьянское дело» (Берлин), «Крестьянская Украина» (Вена), «Социалистический вестник» (Берлин), «Правое дело» (Нью-Йорк), «Вестник русского монархического объединения в Баварии» (Мюнхен), «Державная Русь» (Константинополь), «Еврейская трибуна» (Париж) и мн. др. А в целом вся эмигрантская пресса, как заметил В. Лебедев, страдала «однобоким обличительством

большевиков» (Лебедев 1926б: 60). Наличие в русской зарубежной журналистике антибольшевистской риторики естественно и понятно, но Лебедев все же настаивал на том, что она не должна превалировать и превращаться в единственную функцию эмигрантской прессы, ведь в противном случае журналистика отрывается от действительности: ругая большевистское правительство и забывая про стосорокамиллионное население, которое продолжает жить и творить в России, трудно «окончательно не отчаяться и не махнуть рукой на такую пропащую страну, в которой в течении девяти лет, протекших со времени величайшего в истории революционного сдвига, ничего кроме всевозможных безобразий зарегистрировать нельзя» (Там же: 60–61). Между строк этой цитаты ясно прослеживается неизменная позиция ВР: «Повернуться лицом к России». В открытой декларации этого призыва журнал был не одинок. Можно вспомнить сборник «Смена веков», опубликованный в 1921 г. в Праге или журнал «Версты» (1926–1927) и газету «Евразия» (1928–1929), обращавшиеся к своим читателям (в контексте собственных политических установок) с аналогичным призывом⁴⁹. Известная своим непримиримым отношением к большевистской власти З. Гиппиус подобные воззвания считала ничем иным, как лозунгом «Повернуться лицом к советам», а эта дорога, как писала поэтесса, ведет не к России, а в обратную сторону, ибо «что обратнее, противоположнее, дальше друг от друга, нежели подлинная Россия – и ее сегодняшние властители? И можно ли найти Россию, идя... к советам? К России, к ее искусству, к живому духу ее – идти надо: даже не к ней, – надо идти вместе с ней. А идти вместе с Россией, сегодня, – это значит идти против разрушителей ее тела и души» (Крайний [Гиппиус] 1926: 3). Эти преисполненные эмоциями слова Гиппиус высказала, анализируя первый номер «Верст», однако, стоит напомнить, что ни «Версты», ни ВР никогда не призывали к сотрудничеству с большевиками; оба журнала в первую очередь уделяли внимание

---

⁴⁹ Сотрудники ВР отрицательно относились к «сменовеховству». В одной из статей говорилось следующее: «За „сменовехистами“ пошла не масса. За ними ринулись чисто спекулятивные элементы эмиграции. <...> В лучшем случае апологеты советской власти могут рассчитывать на то, что тяга к родной земле окажется сильнее ненависти к большевикам. <...> Эмиграция до конца должна идти своим собственным путем. В этом, а не в признании советской власти, будет ее историческая заслуга перед Россией» (Раковский 1922: 14–15). О евразийстве объемную статью написал Слоним. Оценивая два первых сборника евразийцев, критик находил в их учении позитивные моменты, напр., приятие революции, но критиковал новое движение за излишнюю религиозность, антизападничество, «поворот к Востоку»: «Догматизм убивает евразийство. <...> Почувяв силу революции, трепетно ощутив жгучие вопросы современности, горячо болтая о судьбах родины, попытались евразийцы принести благовест избавления и надежды. В этом трепете, боли и горячности – подкупающий пафос их учения. Но тяжелый груз предвзятых теорий, книжного мистицизма и церковности обессилил этот порыв и превратил интересную попытку в сектантски догматическую и безжизненную схему» (Слоним 1922ж: 20–21).

культуре Советской России, но это внимание рассматривалось оппонентами сквозь призму политики и идеологии, как это часто бывало в ту политизированную эпоху. Слоним, реагируя на нападки Гиппиус, повторил свои главные аргументы: прежняя Россия исчезла, идет процесс создания новой страны, и в этом процессе много положительного, поэтому «не со злобой и презрением, а с любовью и надеждой надо отнестись к этим благим вестям с родины» (Слоним 1926а: 97).

Как уже было показано в предыдущих главах, в вопросах развития отечественной культуры сотрудники ВР расходились со своими коллегами из других периодических изданий по ряду ключевых моментов. Первый из них касался современного положения дел, не менее остро шло и обсуждение будущего. Перспективы эмиграции оценивались крайне осторожно. Уже в 1922 г. Слоним опубликовал статью под заголовком «Кризис эмиграции». В ней он указал на «основную и жесточайшую ошибку эмигрантских верхов»: веру в то, что истинная Россия была унесена на штыках и подошвах сапог солдат Белой армии. Постепенно идея об унесенной родине перенеслась в область культуры и искусства. Эмиграция, как отмечал Слоним, «возмечтала преподавать уроки меньшей братии – русской интеллигенции, оставшейся под советским игом. Она заявила, что в России нет ничего – ни культуры, ни искусства, ни науки, ни литературы, – и что только в эмиграции сохранена Скиния Завета: в Берлине, Париже и Лондоне горит светоч русской мысли и творчества» (Слоним 1922а: 4). Подобные настроения эмигрантского сообщества постоянно критиковались в ВР, а Слоним писал, что сама вера в то, что Россия оказалась за границей, нелепа и вредна. Литераторов, которые особенно активно поддерживали эту идею, он называл «плакальщиками на похоронах России», замечаящими «только смерть, только необъятный могильный холм, безмолвно возвышающийся над великой страной» (Слоним 1924а: 53).

Позже весьма популярной, особенно в эмигрантских интеллектуальных кругах, стала фраза «Мы не в изгнании, мы в послании»⁵⁰. Постников испытывал по этому поводу большой скепсис. В его понимании брать на себя какую-либо долговременную, продуктивную и самостоятельную, то есть оторванную от родной почвы и

---

⁵⁰ По сведениям известного эмигрантского публициста В. Аллого, эти слова были сказаны З. Гиппиус еще до революции, в тот период, когда семья Мережковских в 1906 г. надолго поселилась в Париже. См. В. Аллой, Письма Николая Бердяева // *Минувшее. Исторический альманах*. – 1990. – № 9. – С. 294–325. Также эта фраза – в измененном виде – встречается в «Лирической поэме» Н. Берберовой: Я говорю: я не в изгнании, / Я не ищу земных путей. / Я не в изгнании – я в послании, / Легко мне жить среди людей (Берберова 1927: 230). В антологии «Критика русского зарубежья» именно Берберовой приписывается авторство этих слов (См. Коростелев 2002: 8).

национальных корней, культурную миссию, не представляется возможным, так как эмиграция сама по себе – это «прежде всего явление нездоровое и, во всяком случае, скорее вымирающее, а не усиливающееся и наживающее здесь силу и мощь» (Постников 1925а: 233). Реакция оппонентов на подобные высказывания была не менее резкой. В. Ходасевич полагал, что все разговоры о необходимости для творческого деятеля сохранять связь с родной почвой и корнями необоснованны; по его мнению, они ведутся не писателями и поэтами, а являются предметом спекуляций публицистов, «мало понимающих в искусстве, неосведомленных в истории и биологии словесности, к тому же явно или тайно недоброжелательных по отношению к эмиграции вообще» (Ходасевич 1933а: 3). В доказательство своего мнения Ходасевич привел примеры из истории мировой литературы, когда годы изгнания не помешали писателю создавать произведения, соответствующие национальному духу и традиции, а нередко и приносящие в национальные традиции нечто новое, инновационное (Ходасевич ссылаясь на «Божественную Комедию» Данте, литературу французской и польской эмиграции).

Среди постоянных оппонентов ВР более всего выделялись «Современные записки» (1920–1940). Споры между двумя журналами порой достигали такой остроты, что легко превращались в личную конфронтацию между участниками дискуссий. Например, стиль критических заметок З. Гиппиус о положении современной отечественной словесности Слоним охарактеризовал как «неврастенические выкрики о смерти литературы» (Слоним 1924а: 56). И. Бунина он называл «скверным критиком», пишущим о советской литературе в манере, типичной «для всей нашей литературной знати и придворной челяди» (Слоним 1926а: 87). В целом «Современные записки» для сотрудников ВР являлись «оплотом старшего писательского поколения, цитаделью, в которой оно отсиживалось от революции и старалось не замечать восходящих молодых сил» (Ал. Н. 1931: 375).

В середине 20-х гг. на страницах ВР начали появляться статьи, обвиняющие «Современные записки», как один из органов партии эсеров, в утрате веры в социалистическую демократию и в отрицании способности широких трудовых масс к государственному творчеству. Е. Сталинский даже заметил новую тенденцию в редакционной политике журнала: уклон вправо от социализма, где «по „Совр. запискам“ сосредоточена чуть ли не вся русская культура» (Сталинский 1924: 195). С. Постников, кроме правого уклона, увидел у своих парижских коллег еще одно новое

устремление – ошибочное и препятствующее выражению свободных философских мыслей, по его мнению, – к религии. Критик писал: «Мы не отрицаем наличия религиозности в народных массах и особенно в России. <...> Но вместе с тем мы будем бороться с влиянием религии на общественные и политические дела, так как последняя только путает общественные отношения и лишает политические вопросы их ясности» (Постников 1925в: 206).

Молодой писатель Николай Рейзини, выступивший в ВР с разбором одного из номеров «Современных записок», расценил политику журнала, как попытку декларировать социал-метафизическое или социал-религиозное мироощущение. Судя по всему, предположил критик, редколлегия «Современных записок» исходила из того факта, что русское общество после всех политических разочарований и социальных потрясений, испытывала недоверие ко всякого рода политической и общественной деятельности, а потому сотрудники журнала решили «оправдать эту деятельность свыше»: «они надувают Бога, наряжая и гримируя Его под интеллигента, не мало высидевшего на скамьях политических школ и не раз, видимо, пострадавшего за „инакомыслие“» (Рейзини 1929: 107).

В критике самого авторитетного в эмиграции литературного журнала у ВР нашелся неожиданный союзник в лице еще одного парижского издания – евразийского журнала «Версты». Не трудно установить основы, на которых этот «альянс» мог базироваться. Редакция «Верст» была критически настроена ко всему эмигрантскому сообществу и относилась к его культурному потенциалу весьма скептически, а кроме того, журнал, подобно ВР, советскую литературу ставил выше эмигрантской. Главный редактор «Верст» Д. Святополк-Мирский особенно нетерпим был к «Современным запискам», хотя и не отказывался сотрудничать с этим журналом. Претензии, выдвигаемые критиком в адрес «Современных записок», были всё те же: консерватизм в области эстетических предпочтений, ориентация на авторов старой формации, чуждых новым веяниям в искусстве, отказ сотрудничать с молодыми и малоизвестными писателями. Любопытным было объяснение Святополк-Мирского истоков консерватизма «Современных записок». Критик считал, что всё, оставшееся от русской интеллигенции после большевистской революции, свержения Временного правительства и рухнувших надежд на демократические изменения в стране «оказалось на эсерском плоту» (Святополк-Мирский 1926в: 206). В эмиграции эсеры и примкнувшие к ним представители интеллигентских кругов взяли на себя миссию по

сохранению национальных культурных ценностей, что поставило их в позицию поборников всего старого, не соответствующего современности. «Роль эта у них приняла по необходимости своеобразные формы: они консерваторы неосуществленных идеалов, консерваторы того, что само никогда не имело вещественного бытия, консерваторы революционного порыва, вдруг застывшего движения» (Там же).

Общность позиций по некоторым вопросам не мешала «Верстам» и ВР выдвинуть друг другу ряд требований. Святополк-Мирский, хотя и отзывался о ВР как о самом живом из эмигрантских журналов и одобрял его интерес к советской литературе, вместе с тем упрекал его за «довольно скудный» раздел критики и не признавал наличия у журнала единого «литературного ядра» (Там же: 210). Слоним в свою очередь защищал «Версты» в его праве печатать советских авторов, но содержание журнала считал эклектическим и называл его «окрошкой из евразийства, умеряемого разумом, приправленного неопределенной левизной и сдобренного эстетизмом» (Слоним 1926а: 103).

Консерватизм, в котором обвиняли ВР и «Версты» журнал «Современные записки» не был таким однозначным. Как указывалось ранее, он возник по инициативе членов партии эсеров, но редакция журнала принципиально отказалась придерживаться одного идеологического направления, что правильнее было бы воспринимать как достоинство, а не как недостаток издания с литературно-художественным содержанием. Можно легко предположить, что отстраненность от конкретной партийной линии и послужила причиной, по которой журнал приобрел популярность у широкой читательской аудитории⁵¹. Кроме того, желание редакции выйти за рамки одной идеологии не согласуется с мнением о нем, как о консервативном органе. С журналом сотрудничали философы, публицисты, литераторы самых различных взглядов и убеждений: А. Бем, Г. Флоровский, Г. Федотов, С. Гессен, А. Кизеветтер, В. Зеньковский, П. Бицилли и мн. др. Состав авторов, чьи произведения печатались в разделе художественной литературы, был не менее разнообразным. И, например,

---

⁵¹ Цели и задачи «Современных записок» наглядно были представлены в редакционной статье, открывающей первый номер журнала (1920): «Нашему журналу суждено выходить в особо тяжелых для русской общественности условиях: в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действительного служения ему. <...> «Современные Записки» открывают поэтому широко свои страницы, – устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, – для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры. Редакция полагает, что границы свободы суждения авторов должны быть особенно широки теперь, когда нет ни одной идеологии, которая нуждалась бы в критической проверке при свете совершающихся грозных мировых событий» (Аноним 1920: [1]). Полный текст см. Приложение 2.

стихотворения Цветаевой появлялись в «Современных записках», начиная с их первого номера (из семидесяти номеров журнала, вышедших с 1920 по 1940 г., в тридцати шести можно встретить сочинения Цветаевой, что слегка расходится со словами Слонима о том, что поэтессе не слишком жаловала «консервативная» эмигрантская пресса).

Слоним и его коллеги совершенно обходили вниманием то обстоятельство, что некоторые сотрудники «Современных записок» не только не оспаривали утверждения авторов ВР, но и были по некоторым вопросам с ними солидарны. Так Ф. Степун в одной из своих статей отзывался о писателях старшей генерации, как о «замкнутых скульптурах в нише собственного прошлого», а по поводу всей эмигрантской литературной среды он писал, что при всех очевидных заслугах отдельных литераторов русского зарубежья, главным остается тот факт, что «россыпь писателей не делает еще литературы, что литература жива только там, где писатели не рассыпаны, а собраны; где они, как льдины половодья, стучаясь друг о друга, громоздясь, обгоняя и мешая друг другу, струят свое вдохновение в широкое русло национальной жизни» (Степун 1925: 358).

Еще более категоричным в оценках был Михаил Осоргин. В тех же «Современных записках» он почти повторял мысли Слонима: «При полном уважении к литературным именам эмиграции, приходится признать, что за весь период беженства наши здешние писатели общего уровня русской литературы не повысили и новых, выше прежней ценности, вкладов в ее сокровищницу не сделали. И по литературной форме, и по внутренней значительности, написанное здесь „старым“ поколением писателей в лучшем случае не превышает написанного ими до революции в России» (Осоргин 1924: 429).

Что касается других эмигрантских изданий литературного направления, то им также уделялось большое внимание со стороны критиков ВР, хотя и не в той мере, как «Современным запискам», и, что характерно, опять же в большинстве случаев речь шла об указании на недостатки и ошибочность редакционной политики. В. Тукалевский в 1924 г. сделал обзор литературно-художественных журналов «Окно» (Париж, 1923) и «Беседа» (Берлин, 1923–1925). «Окно» просуществовало недолго и являлось, по составу авторов, копией «Современных Записок»: в нем печатались произведения Бунина, Бальмонта, Гиппиус, Куприна, Шмелёва и т. п., поэтому Тукалевский с иронией заметил, что это окно «завешено толстой материей, из которой пледы делают.

И там, за этой занавеской сидят они все и рассказывают сны и сновидения» (Тукалевский 1924а: 246).

«Беседа» была организована при участии Максима Горького в период его пребывания за границей. Журнал мыслился как аполитичный орган, посвященный литературе и гуманитарным наукам. В нем печатались советские и эмигрантские писатели, а также переводы художественных и научных работ европейских авторов. Именно состав авторов вызвал у Тукалевского главные претензии к «Беседе». С одной стороны, критика порадовало стремление редакции приобщить читателей к западным новинкам, делать упор не на «закат» культуры, а на ее достижения, но, с другой стороны, его не устроило большое количество переводного материала. Подобный упрек кажется немного странным, учитывая открытую политику редакции ВР в этом отношении, однако Тукалевский в своем обзоре обрушился на «Беседу» с вопросами: «Неужели среди русских ученых и профессоров не нашлось людей, которые могли бы написать по тем же научным вопросам? ...а где же Россия? Разве „Беседа“, при всей интимности этого слова или названия, не русское и не эмигрантское издание?» (Там же: 247).

Приятным дополнением к ВР и «Современным запискам», по словам Н. Мельниковой-Папоушковой, стал издававшийся в Брюсселе журнал «Благонамеренный» (1926). Этот журнал был нацелен исключительно на беллетристику и литературную критику (в редакционной статье 1-го номера был выдвинут тезис: «Жизнь – это литература»). Кроме того, редакция намеривалась тесно сотрудничать с новыми, подающими надежды авторами, но, например, лирика молодых поэтов не вызвала у критика особых восторгов: все, что содержалось в 1-м номере являлось «перепевами не только символизма, но и символических стихов А. Блока» (Мельникова 1926а: 201). В обзоре 2-го номера этого журнала Мельникова-Папоушкова отметила прозу молодых писателей – повесть Дмитрия Соболева «Москва» и рассказ Сергея Эфрона «Тыл», но в основном страницы журнала занимали произведения более именитых авторов: Бунина, Цветаевой, Ремизова и др. Еще в большей степени удручало решение редакции сохранить старую орфографию. Мельникова-Папоушкова искренне недоумевала по поводу этой идеи и задавалась вопросом: неужели это «делается ради соблюдения старорежимной традиции, ради

того, чтобы печатались Бунин и З. Гиппиус?» (Там же). Для Мельниковой-Папоушковой старая орфография в те годы уже была символом культурного застоя⁵².

Не слишком благоприятных отзывов удостоились от сотрудников ВР парижские журналы «Новый дом» (1926–1927) и «Новый корабль» (1927–1928). Первый, по мнению Бронислава Сосинского, допускал в своих критических статьях преднамеренные неточности и откровенную ложь по отношению к произведениям некоторых авторов (например, Ремизова и Цветаевой). «Новый дом» принял на вооружение тактику последних лет: после раскола русской литературы на две ветви – советскую и эмигрантскую, – обе стороны пустились во взаимное обличительство и уничтожение, «взяв своим благородным щитом политику, факты и фактики друг о друге и иногда в своих разоблачениях выходили далеко за пределы и литературы, и литературности» (Сосинский 1926: 187). Кстати, «Новый дом» тоже не обошел вниманием ВР и личность ее главного литературного редактора. Рецензируя 8-й номер журнала за 1926 г., Всеволод Фохт особенно подробно остановился на оценках Слонима советских и эмигрантских писателей. Фохт категорически не согласился с тем утверждением, что за рубежом не развиваются творческие силы. Критик отчасти согласился со Слонимом по поводу того, что в Советской России появилось много талантливых авторов, но несвободные условия в стране, по мнению Фохта, создают известные трудности для литераторов, а кроме того, все деятели культуры в СССР слишком зависят от политики, «а потому признание и популяризация советской литературы, как таковой, является прежде всего систематическим восхвалением режима, губительного именно в культурном отношении» (Фохт 1926: 38).

«Новый корабль» по своему содержанию и направлению напомнил Н. Мардвинову журналы дореволюционных эстетствующих кругов, в частности «[б]лаженной памяти декадентский „Апполон“» (Мардвинов 1927: 294). В журнале чувствовалось идейное влияние Мережковского и Гиппиус (не даром «Новый корабль» печатал стенографические отчеты о заседаниях кружка «Зеленая лампа», проводившихся в парижском доме Мережковских), хотя в состав редакции их имена не были включены.

---

⁵² Вокруг старой орфографии в среде русской эмиграции долгое время велись ожесточенные споры. Бунин и Гиппиус принципиально отказывались читать тексты, написанные по новым правилам, или сотрудничать с журналами, принявшими большевистскую реформу языка 1918 г. Новые правила стали для некоторых литераторов лишним поводом игнорировать советскую литературу и рассуждать о необходимости сохранения традиций. Как писал Слоним, «явись сейчас Пушкин в России, не читали бы его белградские профессора и парижские академики – потому что печатался бы он по новой орфографии» (Слоним 1926а: 89).

Более положительно критики ВР встретили появление в 1930 г. журнала «Числа» (Париж, 1930–1934). Слонима привлекла в нем не только «ставка» на молодежь, но и обширный отдел беллетристики, отсутствие политики, внимание ко всем видам искусства – к театру, живописи, кинематографу. Правда, критик указал и на недостатки журнала: отсутствие у редакции четкого литературного мировоззрения и единства, слабый отдел рецензий, а главное – компромиссность в вопросе подбора авторов. Обещая читателям знакомство с новыми молодыми авторами, редакция «Чисел» на деле напечатала стихи Гиппиус, «упорно стоящей на позициях, которые новыми могли почитаться лет тридцать или сорок тому назад» (М. Сл. [Слоним] 1930а: 301).

Негативное отношение сотрудников ВР к «толстым» литературным журналам и их пессимизм по поводу перспектив современной эмигрантской литературы имели своим продолжением споры вокруг положения дел в эмигрантской литературной критике. Сейчас – через сто лет после описываемых событий – критическое наследие русской эмиграции кажется разнообразным, ценным и внушительным. Но на страницах ВР и по этой теме можно найти лишь неодобрительные комментарии и строгие оценки. Мельникова-Папоушкова считала, что в эмиграции вообще нет серьезной критики, а есть только «частное мнение»: эмигрантская художественная литература «страдает провинциализмом, а критика, как явление более точное, вследствие недостатка знаний впала в дилетантизм» (Мельникова 1926б: 195).

Постников связывал неблагоприятное положение эмигрантской критики, как это не странно может показаться, с отсутствием свободы: ни свободы в политическом смысле этого слова, а боязни высказать независимое мнение из-за коллективной солидарности. Тесные контакты внутри диаспоры заставляли каждого критика задуматься, не вызовут ли его строгие суждения неприятности, не лишат ли они в будущем собрата-эмигранта заработка и новых возможностей. «И даже больше можно сказать: в отношении вывезенной нами за границу культуры, условия эмигрантской жизни понижают уровень этой культуры, а не развивают ее. Причиной этому служит не степень талантливости носителей этой культуры – эмигрантских артистов, писателей, художников и др. – а наша вынужденная благожелательность ко всему тому, что выносятся на сцену, выставку или книжный рынок нашими же соотечественниками-беженцами» (Постников 1925а: 232).

Слоним видел еще несколько причин, из-за которых эмигрантская критика находилась не на должном, на его взгляд, уровне. Первая причина – это наличие

определенного привилегированного круга деятелей культуры, о которых писать можно «только в форме почтительного восхищения, выискивая украшающие эпитеты и восклицания» (Слоним 1928б: 59). Вторая – состояла в том, что обычным приемом для эмигрантской критики был «заговор молчания» по отношению к писателям, оказавшимся в положении одиночек. Если же какой-нибудь деятель культуры начинал проявлять интерес к советскому искусству, то ему присваивалось позорное клеймо «полу-большевик», и он подвергался всеобщей обструкции. В-третьих, как считал Слоним, раз в эмиграции нет перспектив для развития литературы, то нет и условий для развития критики. А корень всех этих причин для него заключался в самообольщении эмигрантской интеллигенции по поводу своей культурной миссии и потере «сознания единства русского искусства как целого» (Там же: 61).

Советская критика также не внушала сотрудникам ВР больших надежд. Б. Сосинский в статье «О читателе, критике и поэте» рассматривал процессы, происходящие в отечественной словесности, без привязки их к географии или политики. Его, как молодого поэта, сильнее всего волновали вопросы взаимоотношений писателя с читателем и писателя с критиком. Если современные читатели все реже заходили в книжный магазин, то критики просто остались «без руля и без ветрил». Для XIX века «корабельным лотом, пусть не точным, зачастую ошибочным и не глубоким» был В. Белинский (Сосинский 1928: 60). После революции о себе заявили формалисты, но в понимании Сосинского, они, конечно, внесли большой вклад в филологию, теорию стиха и пр., но «критике от этого стало не легче, а может быть, еще труднее» (Там же). Таким образом, русская литература, потеряв и читателя, и критика, оказалась брошенной на произвол судьбы.

Естественно, Слоним и его коллеги в ВР не были единственными, кого волновало состояние эмигрантской критики. Тот же Слоним в своем «Литературном дневнике», опубликованном в седьмом номере ВР за 1928 г., выделил несколько направлений, которые сформировались в ходе полемик по этим темам между русскоязычными изданиями. Так, например, Ходасевич сводил проблему к низкому культурному уровню и отсутствию профессионализма в критическом ремесле. Аналогичного мнения придерживалась и Гиппиус, говоря, что статьи даже самых способных критиков «поражают своим ничтожеством» (Крайний [Гиппиус] 1930: 148). Одна часть публицистов вообще не видела в эмигрантской среде достойных критиков (помимо двух-трех имен), другая – склонялась к идее полностью отказаться от

оценочных суждений и указывала на то, что и французская критика пребывает после войны в состоянии кризиса, как и вся сфера культуры в целом.

Не все эмигрантские литераторы соглашались с подобными пессимистическими взглядами на современную культуру. Когда журнал «Числа» в 1930 г. обратился к писателям и критикам с просьбой высказать свое мнение о том, переживает ли русская литература в настоящее время период упадка, то М. Алданов, И. Бунин, В. Вейдле, П. Пильский ответили на поставленный вопрос отрицательно. Бунин, например, вопреки устоявшемуся мнению о нем как о консерваторе, заявил: «Из видных писателей, как зарубежных, так и „советских“, ни один, кажется, не утратил своего таланта, – напротив, почти все окрепли, выросли. А кроме того, здесь, за рубежом, появилось и несколько новых талантов, бесспорных по своим художественным качествам и весьма интересных в смысле влияния на них современности» (Аноним 1930в: 318). Слоним, отвечая на вопросы анкеты, охарактеризовал последнее десятилетие в русской литературе, как период близкого подъема, связав обновление литературы с произошедшей революцией⁵³, правда, это обновление у него ассоциировалось скорее с советскими писателями, чем с эмигрантскими. Впрочем, и его рецепт по спасению эмигрантской критики касался сближения в культурном плане с Советской Россией. В «Литературном дневнике» 1928 г. он писал, что эмиграция все эти годы тешила себя обольщениями и самолюбованиями, не понимая ненормальности, мнимости своего существования. Выход из ситуации Слоним видел только в одном: «в преодолении этой провинциальной эмигрантской гордыни, в отказе от иллюзий мнимой державности, от противоположений „нас“ и „их“, в сознании своей общности и единства с русской литературой не как с абстрактным понятием, а как с совершенно реальной и конкретной современной действительностью» (Слоним 1928б: 65).

И опять же Слоним был не одинок в своем отказе делить отечественную литературу на два лагеря. Альфред Бем, сотрудничавший с ВР непродолжительное время, также видел русскую литературу единым целым и называл ее деление на две ветви «бессмысленным». В 1925 г. в журнале «Своими путями» он высказался по этому вопросу довольно трезво: «Пора бросить перекидывание взаимными отрицаниями. <...> Да, фактически литература живет и развивается в России; если бы она жила и

---

⁵³ В 1922 г. Слоним писал прямо противоположное: «...смена школ в чисто эстетическом смысле этого слова, искание новых изобразительных приемов, характер того или иного преобразования действительности в призме творчества – не соответствуют, не находятся в прямой и причинной зависимости от эволюций или революций, происходящих в мире социально-политическом» (Слоним 1922г: 10).

развивалась только за ее пределами, то не было бы и России вообще. Приходить в восторг, и только от того, что „литература в России есть“, не приходится. Утверждать, что в эмиграции литературы нет – противоречит очевидности» (Бем 1925: 22).

Часть эмиграции придерживалась противоположной точки зрения. А если же коротко обрисовать весь спектр взглядов по вопросу о двух ветвях русской литературы, то он располагался между двумя крайностями, одну из которых отстаивала ВР в лице своего главного литературного критика и других сотрудников. Позиция Слонима заключалась в том, что вопреки «обездушенной» атмосфере произвола и издевательств, «ценою огромных усилий и героического напряжения – в России не прекращается литературная работа» (Слоним 1925б: 174); зарубежной России в этом смысле нечем гордиться – «не только не родились в эмиграции новые писатели, но и старые захирели» (Слоним 1924а: 59), а потому все надежды на обновление русской культуры предлагалось связывать исключительно с советским искусством: только на родине зарождаются новые литературные стили, направления, школы, и необходимо отказаться от предвзятости и «повернуться лицом к России».

Другая точка зрения была полной противоположностью первой: в эмиграции оказались все лучшие представители русской культуры, а к тому же при тоталитарном советском режиме а priori не может возникнуть ничего, что имело бы подлинную культурную ценность. Странниками этой идеи можно считать круг литераторов, близких к таким периодическим изданиям как «Современные записки», «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, Париж, 1921–1927), «Новый дом» (Париж, 1926–1927), «Дни» (Берлин, Париж, 1922–1933), «Возрождение» (Париж, 1925–1940), «Грядущая Россия» (Париж, 1920) и др. Однажды Бунин на собрании, посвященном миссии русской эмиграции, дал резкую отповедь тем ораторам, которые призывали прислушаться к голосу России. Писатель сказал: «...мы очень прислушиваемся и – ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи» (Бунин 1998: 153–154).

Особенно непреклонной в отношении ко всему советскому была З. Гиппиус. Она обвиняла большевиков в том, что они, изгнав из страны видных писателей и философов, «принялись за коренное очищение ее и от всего русского литературного наследия... и вообще от литературы, от всего, что имеет отношение к культуре духа» (Крайний [Гиппиус] 1924а: 126). Однако, надо отметить, что и ее позиция не была такой однозначной. В другой своей статье Гиппиус писала: «Но я не хочу

преувеличивать. Я ни минуты не сомневаюсь, что Россия не погибла, не погибла и русская литература» (Крайний [Гиппиус] 1924б: 241), а далее она перечислила «самородков», продолжающих на тот момент жить и творить в стране Советов: это А. Ахматова, Ф. Сологуб, Е. Замятин, М. Пришвин, С. Сергеев-Ценский.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что ВР была естественным образом вписана в жизнь эмигрантского сообщества и внесла свой вклад в развитие зарубежной русскоязычной прессы. Несмотря на некоторые противоречия в высказываниях критиков ВР и их склонность к воинственному, бескомпромиссному стилю ведения дискуссий, в их деятельности можно найти много положительных моментов. Указывая на кризисное состояние эмигрантской литературы, они все же были далеки от эсхатологических настроений и предлагали конкретные шаги для ее дальнейшего развития. Активная позиция Слонима и его коллег не ограничивалась лишь публикациями в ВР и ведением дискуссий с оппонентами. Многие сотрудники журнала принимали участие в различных организациях⁵⁴, вели семинары, читали лекции, писали книги и т. п. К заслугам редакции ВР можно отнести и то, что она на протяжении десяти лет освещала – и весьма подробно – процессы, происходившие в те годы в советской литературе.

---

⁵⁴ Например, М. Слоним организовал и долгие годы руководил литературным объединением «Кочевье» (Париж, 1928–1939). О. Коростелев называет Слонима в числе четырех эмигрантских критиков (наравне с Г. Адамовичем, В. Ходасевичем и А. Бемом), которые стали лидерами литературных объединений и оказали значительное воздействие на литературу русского зарубежья (См. Коростелев 2002: 12).

4. «Повернуться лицом к России»: рецепция советской литературы в материалах «Воли России»

4.1 Освещение внутрилитературных дискуссий

Критическая рецепция советской литературы представлена на страницах ВР огромным количеством рецензий, статей, аналитических заметок, аннотаций к новым произведениям и т. п. Помимо этого редакция журнала была вовлечена, хотя и заочно, в обсуждение проблем литературного характера, происходящее в то время в советской печати. Некоторые проблемы волновали оба лагеря – и эмигрантских критиков, и советских. В одной из статей ВР в 1923 г. была разобрана статья критика Николая Чужака, опубликованная в московской газете «Известия». Недостатком современной советской литературы Чужак считал ориентацию на образцы 1907–1909 гг., то есть подобно критикам ВР упрекал писателей в следовании устаревшим приемам. Следующая претензия Чужака касалась изображения недавних революционных событий. Большевизм у отдельных авторов представал «нелепым и диким, Советская Россия – грязной, тупой и вшивой, деревенско-революционный быт – преступным и кошмарным, а советские деятели – если не „примазавшимися“, то Иванушками-дурачками, которых водят за нос какая-нибудь спекулянтская дама или смазливая советская барышня» (Т. 1923а: 105). И тут возникал вопрос: как судить современную литературу – исходя из государственных интересов или художественных достоинств текста?

В последующие годы эти проблемы только усилились. В 1928 г. В. Архангельский сделал обзор работ советских критиков и указал на то, что после романтизма героического периода революции и Гражданской войны, в условиях НЭПа, на страницах книг «вновь ожило Пошехонье, городок Окуров и Растеряева улица с невежеством, дикостью, оторванностью от культурных центров, однотонностью жизни и поднимающим голову мещанством» (Архангельский 1928: 159–160). Такое изображение действительности заставило критика Александра Воронского обратиться к писателям с требованием: «побольше героического»⁵⁵. Но чуждость, уныние, безверие и разочарование, «своеобразный холодок» были присущи, по словам

---

⁵⁵ Отсылка на статью А. Воронского «О том, чего у нас нет», вошедшую в сборник «Литературные записи» (1926), который Архангельский в своей статье ошибочно называет «Литературные записки».

Леопольда Авербаха⁵⁶, лишь мелкобуржуазным авторам: они «не разобрались, еще на распутье, еще не знают, во что верить» (Там же: 161). Подобных сомнений нет у пролетарских писателей, «идеологически твердо знающих, чего они хотят» (Там же).

Советские деятели культуры и искусства в 20-е гг. не представляли собой единой, монолитной массы, бок о бок функционировали многочисленные литературные группы и течения, между которыми имелись идеологические и эстетические разногласия. Эту ситуацию прекрасно понимали сотрудники ВР и по мере сил старались знакомить своих читателей с основными тенденциями в развитии литературы советской России. Если взять, например, номера журнала за 1922 г., то можно узнать, какие изменения произошли в стране после введения НЭПа и перехода экономики на рыночные отношения, и как это влияло на культуру и искусство⁵⁷.

Несомненным успехом возрождения частного предпринимательства было возникновение многочисленных книжных издательств (в столице было «зарегистрировано только за самое последнее время более 140 частных издательств» (Аноним 1922д: 21)), выпуск новых книг, увеличение количества газет и журналов, публикация неугодных властям авторов. Так в Петрограде были изданы два сборника расстрелянного большевиками Н. Гумилева – «Фарфоровый павильон» и «Мик. Африканская поэма» (оба 1918), а в журнале «Искусство старое и новое» была напечатана статья эмигрантки З. Гиппиус «Театр и народ», в которой она доказывала, что «народный театр – лучший театр и что он отнюдь не приспособлен ко вкусам и понятию массы» (Аноним 1922б: 23), что ВР назвала «замаскированным ответом на большевистскую теорию и практику театра» (Там же). Как оптимистично писал журнал в марте 1922 г., «все стало на новые рельсы. Правда, жить литературой все еще нельзя. Но для всех ясно, что это явление временное, преходящее. <...> Русская литература воскресает, как из мертвых, после трехлетнего летаргического сна. Нам, писателям, этот факт представляется не менее важным, нежели возрождение промышленности» (Аноним 1922г: 22).

---

⁵⁶ Архангельский здесь цитирует книгу Л. Авербаха «Наши литературные разногласия» (1927).

⁵⁷ Изменения, которые принес НЭП, чувствовались и в эмиграции. Напр., говоря об издательской деятельности за границей, П. Милославский отмечал, «то обстоятельство, что зарубежный русский рынок, почти исключительно живший в первые годы своим собственным потреблением, в последние два года все более и более сокращается и, естественно, встает вопрос о возможностях и необходимости использования сбыта книги в Советской России» (Милославский 1925: 241). В этой статье пражское издательство «Пламя» было названо самым продуктивным по количеству книг, выпущенных в 1924 г.

Вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, в которых пришлось выживать русской литературе в первые 10 – 15 лет советской власти, несомненно, это был интересный период, когда организовывались всевозможные союзы и художественные группы, зарождались новые стили, новая эстетика, велись полемики на литературные темы и т. п. Нельзя сказать, что это многообразие явилось следствием социально-политических изменений, произошедших в стране. «Те искания, под знаком которых прошли последние годы, родились не после, а до революции. Революция могла лишь усилить, ослабить или исказить их» (Слоним 1922г: 11). Такие направления в русском искусстве, как футуризм, акмеизм, имажинизм, супрематизм и др., пережили свой расцвет задолго до октября 1917 г. или, как в случае имажинизма, делали «первые шаги в кружках петербургских и московских поэтов в 1914–16 годах» (Там же). Но, как бы то ни было, большевики насильственным образом вмешались в судьбу русской литературы и, создав подконтрольный себе Союз писателей, существенно переменили ее облик (вынужденная эмиграция части интеллектуальной элиты также повлияла на естественный ход литературных процессов в России). Некоторые большевистские деятели сами фигурировали в литературной жизни 20-х гг., писали критические работы, активно участвовали в борьбе группировок и в бурных полемиках между ними.

Довольно часто на страницах ВР появлялись анализы статей Л. Троцкого, а одна из них – «Искусство революции» (1923) – была даже названа талантливой.⁵⁸ В начале 20-х гг. этот большевистский деятель высказывался по поводу места искусства в историческом процессе, необходимости возвращения к традициям реалистической школы, писал о движении пролетарских писателей (позже, как упоминалось в гл. 1, он отказался от идеи создания принципиально новой, пролетарской культуры), выступал против футуристов и формалистов, призывал бороться с «вековым бытом». Последняя тема была им затронута в книге «Вопросы быта» (1923), которая стала предметом обсуждения на страницах ВР. Критик, скрывший свое имя за инициалом Т., приводит рецепт Троцкого для борьбы с вековым укладом русской жизни. Этот рецепт напрямую касался литературы: «надо создать нового писателя, который бы отражал действительную, реальную жизнь. Не Пильняки и Серапионы и прочие „попутчики революции“ нужны, а тем более не те, которые выволакивают темы „из выгребных ям

---

⁵⁸ «Троцкий... написал интересную статью об искусстве революции. <...> Он верно пишет: „Искусства революции еще нет, но есть элементы этого искусства“. Тем более, что для искусства социалистического еще не создана даже база. Несомненно, по поводу основных мнений талантливой статьи Троцкого будут спорить» (Т. 1923в: 84–85).

революции“. Нет, нужны настоящие писатели, которые показали бы настоящую жизнь, как она есть, жизнь реальную, а не выдуманную и сочиненную. Нужен реализм» (Т. 1923б: 89).

Упоминаемые Троцким Б. Пильняк, «Серапионовы братья» и «попутчики» были теми писателями, чье творчество ярко проявилось в 20-е гг. Тогда же стали организовываться союзы, объединяющие авторов, так сказать, пролетарского происхождения. Наиболее активной и непримиримой к своим оппонентам была Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Идеино она была связана с такими организациями как Пролеткульт, «Кузница», «Октябрь», МАПП, ВАПП и т. п. «Это – левые. Больше занимаются политикой и пропагандой „литературных“ идей на фабриках Москвы, чем литературой» (Т. 1923в: 87). Печатным органом «рапповцев» был журнал «На посту» (с 1926 г. выходявший под названием «На литературном посту»), прославившийся агрессивной манерой ведения полемик, враждебностью к «непролетарскому» творчеству, резкостью оценок. Обзор этого журнала сделал А. Леонидов. В частности, он остановился на нападках «напостовцев» в адрес Пильняка и привел слова критика Якова Лерса⁵⁹, который охарактеризовал творчество писателя, как «зарождение художественной идеологии новой буржуазии» и предупредил, что «если Пильняк не изменит подхода к жизни..., если он не подчинится тенденциям социалистического роста, – он обречен» (Леонидов 1927б: 183). В общем, пришел к выводу Леонидов, весь журнал «На посту» «выдержан все в тех же „ура-патриотических“, т. е. „ура-пролетарских“ тонах» (Там же).

Родственным по духу «напостовцем» был журнал «Звезда», и в нем «господствовали Вардинские⁶⁰ настроения, т. е. презрение к попутчикам, требование „диктатуры“ над литературой и стремление к своеобразному литературному „протекционизму“ по отношению к пролетарским писателям» (М. Сл. [Слоним] 1927а: 178).

---

⁵⁹ Псевдоним советского литературоведа Я. Шапирштейна (Масанов 1957: 118).

⁶⁰ Илья Вардин (настоящая фамилия Мгеладзе) – советский критик и публицист. «Один из основателей журнала „На посту“, активный деятель РАПП. <...> Для критических выступлений В<ардина> характерно восприятие лит<ерату>ры как разновидности публицистики, отрицание роли классич<еского> наследия, нигилистич<еское> отношение к „попутчикам“» (КЛЭ 1978: 175–176).

После появления резолюции «О политике партии в области художественной литературы»⁶¹ в рапповском движении произошли определенные перемены. В резолюции, помимо прочего, говорилось о том, что гегемонии пролетарских писателей так и не случилось, и что писатели должны еще заслужить себе историческое право на эту гегемонию, естественно, под руководством партии. Предлагалось быть терпимее к «попутчикам» и другим «промежуточным идеологическим формам», отказаться от легкомысленного и пренебрежительного отношения к старому культурному наследству, бороться против комчванства, изгнать из обихода коммунистической критики тон «литературной команды». Новый курс подвиг «Звезду» обратить внимание на произведения К. Федина, И. Бабеля, Ю. Тынянова и др., но идеология по-прежнему стояла у «рапповцев» на первом месте. Не отказались они и от идеи надзора и управления литературным процессом, а потому в их печатных изданиях продолжалась проработка «буржуазных влияний» в литературе, «политических заблуждений», упадничества (упаднической, например, считалась поэзия С. Есенина).

Подводя итоги первого десятилетия развития советской литературы, Слоним заметил, что говорить о каких-либо художественных достижениях писателей, относящихся к РАППу и другим подобным организациям, не приходится, так как никакие пролетарские ассоциации «не взрастили никаких цветов в коммунистических оранжереях. Теперь можно определенно сказать, что диктатура над литературой кончилась таким же крахом, что и военный коммунизм. Никакой особой пролетарской литературы, не только что в виде нового явления культуры, но даже свежего направления в искусстве, советская власть создать не сумела» (Слоним 1927б: 65).

Идейным оппонентом «рапповцев» было объединение «Перевал», возникшее вокруг журнала «Красная новь», редактором которого был А. Воронский. В разные годы в объединение входили И. Катаев, М. Пришвин, А. Платонов, Э. Багрицкий и многие другие. Основной задачей «перевальцев» являлось сохранение свободы в творчестве, искренность, гуманизм, продолжение традиций. «Teoretici Perevalu pak logicky dospěli k pojmenování své koncepce jako *neorealismus* a tak vyjádřili pokračování obecných principů v nových dobových okolnostech a podmínkách» (Hrala 2007: 534).

Номера журнала «Красная новь» регулярно освещались в ВР. Именно там печатались наиболее талантливые произведения советских авторов, о которых пойдет

---

⁶¹ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» было опубликовано в газете «Правда» 18 июня 1925 г.

речь в следующих подглавах. Интерес у эмигрантов вызывала и деятельность Воронского как литературного критика.

Александр Воронский был убежденным большевиком, но это не мешало ему относиться к искусству не как к орудию в политической борьбе, а как к самостоятельной области общественной жизни, и поэтому он пропускал в печать произведения беспартийных «попутчиков», исходя лишь из эстетических соображений, за что и был объявлен «напостовцами» «белогвардейцем и литературным меньшевиком, соглашателем со старой литературой, изменником и проч.» (Т. 1923г: 86). Критики ВР видели в противостоянии Воронского журналу «На посту» положительный момент, ожидая, что путь, по которому шел Воронский, принесет известные плоды. Однако уже в 1927 г. главный редактор «Красной нови» будет смещен со своего поста, а впоследствии репрессирован. Видимо, не простили ему поддержку Троцкого в отказе от идеи создания новой, пролетарской литературы и тоску «по большим всечеловеческим идеалам нашего века» (Архангельский 1928: 164). В советской печати, наравне с бранным словом «троцкизм», надолго обосновались такие эпитеты с отрицательной коннотацией, как «идеализм Воронского», «гуманизм и эстетство „Перевала“».

Соратники Воронского после его отстранения от литературной жизни продолжали двигаться прежним курсом. Но все чаще «Перевал» назывался «реакционнейшей литературной группой», «непогребенными мертвецами», а их платформа – оппортунистической. Итог был очевиден. «Нет сомнения, что в самое ближайшее время „Перевал“ будет окончательно разгромлен» (Слоним 1930в: 829), провидчески написал М. Слоним в 1930 г. (эта участь после образования Союза писателей СССР постигла все литературные объединения).

«Красная новь» просуществовала значительно дольше – до осени 1941 г., но качество публикаций при новом руководстве заметно снизилось. «Давно уже не приходилось читать таких скучных и пустых номеров „Красной нови“, как летние выпуски журнала [1929 г.]», констатировал Слоним и пояснял: «ухудшение „Красной нови“ следует приписать тому, что с некоторых пор в ней с удвоенной ревностью проводится курс на „коммунистическую литературу“. Новые редактора решили изгнать из журнала „соглашательский дух“ ее прежнего руководителя Воронского» (М. Сл. [Слоним] 1929б: 188).

Представители футуризма и авангардизма во главе с Владимиром Маяковским создали в 1922 г. свое творческое объединение ЛЕФ – «Левый фронт искусств», которое играло в те годы существенную роль в культурной жизни страны. «Лефовцы» продолжили начатую футуристами еще до революции концепцию искусства как «жизнестроительства», актуализированную в новых условиях. Неслучайно поэтому на ранних этапах строительства советского государства между властью и авангардистами возник, по выражению Бориса Гройса, «единый художественно-политическо-космологический проект преобразования мира» (Гройс 1990: 69).

Статьи о деятельности ЛЕФа не так часто появлялись на страницах журнала (исключение составляет творчество В. Маяковского, о чем пойдет речь в подглаве 4.3), а если и появлялись, то тон их зачастую был горько-ироническим или едко-насмешливым. Вот пример одного из высказываний Слонима: «У лефовцев – творческая пустота и бессилие. Недаром стараются они замаскировать ее рекламой, самолюбованием, десятком пошлых анекдотиков и взаимной похвалой. <...> Жаль, что несколько талантливых людей, вроде Шкловского, из любви к озорству и позе, присоединились к лефовской группе. Правильно написал Вяч. Полонский⁶² в одной из полемических статей против ЛЕФа: „леф – это блеф“» (М. Сл. [Слоним] 1928а: 121–122).

Некоторые «лефовцы» были известны тем, что активно поддерживали введение в обиход советской литературы понятия «социальный заказ». Эта установка в подаче ЛЕФа ограничивала роль творческой личности, лишала писателя свободы выбора. О. Брик и вовсе отвергал какую бы то ни было индивидуальность в искусстве, настаивая на том, что «надо писать то, что важно и нужно читателю, творя общекультурную работу класса» (Там же: 122), а ведущие критики группы С. Третьяков, Н. Чужак, В. Перцов всерьез говорили «о пятилетнем плане в литературе» и определяли «значение того или иного писателя не художественными его достоинствами – „предельной доходчивостью и полезностью пятилетке“» (Аноним 1930а: 192).

---

⁶² Вяч. Полонский – псевдоним критика, историка, публициста В. Гусина. Как указано в ЛЭ 1935 г., он «допустил ряд крупных литературно-политических ошибок, к<ото>рые характеризуют его как выразителя правооппортунистических настроений» (ЛЭ 1935: 63–64). Среди этих «ошибок» было отрицание возможности создания пролетарской литературы, ориентация на «попутчиков», включение творчества кулацких писателей (Есенина, Клычкова, Клюева) в единый поток крестьянской литературы, восприятие искусства как средства самовыражения художника.

Безусловно, творчество авангардистов обогатило русскую литературу и искусство, и критики ВР отмечали в своих статьях заслуги В. Маяковского, Н. Асеева, Б. Пастернака (он некоторое время также принадлежал к группе ЛЕФ) и многих других новаторов советской культуры. Но журнал не мог пройти мимо той деструктивной роли, которую это объединение играло в течение всего периода своего существования. Выбрав объектами своих критических нападок, например Л. Леонова, Ю. Олешу, Б. Пильняка и «Серрапионовых братьев»⁶³, они должны были понимать, как справедливо замечал Слоним: «Одно дело – критика, за которой не следует ни тюрьма, ни ссылка. Но каково приходится тем, кто знает, что из обвинений в „художественной буржуазности“ вытекает привлечение к ответственности за политическую контрреволюционность?» (М. Сл. [Слоним] 1928а: 122).

В противовес различным идейным и политизированным творческим организациям группа «Серрапионовы братья», о которой критики ВР всегда отзывались благосклонно, строила свою платформу исключительно на эстетических принципах искусства: «[им] нет дела до того, контрреволюционер ли Иван Бунин, создавший чудесного „Господина из Сан-Франциско“, и к какой партии принадлежит автор „Котика Летаева“»⁶⁴ (Слоним 1922е: 48). Пережив все трудности первых лет революции, они «остро ощутили необходимость быть свободными, без председателя и голосований, и жить в своем мире»⁶⁵ (Там же).

---

⁶³ См., напр., статьи в журнале «Новый Леф»: П. Незнамов, *Советский Чуркин: Вор. Роман Л. Леонова* (1928, № 4), О. Брик, *Симуляция неменяемости* (1928, № 7), Н. Чужак, *Литература жизнестроения* (1928, № 10).

⁶⁴ Здесь Слоним перефразировал слова из программной статьи Л. Лунца «Почему мы Серрапионовы братья» (1922). В ней говорилось: «В феврале 1921 года, в период величайших регламентаций, регистрации и казарменного упорядочения, когда всем был дан один железный и скучный устав, мы решили собираться без уставов и председателей, без выборов и голосований. <...> Слишком долго и мучительно правила русской литературой общественность. Пора сказать, что некоммунический рассказ может быть бездарным, но может быть и гениальным. И нам все равно, с кем был Блок-поэт, автор „Двенадцати“, Бунин-писатель, автор „Господина из Сан-Франциско“» (Лунц 2001: 102–104). Слоним был согласен с такой позицией. Упрекая эмигрантских критиков за нетерпимость к советской литературе, он писал: «Почему звание коммуниста лишает права на вход в „сады российской словесности“, а звание монархиста несколько не служит тому помехой? С каких это пор справка о политической благонадежности необходима для выдачи аттестатов литературной зрелости?» (Слоним 1927а: 116).

⁶⁵ М. Слоним в своей статье приводит слова К. Федина: «Моя революция, кажется, прошла, ...я вышел из партии, у меня тяжелая полка с книгами, я пишу» (Слоним 1922е: 51). Но вместе с тем Федин уже в начале 20-х гг. активно включился в общественную жизнь и в разные годы занимал ряд ответственных постов. На руководящих позициях находились и другие «серрапионовцы», напр., Н. Тихонов или Вс. Иванов.

«Серрапионовы братья» не имели жесткой идеологической и единой эстетической программы. Главное, что привело писателей разных стилей и направлений к созданию этого союза, было стремление к творческой свободе, художественному самосовершенствованию и личные дружеские отношения. Немаловажным достоинством группы Слоним считал то, что она не пошла по пути декадентов и символистов. Канун революции привел к «завершению и разложению» господствующего до 1917 г. в русской литературе направления. «На смену символизму идет неореализм, окрашенный в тона народного сказа, идет своеобразное возрождение романтической сюжетности, идет крепость отточенного полновесного языка» (Там же: 54). Для Слонима художественные искания «серрапионовцев» стали символом того, что в СССР «бродят новые силы, назревают крупные достижения», что в советском искусстве происходит внутреннее волнение и идет плодотворная работа и «Серрапионовы братья» – «один из таких отрадных и многообещающих симптомов» (Там же). Наиболее талантливыми из всей группы Слоним называл Вс. Иванова и М. Зощенко. Правдивое описание картин жизни, оригинальный язык, сказовая форма повествования – вот что оценивал эмигрантский критик в творчестве обоих молодых, в то время, писателей (я еще вернусь к этим авторам в подглаве 4.4).

Другой критик ВР – С. Постников – в текстах «серрапионовцев» все же видел признаки той лжи, в атмосфере которой были вынуждены жить советские писатели: «Писатель изолгался, слишком привык говорить с оглядкой и опаской. <...> Даже Серрапионовы братья, по существу не имеющие ничего общего с коммунизмом, превыше всего считают для себя заветы Ильича» (Постников 1925а: 237). Но и Постников в целом расценивал перспективы молодых авторов как «многообещающие»: «в России хватаются то за авантюрные романы, то за простое повествование, за развитие фигурного, орнаментального рассказа, за новый эпос в форме автобиографий, воспоминаний и проч. Если мы здесь – за границей – литературно остановились и живем еще „вишневыми садами“ – как по содержанию, так и по форме – то в России жизнь не терпит этого консерватизма» (Там же: 238).

Таковы были главные направления развития советской литературы в 20-е гг., отрефлексированные в журнале ВР. Остальные течения и объединения – имажинизм, формализм, конструктивизм, РЕФ, пришедший на смену ЛЕФу, «всякие Ваппы и Маппы, Кузницы, Горны» (Слоним 1927б: 65) хоть и упоминались на страницах ВР, но эпизодически и без какого-то углубленного анализа. Что касается

формализма, то я уже приводила отрицательную оценку этого метода, сделанную Д. Лутохиным. Н. Мельникова-Папоушкова, наоборот, писала, что формализм «является одним из основных средств, выводящих критику ...из тупика частного мнения и лирических восклицаний на широкий научный путь» (Мельникова 1926б: 195). Для Слонима деятельность формалистов являлась доказательством того, что советская молодежь интересуется литературой. Он отмечал труды «Опояза» и хвалил В. Шкловского, В. Жирмунского, Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова за то, что они «ухитряются производить огромную работу над поэтическим языком, строить и обосновывать теории формального метода, готовить изыскания, собирать материалы» (Слоним 1924а: 59).

Как известно, относительная свобода, которой пользовались советские литераторы в 20-е гг., была лишь краткосрочным тактическим ходом со стороны властей. НЭП не решил всех проблем, даже экономических. Долго еще страна испытывала голод, разруху, инфляцию и другие печальные последствия революции и Гражданской войны. ВР не обходила вниманием все эти негативные явления общественной и культурой жизни СССР. С первых же своих номеров журнал стал предоставлять свидетельства продолжающихся цензурных репрессий. Одной из жертв государственного надзора над культурой был журнал «Летопись Дома литераторов», закрытый в 1922 г., потому что пытался рассказывать «умеренным, но мужественным и честным языком именно об этом страшном зле большевистского режима: о попытке удушения подлинной литературы, попытке превратить слово в подсобное орудие, и о презрении (и вместе с тем боязни) советской власти по отношению к истинной науке» (Аноним 1922д: 20).

В 1923 году М. Слоним написал статью «Литературная Чека», в которой в саркастической форме отреагировал на призывы, звучащие со страниц советской печати о том, что необходимо «прекратить литературно-критическую чехарду в СССР», ввести единую, выдержанную коммунистическую литературу, то есть установить диктатуру в области искусства: «Каждый поэт будет писать об одном и том же. Каждый читатель будет читать одно и то же. Вся литература – точно мерно шагающий полк солдат: раз-два, раз-два» (Слоним 1923в: 34).⁶⁶

---

⁶⁶ В той же статье М. Слоним привел список книг, объявленных контрреволюционными и антихудожественными и, по распоряжению Н. Крупской, подлежащих изъятию из библиотек: «По отделу философии – сочинения Декарта, Канта, Маха, Платона, Спенсера, Шопенгауэра. По отделу религии: Евангелие, Коран и Талмуд. По отделу психологии: Введенский, Гефдинг, Джемс, Тэн и т. п. По разным отделам: Карлейль, Кропоткин, Метерлинк, Ницше, все сочинения Льва Толстого (кроме художественных), Влад. Соловьев, Лосский, Мирбо, Маргерит и сотни других» (Слоним 1923в: 43).

Еще более острыми стали заметки о советской культурной жизни в конце 20-х гг. По мнению М. Задражиловой, после 1927 г. «se hroutily Slonimovy představy o perspektivách sovětské literatury» (Zadražilová 1999: 155), в связи с чем литературная рубрика ВР отказалась от прежнего курса: интерес к новым советским авторам сменился возвращением к традициям классического русского искусства, к статьям о Л. Толстом, А. Пушкине, А. Чехове, А. Грибоедове. «Vyrovnanější poměr mezi „aktualitami dneška“ a „živými tradicemi“ svědčil o hledání nových jistot. Dokonce i M. Slonim začal znovu rozvíjet pojetí ruské kultury (včetně té emigrační) jako součásti humanistické západní kultury evropské» (Там же).

Не все исследователи эмигрантской публицистики разделяют эту точку зрения. А. Зверев не наблюдает в десятилетней истории существования ВР сколько-нибудь заметных модификаций, «хотя литературная ситуация в эти годы переменялась радикально и те перспективные веяния, которые поначалу обеспечили молодой советской литературе высокий эстетический престиж, были насильственно подавлены» (Зверев 2000: 85). В конце 20-х гг. журнал остро реагировал на травлю Е. Замятина и Б. Пильняка, на разгром литературной группы «Перевал», на смещение с должности главного редактора журнала «Красная Новь» А. Воронского, одним словом, на воцарение в обществе, по выражению Слонима, «тупой и бездарной сталинщины» (Слоним 1930в: 815), однако ВР «не отказалась от своей убежденности, что какие-то перспективы для русской культуры сохраняются только на родине» (Зверев 2000: 85). На основе материалов ВР со всей определенностью можно заключить, что в течение десяти лет своей экзистенции журнал оставался непреклонным по отношению к цензуре, гнету со стороны партийных органов и травли, раздававшейся со страниц советской печати в адрес некоторых писателей. В 1923 г. Слоним писал о том, что после того, как большевики добились побед «материальных», связав «подданных большевистской республики подчинением диктатуре и обязательной одинаковостью действий» (Слоним 1923в: 33), они перешли к выполнению следующей цели: «добиться полного торжества на фронте духовном – и сковать всю Россию, а потом и весь мир, цепью одинаковости мысли и чувства» (Там же). В конце 20-х гг. он же констатировал: «Над писателем и читателем в России тяготеет унижительное, непереносимое бремя государственного и партийного аппарата, заставляющего одних – творить по указке, а других читать рекомендованное и одобренное» (Слоним 1928в: 65–66).

Причины разброда среди российских писателей критики ВР видели в том, что все «спутано в самой „свободной“ стране – спутано „путами“ политической диктатуры» (Т. 1923д: 91). Сначала происходила яростная борьба со всем старым, насаждение нового, пролетарского искусства. Затем курс изменился; Троцкий и его единомышленники начали призывать к возврату к традициям, «хотели убедить писателей подражать „шестидесятникам“ в художественном творчестве» (Там же), но заставить искусство вернуться на полвека назад невозможно, а настоящее творчество всегда останется свободным «даже при всей аракчеевщине советского режима» (Там же).

Неизменным для авторов ВР оставалось и отношение к советской литературе, как к источнику новых перспектив для русского искусства. Е. Зноско-Боровский противопоставлял даже французскую культуру советской (воздавая хвалу последней): «Именно там [в России] искусство утверждается, как некое „дело“, важное и ответственное, на место „парижских безделушек“; индивидуалистическое копание в себе да в тайнах пресловутого „треугольника“ заменяется там основными проблемами мироздания или государства; там, наконец, есть энергическая бодрость, порыв, мужественный зов к жизни» (Зноско-Боровский 1931: 458).

4.2 Проблемы с публикацией советских авторов

Советская литература была для редакции ВР не только предметом внимания и изучения, но и источником информации о советской повседневности. Нередко художественный текст воспринимался, как весть с родины, как отражение новой русской жизни. «Мы любопытствуем, какой быт отразился в произведениях Пильняка, что рассказал нам о Сибири Вс. Иванов, а о деревне Леонов. Литература превратилась для многих из нас в документ, в живую иллюстрацию газетных телеграмм, и подчас ошибки нашей художественной оценки порождены неотразимой нашей тягой к „картинкам действительности“» (Слоним 1927б: 64).⁶⁷

Естественно предположить, что с каждым годом, проведенным вдали от России, эмигранты все более удалялись от ее насущных проблем, и беллетристика, вполне возможно, служила для некоторых беженцев дополнительным связующим звеном с потерянной родиной. Но редакция ВР имела и другие способы получения сведений.

---

⁶⁷ Подобным образом высказывались и другие критики «Воли России», например, В. Архангельский, чье мнение на этот счет уже было приведено в подглаве 1.3.

Вряд ли сотрудники журнала были настолько наивны, что полагались исключительно на художественную продукцию. Тем не менее М. Задражилова, вполне справедливо отрицая способность литературы служить отражением реальности, обвиняет ВР в излишней доверчивости. Примеры такой доверчивости она находит в статьях В. Архангельского и Д. Лутохина, для которых отдельные советские произведения являлись «klíčem k poznání soudobého Ruska» (Zadrazilová 1999: 146). В качестве контраргумента она приводит слова «парижского» писателя и публициста Георгия Иванова: «Как о темной стороне луны – о Советской России мы достоверно знаем, собственно, только то, что она существует. Все остальное – спорно, обо всем остальном можно только гадать. Да и догадки эти, основанные на обрывочных частных сведениях и на ворохе официальной лжи, касаются главным образом сегодняшнего дня, России, как она есть сейчас»⁶⁸ (Иванов 1933: 189–190). В этих словах есть доля истины, но нужно учесть, что сказаны они были в 1933 г., а Задражилова в данном случае описывает положение дел в ВР в 1925–26 гг., когда в СССР еще полным ходом шел НЭП – релятивно свободный этап в истории советского искусства, по крайней мере, контакты между зарубежной интеллигенцией и советской, хоть и в ограниченном виде, но все же сохранялись, как сохранялось и намного больше способов получения достоверной информации по сравнению с последующими годами.

М. Раев в свою очередь указывает как на наличие в 20-е гг. «обратной связи» между метрополией и границей, так и на воздействие советской литературы (особенно поэзии) на эмигрантскую: «This was only natural, since Soviet Russia was experiencing the stimulation and novelty of forging a new society» (Raeff 1990: 115). Окончательный разрыв этих связей Раев датирует 1934 г. «In the 1930s the contacts between émigrés and Soviet citizens decreased and they ceased for all intents and purposes after 1934. Soviet citizens were afraid to have links with the outside world, especially with émigrés» (Там же: 116)⁶⁹. Впрочем, Слоним рассматривал трудности, могущие возникнуть у эмигрантского читателя при изучении советской литературы, несколько в ином ключе. Он писал, что эмигрант находится в тройном кольце «чисто умственных препон»: отсутствие временной перспективы, «которая одна только и позволяет

---

⁶⁸ Цитата приводится по первоисточнику до конца фразы.

⁶⁹ «V roce 1927 přibyl navíc do sovětského trestního zákoníku článek 58, odstavec 3 o trestném činu udržování styků s cizinci v zájmu kontrarevolučních cílů, což mělo za následek, že se jim sovětský občané raději vyhýbali» (Kolenovská 2017: 27).

располагать разрозненные явления в некие общие ряды, улавливать связь между разомкнутыми звеньями»; «кривые стекла политических страстей» и застилающий глаза «эмигрантский туман» (Слоним 1927б: 63).

Каким бы способом коллектив ВР ни получала материалы для своей работы, нельзя не отметить, что художественные произведения советских авторов встречаются в ВР нечасто⁷⁰. Поэтому мне кажется спорным мнение М. Задражиловой, которая пишет: «Kromě několika málo autorů z řad ruské literární emigrace (A. Remizov, M. Cvetajevová, M. Aldanov⁷¹) stále častěji pronikala na stránky VR nejen emigrační omladina (pařížská i pražská), ale především literatura „nového Ruska“» (Zadrazilová 1999: 142). Если в критической рубрике количество статей об эмигрантской и советской литературе еще как-то сопоставимо, то в художественной части ВР произведения «новой России» оказываются в явном меньшинстве – их список не превышает двадцати наименований⁷².

Из всех напечатанных в ВР произведений советских авторов наибольшего резонанса получила публикация в 1927 г. романа Евгения Замятина «Мы»⁷³. История этой публикации хорошо известна⁷⁴. Остановлюсь лишь на некоторых моментах, имеющих непосредственное отношение к ВР.

ВР первая опубликовала роман «Мы» на русском языке, правда, не полностью. В СССР книга была издана лишь в период перестройки, но и неизданным роман принес много проблем своему автору. После публикации «Мы» за границей – сначала в Америке (в 1924 г.), потом в чешском переводе Вацлава Кенига в брненской газете

---

⁷⁰ Полный список произведений советских авторов, опубликованных в «Воле России» (без учета отрывков и стихотворений, включенных в рецензии) см. Приложение 1.

⁷¹ «Воля России» не публиковала художественные произведения М. Алданова; его имя встречается только в обзорных и критических материалах, напр., М. Слоним подробно разбирает его трилогию «Ключ» в своей колонке «Литературный дневник» (1930, № 1), а также анализирует творчество писателя в контексте европейской исторической беллетристики в статье «Романы Алданова» (1925, № 6).

⁷² Для сравнения: только в первый год существования ВР, когда беллетристика стала появляться в журнале лишь с 29-го номера (из 35-и), были опубликованы 20 произведений эмигрантских авторов (имеются в виду стихи, поэмы, рассказы). Кроме того, печатались произведения мемуарного характера. В последующие годы количество опубликованных художественных произведений значительно возросло.

⁷³ Несмотря на то, что Замятин умер в эмиграции, рецензии критиков ВР на его произведения включены в данную главу, так как вплоть до 1931 г. он жил на родине, и там же были созданы все его значимые произведения, в том числе и роман «Мы».

⁷⁴ См., напр.: Ručlová 2006; М. Любимов, Публикация романа «Мы» Евгения Замятина в пражском журнале «Воля России» // *Литература русского зарубежья (1920–1940-е годы): Взгляд из XXI века* / Под ред. Л. Иезуитовой, С. Титаренко. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 245–250.

«Lidové noviny» (в 1927 г.), – началась травля писателя. Сотрудничество Замятина с западными издательствами было воспринято как антисоветская деятельность. Статьей «Недопустимые явления»⁷⁵ влиятельная «Литературная газета» обрушилась как на писателей, осмелившихся печатать свои произведения за пределами родины, так и на эмигрантскую прессу, «охотящуюся» за советскими книгами: «При всей бледной немочи и импотентности зарубежной белогвардейской литературы, эмигрантские газеты и журнальчики охотятся за нашей литературой и наиболее каверзное и сомнительное у себя перепечатывают. Особым успехом, обычно, пользуется у эмиграции творчество Булгакова, Зощенко, Пильняка» (Волин 1929: 1).

В связи с романом Е. Замятина «Литературная газета» ополчилась и на ВР, требуя от писателя, чтобы он «отмежевался от этого сотрудничества с эмигрантской эсеровщиной и опротестовал издание своего романа за границей» (Там же). Далее начало происходить то, что обычно происходило с неугодными власти писателями: «prostřednictvím tisku byli vyzváni představitelé široké veřejnosti, aby vyslovili svůj názor. A široká veřejnost, podle potřeby nazývaná ruský lid – to když bylo potřeba zdůraznit váhu jejího názoru –, jako ve většině podobných případů známých z ruské historie 20. století nezklamala. Její představitelé vystoupili s potřebou... „ukázat dveře“ těmto „otevřeným nepřátelům dělnické třídy“, „zorganizovat příkladný společenský soud v jedné z největších továren za účasti literárních pracovníků“, „provést okamžitou prověrku všech spisovatelů“ atd.» (Ryčlová 2006: 102). Вся эта кампания привела к тому, что Замятин был вынужден выйти из Союза писателей и обратиться к Сталину с просьбой о разрешении ему с семьей выехать за границу.

ВР со своей стороны выступила в защиту Е. Замятина (вместе с защитой Б. Пильняка). Тогда же было перепечатано и письмо Замятина⁷⁶ в редакцию «Литературной газеты», в котором писатель пытался оправдать появление своего романа за границей и утверждал, что роман «Мы» появился в ВР «без моего ведома и согласия» (Аноним 1929б: 191).

«Дело Замятина и Пильняка», как это ни странно, возникло не из-за сотрудничества писателей с зарубежными издательствами, и ВР сразу же определила истинный источник начавшейся травли. Все дело заключалось в том, что в СССР

---

⁷⁵ Ответ и комментарий «Воли России» к этой статье см. *Травля Замятина и Пильняка* (1929, № 8-9).

⁷⁶ Текст письма см. Приложение 3.

постепенно уничтожались последние остатки свободы, подходило к концу существование независимых литературных объединений, а вся кампания изначально была направлена против Всероссийского союза писателей, «сохранявшего до недавнего времени характер беспартийной и чисто профессиональной, аполитической организации» (Там же: 189). Началась перерегистрация его членов – «чистка рядов». И такие фигуры, как Е. Замятин и Б. Пильняк, еще в 1923 году зачисленные Л. Троцким в «попутчики», не могли не подвергнуться прессингу за свое идейно чуждое, неблагонадежное творчество, не укладывающееся в рамки «коммунистического искусства».

История травли Замятина и Пильняка за публикацию книг за границей – не единственный случай. Аналогичные проблемы пришлось пережить и Анатолию Мариенгофу после того, как в Берлине вышел в свет его роман «Циники» (1928), хотя разрешение на отправку книги в Комиссии по контролю над вывозом за границу научных и художественных ценностей писатель получил⁷⁷.

Рецензенты ВР не слишком одобрительно относились к творчеству Мариенгофа. По поводу его романов в журнале можно прочесть такие строки: «Книги Мариенгофа плохи не только потому, что они щеголевато-циничны; это цинизм не страшный, пензенского происхождения⁷⁸ и местного характера. Хуже то, что они малограмотны и беспомощны» (Г. Г.⁷⁹ 1930: 547). Но, несмотря на критику, ВР вступилась за бывшего поэта-имажиниста и подробно осветила ситуацию, в которой он оказался. Журнал опубликовал и отрывки из покаянного обращения писателя в правление Всероссийского союза писателей, и постановление этого самого правления, объявляющее роман «Циники» книгой «объективно вредной и неприемлемой для советской общественности» (Аноним 1929в: 135). Как писал корреспондент из Москвы (имя его редакция скрыла), атмосфера в стране сложилась «совершенно нестерпимая, и чтобы жить и работать нужно страшное напряжение нервов и даже изворотливость. Постоянный компромисс стал до того привычным, что и не угнетает больше. Это вроде

---

⁷⁷ А. Мариенгоф, в отличие от Е. Замятина, обратился с покаянным письмом к правлению Всероссийского союза советских писателей, в котором подробно описал все обстоятельства публикации своего романа в Берлине. Отрывки из этого письма с комментариями редакции «Воли России» см. Приложение 4.

⁷⁸ Видимо, намек на то, что А. Мариенгоф долгое время, до переезда в столицу, жил в г. Пензе.

⁷⁹ Возможно, автором статьи являлся Г. Газданов. По сведениям Струве, писатель подписывал некоторые свои работы инициалами.

неизлечимой болезни» (Там же). Подобные обстоятельства были причиной того, что произведения советских писателей с каждым годом все реже появлялись в эмигрантской прессе, к тому же каждое такое появление вызывало очередную неадекватную реакцию советских органов.

С другой стороны, выход за границей романа «Мы» стал знаковым, потому что, как считает А. Зверев, это «подводило черту в давнем споре „ВР“ со своими оппонентами относительно возможности существования неказенной литературы в советской России» (Зверев 2000: 79). Однако, как известно из современных исследований эмигрантской критики⁸⁰, споры о двух ветвях русской литературы продолжались и далее. Американский ученый Р. Хеггланд отмечает определенный кризис в эмигрантских литературных кругах, начавшийся в конце 20-х гг., но связывает его не с признанием заслуг советской литературы, а с тем, что после долгого пребывания за границей для беженцев наступал период подведения итогов. «The times did not promote enthusiasm. The muses were silent, or nearly so. <...> It was a period of stocktaking, re-evaluation of the past, and attempts to adapt to the present» (Hagglund 1973: 525).

Следует также заметить, что издание романа «Мы» и последующий отъезд Замятина в Европу не вызвал большого энтузиазма в эмигрантской прессе. Писатель не отказался от советского гражданства и, как вспоминала Н. Берберова, он «ни с кем не znalся, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой. Не думаю, чтобы он верил, что он доживет до такой возможности, но для него слишком страшно было окончательно от этой надежды отказаться» (Берберова 1996: 341).

В заслугу редакции ВР можно поставить сам факт публикации романа Замятина и то, что она часто шла наперекор основным вкусам эмигрантской публики. Следующим таким принципиальным шагом ВР, как указывает Зверев, стало появление на страницах журнала пьесы В. Маяковского «Баня»⁸¹ и лирического цикла М. Цветаевой, написанного в память о поэте (1930, № 11-12). Лидер футуристов

---

⁸⁰ Подробнее см. *Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 1920–1930-х годов: сборник научных трудов, ч. 2* / Отв. ред. Т. Петрова. М.: ИНИОН РАН, 2006; О. Коростелев, *От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья*. СПб.: Издательство им. Н. Новикова, 2013; Струве 1996; Hagglund 1973.

⁸¹ В примечании редакции к этой публикации говорилось: «Печатаем последнее крупное произведение Вл. Маяковского, являющееся злой сатирой на коммунистические верхи. Читатель без труда узнает главных героев пьесы: А. В. Луначарского и Максима Горького» (Аноним 1930б: 903).

многими за границей воспринимался как «кремлевский поэт», а потому появлением его произведения в ВР была еще раз «продемонстрирована присущая журналу широта и антитенденциозность подхода» (Зверев 2000: 79).

Остальные работы советских авторов, напечатанные в ВР, не имели такого резонанса, да и было их, как я уже упоминала, не так много – значительно меньше, чем рецензий и отзывов о новых книгах, издававшихся в СССР.

4.3 Новаторство и политизация советской поэзии

Литературный процесс в первые годы советской власти развивался в русле дореволюционных тенденций, поэтому поэзия на какое-то время сохраняла свое лидирующее положение в отечественной культуре. Как отмечает М. Раев: «Even more striking was the difference... between the evolution of poetry and prose. By the large we may distinguish two quite diverse chronological periods: the twenties and the thirties. The first decade was characterized by great experimentation in Soviet literature; the second was dominated by the imposition of socialist realism as a doctrine and practice for writers in the USSR» (Raeff 1990: 110–111). Под экспериментаторством американский ученый, в первую очередь, подразумевает деятельность футуристов, но они поставили свое искусство на службу новой власти, а кроме того, они были слишком эпатажны для эмигрантской среды. Творческая свобода, проповедуемая в эпоху Серебряного века, у левых авангардистов иногда принимала излишне радикальные формы, что позволило М. Слониму с одной стороны согласиться с тем, что «поэтическое ремесло» заняло главенствующее положение в России, а с другой – с сожалением констатировать: «Поэтическое озорство сделались теперь бытовыми явлениями. Те, кому нечего сказать, возмещают духовное свое косноязычие криком и вывертами. А так как дурное заразительно, то хулиганское поветрие одолевает порою не только бездарных честолюбцев, типа Кусикова⁸², но и людей талантливых, хотя и порядком испорченных, вроде Есенина» (Слоним 1923а: 93). Поэтому ту часть литературной рубрики ВР, которая относилась к современной советской поэзии, можно было бы озаглавить словами Слонима: «Стихотворцев много, а поэтов мало» (Там же).

Если просмотреть все статьи ВР, посвященные поэзии, то нельзя не заметить особое отношение критиков журнала к пяти поэтам: В. Маяковскому, С. Есенину,

---

⁸² Александр Кусиков – поэт-имажинист. Для его творчества были характерны «мотивы крайнего пессимистического индивидуализма, одиночества, беспредметной грусти» (ЛЭ 1931: 771–772).

Б. Пастернаку, М. Цветаевой и А. Пушкину. Имена первых трех чаще всего встречаются в обзорах советской литературы, их творчеству адресовано наибольшее количество критических анализов и рецензий. Художественная манера Цветаевой берется как образец тех новейших течений в стихосложении, которые наметились еще до революции: «уклон от символической туманности – к определенности, от многословия – к сжатости, от музыкальности – к выразительности, от расплывчатости – к полновесному построению, от риторики книжной – к почти разговорному языку» (Слоним 1927б: 75).

Имя Пушкина упоминается в связи с сохранением и продолжением традиций. Отголоски его наследия критики ВР находили в стихах почти всех современных поэтов, начиная от М. Шагинян и кончая Б. Пастернаком (некоторые примеры таких реминисценций будут приведены далее).

Если вернуться к экспериментаторству, то наиболее крупные поэты того времени работали над обновлением поэтического языка. Первая пореволюционная декада двигалась под «знаком искания новых словесных форм и приемов поэтического выражения» (Там же: 73). Это была огромная работа теоретического и художественного порядка. И если возникали явления, вызывающие недоумение у читателей и критиков, различные хулиганские выходки со стороны футуристов и имажинистов, то они объяснялись рецензентами ВР «скорее болезнью роста, чем органическими пороками» (Там же). Метания Сергея Есенина, например, Слоним связывал с тем, что поэту выпала тяжелая доля – родиться чистым лириком в эпоху огромных общественных сдвигов. «Неудачник в жизни, он пришелся не ко двору своему веку» (Там же: 72). Все его попытки подстроиться под общий хор, влить свои стихи в революционный поток и самому, подобно Маяковскому, стать с веком наравне, перевоплотиться в хулигана или заменить Библию «Капиталом», по мнению Слонима, были обречены на провал. Он считал, что лирика любви, природы, родного края и личной тоски – это то лучшее, что оставил после себя поэт.

Примерно в том же ключе воспринимали поэтику С. Есенина и другие критики ВР. Н. Мельникова-Папоушкова писала, что имажинизм не пошел поэту на пользу: «Есенин, столь близкий природе, знающий жизнь трав и зверей, верящий в крестьянского Власа, закрывается от нас вымышленной неразберихой имажинизма» (Н. М. П. [Мельникова] 1922: 20). Для С. Постникова в «озорстве» Есенина не было ничего нового. Русским людям, а особенно талантливым, присущ некий скандальный

элемент. «Революция развязала у этого деревенского парня озорство. Озорничает он и в стихах, и в жизни. Но и в этом Есенин талантлив, он резко отличается от тянувшихся за ним мелких поэтов, у которых выкрутасы в стихах были только надоедливы» (Постников 1925б: 165).

Большой резонанс среди литературной общественности вызвала неожиданная смерть поэта. Сразу три статьи появились в ВР после этого трагического события. В первой Д. Святополк-Мирский утверждал, что «не любить Есенина для русского читателя теперь признак или слепоты, или, если он зряч, – какой-то несомненной моральной дефективности» (Святополк-Мирский 1926а: 75). В любви к Есенину присутствовало осознание того, что поэт – свой, один из нас, между ним и читателем можно поставить знак равенства. Не являясь великим поэтом, он, тем не менее, сумел сосредоточить в своем творчестве «все слабости и всю тоску своего поколения» (Там же: 76).

Д. Святополк-Мирский не был согласен с представлениями о Есенине, как о «левом» авангардисте или «крестьянском» поэте. Для него творчество Есенина скорее «правое», традиционное, тесно связанное со стихами А. К. Толстого, А. Блока, с народничеством 70-х гг. За тоску, которую слышал А. Пушкин в песнях ямщика, которая звучала в народно-романтическом направлении русской поэзии – «у Григорьева, у Некрасова, у Блока, и у неизвестных поэтов народников вроде Сурикова и Садовникова, и в лирической прозе пленительного и забытого Левитова» (Там же: 77), – за эту тоску и ценил Есенина русский читатель.

Д. Святополк-Мирский различал три стадии в отношении Есенина к революции. Сначала поэт находился под влиянием романтического народничества Николая Клюева, затем перешел на сторону социалистической романтики «скифа» Р. Иванова-Разумника. После разочарования в обеих утопиях революция предстала перед Есениным «уродливым, прозаически-пресным, механически-безддушным своим лицом, – плугом, вырывающим из родной земли все, что было дорого ему своей красотой и поэзией» (Там же: 78). А когда исчезла и вера в собственные поэтические силы, пришел неизбежный конец жизненного пути.

В статье, посвященной памяти Есенина, Е. Недзельский касался «есенинского пушкинизма» – желания «прозвенеть бронзой»⁸³, о котором сам поэт говорил в стихах,

---

⁸³ Отсылка к стихотворению С. Есенина «Пушкину» (1924).

обращенных к Пушкину. «Эта жажда помимо внутренней установки вылилась и в наивнейший внешний жест. Есенин оделся в пушкинскую крылатку и цилиндр» (Недзельский 1926а: 177). Но главное, конечно, не во внешних атрибутах, а в переходе поэта от крестьянской стилизации, рязанского колорита к общенародным, русским темам. Этот переход наблюдался в реквиеме Есенина – поэме «Черный человек» (1925) (реминисценции «Моцарта и Сальери» Пушкина⁸⁴), в которой автор якобы уже не может вспомнить то место, где родился: «Не знаю, не помню, / В одном селе, / Может, в Калуге, / А может, в Рязани...».

О несоответствии Есенина своему времени писала и М. Цветаева. Родись он на десять лет раньше, не остался бы между городом и деревней и биографически был бы более уместен. Но, как замечала Цветаева, из истории не выскочишь. «Пойми это Есенин, он спокойно пел бы не только свою деревню, но и дерево над хатой, и этого бы дерева никакими топорами из поэзии XX в. не вырубить» (Цветаева 1932: 8). Поэт не смог выполнить заказа времени и погиб. Единственный, кто полностью, по ее мнению, соответствовал своей эпохе, – это Маяковский, причем в его личности проявился не только поэт революции, но и революционный поэт.

Творчество Владимира Маяковского, уже после его смерти, подробно разобрал М. Слоним. В общих чертах отношение критика к поэту сводилось к следующему: Маяковский – яркий талант, создатель нового поэтического языка, новатор в области стиля и ритма, но не отличался оригинальностью идей, глубиной внутреннего мира. «Вся философия Маяковского сводится к борьбе против гуманизма и романтизма во имя общественной пользы и преобладания рассудка над всеми сторонами личной и социальной жизни» (Слоним 1930б: 451).

То, что Маяковский встал на сторону большевиков, для Слонима было вполне закономерно. И до революции поэт был по темпераменту бунтарь и революционер. Он отвергал быт либеральной русской интеллигенции эпохи модерна, чужды ему были и академическая поэзия, и эстетика символизма. Но вот в том, что поэт всю силу своего таланта, весь свой заряд эмоций направил на пропаганду «небольших идеек и формул большевистской мудрости» (Там же), в этом Слоним видел главную трагедию Маяковского. «Для писания агиток не надо было быть Маяковским. Для них хватило бы и Демьяна Бедного „со товарищи“» (Там же: 453).

---

⁸⁴ В «Черном человеке» содержатся явные заимствования из поэмы Пушкина. Ср., напр.: «Мне день и ночь покоя не дает / Мой черный человек» (Пушкин); «Черный человек / Спать не дает мне всю ночь» (Есенин).

Стараясь быть непредвзятым, Слоним верно отметил то влияние, которое Маяковский оказал на развитие русской поэзии. У поэта появились последователи, он «создал свою школу (начиная от талантливой Асеева, кончая Безыменским), не только определил судьбы футуризма и отчасти имажинизма (Шершеневич, Кусиков, Мариенгоф), но и заставил десятки поэтов, органически от него далеких, воспользоваться ритмом, приемами и поэтическим своеобразием его „вольного стиха“» (Слоним 1927б: 72). Но славу Маяковского Слоним воспринимал как непрочную, легковесную и пророчил долгую жизнь лишь тем стихам и поэмам, в которых присутствовала индивидуальность и лирика. Всему остальному творчеству поэта он предрекал короткую жизнь: «То, чем он гордился и что считали замечательным в его творчестве его поклонники и хвалители – нельзя будет читать через два-три года» (Слоним 1930б: 453).

И у Бориса Пастернака критики ВР больше всего ценили его лирические стихи, а вот по поводу поэм были менее благосклонны. М. Слоним к переходу Пастернака к эпосу, к созданию масштабных исторических произведений, таких как «Спекторский» (1925), «1905 год» (1926) и «Лейтенант Шмидт» (1927), отнесся негативно, а некий Д. Р. отозвался о тех же поэмах следующим образом: «Уже в Спекторском было ясно: эпос Пастернаку не удастся. Эпические места валились грузом на поэму, поражая своей дисгармоничностью с общим высоким строем стихов» (Д. Р. 1928: 168). Впрочем, все рецензенты журнала видели в поэте огромное поэтическое дарование, расходясь, однако, в деталях.

Е. Зносско-Боровский, ознакомившись с двумя сборниками Б. Пастернака – «Сестра моя жизнь» (1922) и «Темы и вариации» (1923) – отметил, что для него остался неясным горизонт идей автора: «Он [Пастернак] допускает соседство множества слабых произведений рядом с несколькими прекрасными, целое море тусклых и искусственных фраз затопляет отдельные меткие и звонкие, которыми пестрят большинство стихотворений» (Зносско-Боровский 1923б: 69). Не нравятся критику и некоторые художественные приемы Пастернака: поэт искажает реальность и «мы оказываемся здесь перед миром, разложенным на его составные части и воспринятым новыми категориями ума, подобно картинам, где кривой дом пересекается Эйфелевой башней, в голове человека плывет пароход и трамвай проносится сквозь каменную стену. В результате получается несомненный хаос, в котором разобраться довольно нелегко» (Там же: 62).

М. Слоним наоборот хвалил стиль Б. Пастернака, называя его «телеграфической сжатостью» (ту же манеру он замечал и в стихах М. Цветаевой), а чередование образов, по его мнению, «дает впечатление кинематографической одновременности: мы разом воспринимаем несколько сторон явления, несколько аспектов неустанного потока действительности» (Слоним 1927б: 74).

Б. Сосинский видел в поэзии Пастернака ударность и силу, она словно боксирует читателя, «хватает за шиворот, теребит, расталкивает, не говорит, а захлебывается, иногда шепчет чуть слышно, иногда кричит громче Державина» (Сосинский 1928: 66), а в ряде моментов, как считал рецензент, поэт возвращается, «продолжая расти, к исконному лоту русской поэзии – Пушкину» (Там же: 67). Но и творчество самого Пастернака являлось инспирирующим для молодых советских поэтов, и в этом смысле он занял место А. Блока, которому подражали средние поэты предыдущей генерации. Критику А. Леонидову слышался «глухой Пастернаковский голос» в последних стихах Николая Тихонова, причем первые поэтические сборники этого поэта – «Орда» и «Брага» (оба 1922 г.) – были более оригинальны и по праву принесли своему автору заслуженную славу. «Пока длился пафос гражданской войны – Тихонов находил и свои слова и свои темы. Теперь же он растерял и то другое – остался почти что один Пастернак» (Леонидов 1928: 123).

М. Слоним находил в творчестве Н. Тихонова отголоски героической романтики Н. Гумилева: «некоторые строфы Тихонова („над зеленою гимнастеркой желтых пуговиц литые львы“ и т. д.) сильно напоминают мужественную сжатость гумилевских пэонов» (Слоним 1927б: 72). Слоним, видимо, не слишком благоволивший символистам, приветствовал новые тенденции в русской поэзии: «работа над словом, отказ от легкой музыкальности стиха, попытка возвращения к полновесности слова, к его первоначальной выразительности, любовь к игре словесной и образам, взамен игры звучаниями и туманными понятиями» (Там же: 73–74). Эти черты он видел в творчестве наиболее ярких современных поэтов – Пастернака, Цветаевой и Тихонова.

Имя поэта Николая Асеева уже упоминалось выше в связи с его принадлежностью к футуристическому движению. обстоятельный анализ стихов Асеева появился в ВР только в 1930 г. Автор статьи – М. Андрианов – выделял в поэтике Асеева две «струи»: лирическую и дидактическую. Первая – более удачна, а вот на второй лежала печать «социального заказа» и подражания Маяковскому. «Асеев – самый яркий и талантливый из учеников Маяковского. Но он наименее удачен, когда

принимается за несвойственную ему сатирическую поэму или агитку в стихах» (Андрианов 1930: 1052). Стремление поэта соразмерить свой шаг с «поступью века» привела к тому, что он занимался всем сразу: писал о героях Гражданской войны, марши для пионеров, ругал эмиграцию и священников, опускался до откровенной пошлости, как это произошло в стихах о Донне Анне: «бледность щек / и томность глаз, / воплотясь / в блудливом Дон Жуане, / возносил в ней / феодальный класс». Но не это являлось сильной стороной поэтического дарования Асеева, а лиризм, который пробивался даже тогда, когда автор подстраивался под «громоподобный» голос Маяковского или писал на темы газетных фельетонов. Удавалось Асееву и использование народных мотивов, стилизация под военный романс, городскую частушку или марш, хотя в некоторых стихах «[б]ыстрота и прерывистость ритма, звуковые сближения, вызывающие, рождающие смысловую игру» (Там же: 1054), напоминали художественные приемы Цветаевой как, например, в следующих строфах:

Тяжек и глух гроб,
скован и смыт смех,
низко пригнуть смогло
горе к земле всех!

Кроме вышеперечисленных поэтов, на страницах ВР появлялись небольшие обзоры поэтических сборников или отдельных произведений таких авторов, как М. Шкапская, М. Шагинян, Н. Клюев, И. Сельвинский, Э. Багрицкий, Е. Полонская. Что же касается так называемых пролетарских поэтов, то здесь вряд ли можно встретить хоть одно знакомое имя (за исключение разве что Д. Бедного и А. Безыменского). К большинству из них как нельзя лучше подходят слова одного из рецензентов ВР: пролетарские поэты не могут «сдвинуться с затертых образцов „агиток“ и плакатных надписей, и их обычные темы – Интернационал, Маркс и Р. К. П., – темы, идеологическая и художественная разработка которых не идет дальше задорных, мальчишеских выкриков и литературной безвкусицы» (П. М. 1925: 220).

М. Слоним, делая обзор альманаха пролетарской поэзии «Прибой», пришел к выводу, что ничего пролетарского в нем нет, по форме сборник был выдержан в стиле классического реализма и в своем консерватизме намного превосходил

издания «попутчиков». «„Пролетарское“ творчество отнюдь не заражено новыми литературными исканиями и предпочитает весьма скромно плестись по проторенной тропинке, оставив прежние горделивые заявления о каком-то особом коммунистическом искусстве» (М. Сл. [Слоним] 1925б: 209). Впрочем, и сами авторы не скрывали своего желания учиться у классиков. Как написал поэт Е. Панфилов:

Ах, Александр Сергеич Пушкин,
Я думал –
Мы тебя взрослей,
Но нет –
Все также ты наш лучший
Из всех учителей!
Случайно перечел поэмы
И, сознаюсь, готов опять
И в наше боевое время
Тебе упрямо подражать.

Приведу характеристики, которые М. Слоним дал некоторым авторам в другой своей статье: «В. Александровский проявил себя лириком имажинистического толка с довольно безвкусными образами... С. Обрадович, на которого в Пролеткульте возлагали надежды, потому что он воспевал „толпокипящий Петроград“ и „синезубого властелина, диктующего огненный Декрет“, научившись поэтической грамоте, ударился в тщательное подражание Блоку. С. Кириллов с его революционным романтизмом, тусклый Герасимов, пустоцвет Г. Санников – они – очень маленькие поэты» (Слоним 1927б: 67). Все эти авторы занялись писательским делом в первые годы революции, захваченные ее пафосом, «отдали дань революционному романтизму, ошибочно принятому за „новую поэзию“» (Там же), но позже, не имея подлинного таланта, очутились «в арьергарде литературной армии». Единственно, что могло обеспечить их творениям попадание в печать, это использование партийных лозунгов, «цитат из Ильича», «сталино послушание». Даже в стихах, предназначенных для детей, не обходилось в то время без пропаганды. «Так как литература призвана внедрять коммунизм в подрастающее поколение чуть ли не с

пеленок, то за последнее время развелось немало подобных сюсюкающих пародий на идеологию» (Слоним 1930в: 819), – писал Слоним и привел в качестве примера отрывок, от которого «тошно стало даже законопослушным»:

Папа деточкам помог
Сделать красный уголок.
В уголке у них лисица,
Жеребенок, грач, синица.
Стережет всю эту дичь
В центре – ласковый Ильич.

Такого рода сочинения у Слонима вызывали откровенную насмешку: «Всероссийская дичь – оберегаемая цитатами из Ильича – вот тот красный уголок, который пытаются создать из литературы разные Зонины, Гельфанды, Юрины, Беспаловы⁸⁵ и прочие звери нашей литературной пущи» (Там же). Пролетарские поэты брались и за другие темы, но ни любовная, ни природная лирика по качеству не отличалась от их пропагандистских творений и являла собой, в оценках критика, лишь образчик графомании, необразованности и дурного вкуса.

4.4 Пути развития советской художественной прозы

Советская литература послереволюционного периода, как уже отмечалось ранее, не была монолитной массой. И проблема состояла даже не в том, принял или не принял новую власть тот или иной писатель, важнее было то, какими творческими принципами он руководствовался. Этой темы я уже касалась при рассмотрении дискуссий, пробегающих между различными литературными группами. При обращении к личности каждого отдельного писателя можно воспользоваться градацией, которую предложил М. Слоним: «в СССР сейчас официально признаны три художественных „сословия“: попутчики, союзники и пролетарии. Попутчики – терпимы; „союзники“ – более высокий ранг, в который переводят тех, кого неудобно ругать в виду слишком яркой талантливости или кто „подает надежды“. Верноподданные образуют

---

⁸⁵ А. Зонин – литературовед; входил в группы «На посту», ВАПП (ЛЭ 1930: 373–374). И. Беспалов – литературный критик, редактор журнала «Красная новь» (в 1930 г.), затем главный редактор Гослитиздата (КЛЭ 1962: 580). М. Гельфанд – литературный критик, журналист (Масанов 1960: 124). Юрин – псевдоним историка революционного движения Г. Шидловского (Там же: 526).

привилегированный класс пролетарской литературы. И, наконец, на положении лишенцев оказываются те, кого считают „представителями мелкобуржуазной агентуры в литературе“» (Слоним 1931: 741). Дифференциация эта условна, и если обратиться к биографии каждого отдельного писателя, то реальная картина окажется более сложной и не такой однозначной.

В этой связи представляет интерес статья М. Слонима «Литература и революция», появившаяся в 1922 году. В ней Слоним размышлял о том, почему до сих пор революция не нашла своего отражения в прозаических произведениях русских авторов. Вопрос этот волновал как советскую критику, так и эмигрантскую. «Критики, живущие в России, сожалеют, что литература недостаточно прониклась духом революции и не дала творений, достойных эпохи; а часть критики зарубежной все несчастье видит в том, что литература якобы выродилась в прислужницу политики и находится во власти улицы» (Слоним 1922г: 8).

Слоним был не согласен с обоими этими мнениями. Его позиция основывалась на том, что «отнюдь не обязательно, чтобы литература занималась изображением современности и петушком бежала за вскачь несущейся историей» (Там же: 9). Он повторил тезис, выдвинутый еще в начале века символистами: искусство не может быть фотографией, «снимком, сколком с действительности», его задача состоит в преобразении действительности, и поэтому нельзя ожидать от литературы того, чтобы она «покорно щелкала затвором поэтического кодака и преподносила читателю снимки с революционной натуры» (Там же).

Следующая тема, затронутая М. Слонимом в статье, – отсутствие новых эпических произведений. Казалось бы, более всего для изображения эпохи великих перемен подходит роман, но «за 5 лет революции – множество поэм, сонетов, баллад, терцин – и ничтожное число романов. Если не считать „Котика Летаева“ А. Белого да нескольких романов, изданных за рубежом (Ал. Толстой, Гребенщиков) – пять лет революции не дали ни одного крупного прозаического произведения» (Там же). Для Слонима это естественное положение вещей. Дефицит романов в новой советской литературе он объяснял тем, что эпоха перемен не располагает к созданию «больших полотен»: «В дни, когда „les visages du monde se changent“... („когда меняется лицо мира“), трудно сосредоточение длительного творческого усилия, трудно напряженное единство душевного строя» (Там же). Но в жанре малой повествовательной формы рефлексия пережитого опыта уже началась. Рецензируя в том же 1922 г. петербургский

сборник «Летопись дома литераторов», Слоним особо выделял рассказы М. Зощенко, Е. Замятина, Вс. Иванова, Н. Никитина, К. Федина, В. Шишкова. В текстах этих авторов нет «ни тенденций, ни предвзятых идей», но «дают они ощущение России, приоткрывают завесу над жизнью и думой народа в наши страшные годы» (М. С. [Слоним] 1922б: 23).

Прежде чем перейти к обзору критических работ, посвященных конкретным авторам, попробую, для большей наглядности, разделить советских писателей на несколько групп, исходя из их отношения к Октябрьскому перевороту. Часть писателей, тем или иным способом участвовавших в революционных событиях 1917 г. и Гражданской войны, позже самым тесным образом сотрудничали с новой властью. К этому типу прозаиков относились А. Фадеев – один из организаторов и идеологов РАППа, в 30-е гг. входивший в оргкомитет Союза писателей СССР, а впоследствии ставший его секретарем; Д. Фурманов – секретарь Московской ассоциации пролетарских писателей; активными деятелями РАППа и подобных объединений были Ю. Либединский, В. Киршон, В. Ставский и многие другие.

Часть писателей восприняла революцию как шанс для построения нового общества, как возможность для собственной творческой реализации и поиска новых художественных форм. Вероятно, это самая распространенная ситуация тех лет и примеров можно назвать много: И. Бабель, Вс. Иванов, А. Платонов, М. Зощенко, Б. Пильняк и т. д. – писатели, которых «за их якобы „буржуазную идеологию“ травят напостовцы и прочие литературные чекисты» (Слоним 1925е: 130), почти всех их причисляли к «попутчикам» или «мужиковствующим интеллигентам»⁸⁶. В силу обстоятельств некоторые из них отказывались от своих убеждений и переходили в «лагерь» приспособленцев. Именно так случилось с Вс. Ивановым, Ал. Толстым или поэтом-конструктивистом И. Сельвинским. Но наряду с названными именами на литературной сцене присутствовали также личности, сохранившие самостоятельную творческую позицию и ориентировавшиеся на дореволюционные традиции в искусстве.

Произведения всех вышеперечисленных авторов отмечались или подробно разбирались на страницах ВР. Кроме того, упоминались и маргинальные, сейчас уже почти забытые писатели, чьи книги не удостоивались глубокого анализа, и чаще всего сопровождалась оценкой: «тускло, неталантливо». Подобного рода литературная продукция обычно рассматривалась в обзорах «толстых» советских журналов и

---

⁸⁶ См. Л. Троцкий, «Литература и революция» (1923 г.).

альманахов «Красная новь», «Новый мир», «Ковш», «Недра» и др. Как писал Слоним, эмигранты с нетерпением ждали каждого нового выпуска этих изданий, «потому что в них – сегодняшний день русской литературы» (Слоним 1927а: 114). Но нередко эти ожидания заканчивались разочарованием. Это касалось в первую очередь произведений, описывающих революционный быт, как, например, это было сделано в романе С. Семенова «Петли одного и того же узла» (1925) или в повести А. Голикова (Гайдара) «В дни поражений и побед» (1925). «Таких произведений имеется сейчас... великое множество: по ним будут, быть может, восстанавливать историки картину жизни большевистской России, но современный читатель забудет о них тотчас же после прочтения» (М. С. [Слоним] 1925: 208).

Не блистала особыми литературными достоинствами, по мнению Слонима, и повесть Ю. Либединского «Комиссары» (1925). В этой книге отображались те пессимистические настроения, которые возникли у определенной части общества после введения НЭПа: «Иссяк пафос, некогда воодушевлявший большевистских чекистов, комиссаров и придворных поэтов. Нет веры, освещающей кровь и насилие, делавшей железными мускулы и непоколебимой волю. Настала психологическая реакция» (Слоним 1925е: 139). Либединский недвусмысленно говорил о разложении части партийной элиты, противопоставлял ей людей идейно стойких, убежденных, во многом идеализированных рыцарей революции, но описывал их в манере реалистов XIX века и его повесть «не пленяет ни осязательной выпуклостью зарисовки, ни яркостью изображаемых типов. Это – не крупное художественное произведение, и принадлежит оно не к первоклассной беллетристике» (М. Сл. [Слоним] 1925б: 207).

Критиковали в ВР и книги других жанров. Не была оценена, например, попытка писателя А. Чапыгина обратиться к исторической теме. Его роман «Разин Степан» (1924–1927) был в какой-то мере «характерен для переживаемой советской литературой эпохи, – новое, очень явственное возрождение мужика. Историческая перспектива только прием и притом использованный довольно слабо: вместо эпохи царя Алексея Михайловича старенький *style russe*, подслащенный архаическими словами, взятыми напрокат из словаря Даля» (Леонидов 1927а: 179).

Произведения более известных писателей рецензировались в ВР на протяжении всех десяти лет ее деятельности. Так внимание сотрудников журнала всегда привлекали книги Б. Пильняка. Не обходилось без претензий к повествовательной технике прозаика, но в целом его ценили, в его текстах видели

«некую „философию современности“» (Слоним 1927в: 110). Уже первый роман Пильняка «Голый год» (1922) позволил заговорить о большом мастерстве, которого достиг автор в описании революционного быта, в изображении характеров, положений, пейзажа и атмосферы русского бунта. Как писал Слоним, Пильняк смешал в своем творчестве неореализм и мистический символизм, и в этом много позаимствовал у А. Ремизова и А. Белого. «Но неприятна манерность его письма и построения, попытка придать мистический смысл рисуемым бытовым картинам, сугубое подчеркивание собственной нарочитости, превращающее лик художника в какую-то гримасничающую маску» (М. С. [Слоним] 1922г: 87).

Претензии критиков вызывала и стилистика прозы Б. Пильняка, его «разорванная» композиция, унаследованная от А. Белого, ритмический слог, перенесенные в прозу приемы и образы поэтического словаря. Для С. Постникова в этой манере письма не было признаков создания новой формы, для него Пильняк являлся типичным современным беллетристом. «С большой восприимчивостью жизни, но вместе с тем без культуры и школы, он дитя своего времени: безусловный художник – он постоянно заставляет себя говорить сверх того, что ему подсказывает художественная натура. А потому в его рассказе постоянная вставка не от художественной правды, а от „советской совести“, которую по условиям быта никак нельзя заглушать» (Постников 1925а: 240).

Выделялась и еще одна типичная примета советской прозы: на место героя, личности пришла народная масса, говорящая живым русским языком – «при чем часто говорит одними пословицами, поговорками, на которые раньше и внимания не обращали» (Тукалевский 1924б: 231). В. Тукалевский видел в этом положительный момент: освобождение от психологизма, отказ от «переводного с иностранного языка, который принято называть литературным» (Там же: 232).

Критики ВР реагировали и на выход последующих книг Пильняка – повести «Мать сыра-земля» (1926), «Повести о непогашенной луне» (1926) и «Красное дерево» (1929). В первой писатель продолжил развивать свою излюбленную тему – русская стихия, разбуженная революцией. В этой стихии для писателя сосредоточился «исконный анархизм первобытного и жестокого народа» (Слоним 1925д: 252); в деревне, непроходимом лесу и в глубине степей живет истинная Россия, там природа и народ сливаются в единое первобытное целое. «Если хотите, Пильняк „евразиец“, – заключал М. Слоним, – но не поздоровится „евразийцам“ церковного толка от его

описаний, ибо в его повестях и рассказах встает не Русь православная и смиренная во Христе, а Рассея языческая, темная душевной и ночной темнотой» (Там же: 253).

«Повесть о непогашенной луне», как известно, вызвала в советской печати бурную полемику. Причины ее Слоним видел в том, что в книге противопоставлялись два начала: человечность и бессмысленная, фанатическая партийность. Главный герой повести Гаврилов показан со всеми своими слабостями, но он – часть механической властной структуры и «погибает именно потому, что партия смотрела на него не как на человека, а как на орудие, как на машину, которую надо поправить для лучшего ее использования» (Слоним 1926б: 162). В целом же творчество Б. Пильняка оценивалось критиками ВР весьма положительно, они отмечали, что ему присуща «художественная зоркость, соединение лирики с бытописанием и особенно стремление подойти к „самому главному“ в человеке и жизни» (М. Сл. [Слоним] 1927б: 183).

Ряд молодых советских писателей в начале своего творческого пути привнесли в литературу «бытовизм» – описание эпизодов Гражданской войны, а позже перешли на изображения быта первых лет НЭПа. Иногда в их произведениях ощущался уклон в излишний натурализм: грубость, физиология, первобытные инстинкты в какой-то момент стали приметами современной прозы. Но «убийства, жестокость, звериное – все это типично для жизни и не новый стиль повинен в том, что об ужасах и грязи пишут молодые писатели, а действительность, которая встретила их пожарами и сражениями» (Слоним 1927в: 95). Объединял «бытовиков» и характер повествования – «резкий, несколько отрывистый язык, подчеркнуто народный, стремящийся к отчетливости и „ядренности“» (Там же). С наибольшей полнотой, по мнению Слонима, эти черты проявились в произведениях Вс. Иванова, воссоздающего картины партизанского движения в глухих таежных лесах Сибири. «В его рассказах – динамика, сюжетность сочетается с каким-то художественным импрессионизмом. Он хочет, чтоб и слово было таким же броским, слепительным, как и эта безумная жизнь, которую оно рисует» (Там же: 96).

Особая стилистика речи в прозе Всеволода Иванова позволила критикам ВР вспомнить о такой литературно-художественной форме нарратива как сказ. К подобному роду стилизации все чаще стали прибегать, по словам Б. Сосинского, кроме Иванова, М. Пришвин, Л. Леонов, А. Соболев, М. Зощенко, а «родоначальниками» сказовой манеры в русской литературе критик считал вымышленных персонажей – Ивана Петровича Белкина из повестей А. Пушкина, пасечника Рудого Панько,

рассказчика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, некоторых героев Лескова⁸⁷. Тяготение писателей к сказу критик связывал с возрождением сентиментализма. Но в отличие от откровенного сентиментализма эпохи Карамзина, в современной русской прозе расцвел сентиментализм «пристыженный, тщательно замаскированный, ...извращенный, проиронизированный» (Б. С. [Сосинский] 1927б: 179). Революция не располагала к сантиментам, а потому каждый «лирический вздох обходится дорого – за ним неизменно следует площадная брань» (Там же). Подражание разговорной речи, диалектам, архаичному говору крестьян как раз и понадобилось писателям для того, чтобы скрыть чрезмерный сентиментализм. «Надев чужую личину, заранее оправдав все иронией и формулой „моя (автора) хата с краю“, не то, что слезу ронять „ночью, при луне, под влияние звезд небесных“⁸⁸ – можно свободно или с „дозволения начальства“ – плакать, громко рыдать»⁸⁹ (Там же: 180).

Ближе к 30-м гг. критики ВР все чаще стали отмечать недостатки в новых произведениях Вс. Иванова. Так повесть «Михаил – серебряная дверь» (1929) была названа М. Слонимом «ущербной», а роман «Путешествие в страну, которой еще нет» (1930) – «сумбурной и неудачной вещью, в которой есть несколько блестящих и ярких страниц» (М. Сл. [Слоним] 1930в: 685)⁹⁰. Помимо надуманности построения композиции и смешения разнородных элементов, отличающих последний роман, в нем также явно ощущалась и ориентация автора на «социальный заказ», на требования советской цензуры показывать «трудовые подвиги» и «героя труда». Основную мысль книги передает ее название: сегодняшняя жизнь тяжела, но есть страна будущего. «Оптимистическая нота, оканчивающая произведение, должна, очевидно, опровергнуть мнение коммунистических критиков, будто Иванов заражен опасным и реакционным пессимизмом» (Там же).

---

⁸⁷ Здесь прослеживается явная связь с исследованиями формалистов, особенно с работами Б. Эйхенбаума «Иллюзия сказа» (1918) и «Как сделана „Шинель“ Гоголя» (1919), в которых упоминаются те же источники сказа как литературного жанра, что и в статье Б. Сосинского.

⁸⁸ Цитата из повести Н. Карамзина «Бедная Лиза».

⁸⁹ В статье Б. Эйхенбаума «Как сделана „Шинель“ Гоголя» (1919) говорится о контрасте в гоголевской повести между мелодраматическими, сентиментальными эпизодами и комическими, присущем сказовой манере повествования. Подробнее об изысканиях формалистов в области теории сказа см. Н. Kosáková, *Podoby skazu: k jedné linii moderní prozaické tvorby*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 2019.

⁹⁰ Претензии к отдельным художественным приемам Вс. Иванова М. Слоним высказывал и ранее, напр.: «Есть некоторое однообразие в изображаемых им мужиках, вечно спорящих о Боге, убивающих со святой простотой и отличающихся ненасытной жестокостью» (Слоним 1922е: 52).

Однако молодой поэт Н. Андреев в своей рецензии на роман «Путешествие в страну, которой еще нет» был более доброжелателен. В необычном сюжетном построении романа Андреев увидел черты школы «Серрапионовых братьев», которую прошел Вс. Иванов. С другой стороны, в рассказе «Б. М. Маников и его работник Гриша» (1930) оживал не только «ранний» Иванов, но и прослеживалась его связь с классиками русской литературы. В условиях современности автор поднимал вечные проблемы – тему совести и человеческого достоинства, обнаруживая «неожиданную родственность с Толстым девяностых годов. Проскальзывает (тоже неожиданно) и явный отголосок раннего, еще романтического Горького. При всем том, рассказ сохраняет и индивидуальную цельность и творческую самостоятельность» (Н. А-в [Андреев] 1932: 100).

Не будет преувеличением сказать, что ВР внимательно следила за творчеством всех «Серрапионовых братьев». Начиная с обширной статьи М. Слонима 1922 г., посвященной этой группе, и кончая рецензией на роман М. Слонимского «Фома Клешнев» (1930), появившейся в последнем номере 1932 г., журнал неизменно анонсировал произведения «серрапионовцев»: М. Зоценко, В. Каверина, Н. Никитина, К. Федина, Н. Тихонова, Е. Полонской и уже упоминаемых мною Вс. Иванова и М. Слонимского. В некоторых аспектах манеры этих авторов совпадали. Михаил Зоценко, например, также использовал форму сказа, «бытовизм»; и в его стиле критики находили продолжение традиций отечественной литературы – влияние Н. Гоголя и А. Чехова, причем возврат к Гоголю, подражание его типу юмора М. Слоним считал одним из любопытных явлений современной советской прозы, которое наблюдалось у таких писателей, как С. Заяицкий, В. Катаев, В. Каверин, С. Малашкин, М. Булгаков. «Гоголевская тоска по гармонии, по освобождению от плена пошлости с новой силой вспыхнула в современной литературе, заключенной в мертвящие схемы теорий, политических приказов, окруженной свинными рылами. Она сказала в той своеобразной романтике, которая проникает произведения „гоголевского толка“» (Слоним 1927в: 101). Украинская провинция, как ее описывал Сергей Заяицкий в повести «Баклажаны» (1927), схожа с местечками «Сорочинской ярмарки»; «Растратчика» (1926) Валентина Катаева строятся в чисто гоголевском ключе, и «приключения совслужащих, которых „лукавый попутал“ совершить растрату и колесить по России, – точно новые похождения в стране все тех же мертвых душ»

(Там же); мрачная гоголевская фантастика присутствовала в «Дьяволиаде» (1923) Михаила Булгакова и в книгах других, менее известных авторов.

В сатире Михаила Зощенко нашли свое продолжение и образы, мотивы, мировосприятие А. Чехова. Оба изображали «маленького» человека, мелкого чиновника или обывателя с его «маленькими», пустяковыми проблемами. Но в этих пустяках подчас скрывалась общечеловеческая трагедия, а потому в их произведениях чувствуется искренняя симпатия и сострадание автора к героям. У Зощенко, так же как и у Чехова, «острое чувство иронии, большая наблюдательность, своеобразные стилистические приемы, придающие живую веселость его слогу. Но это не легкий юмор беззаботного шутника. Забавное в рассказах Зощенко – средство обнажить глубокое или раскрыть картину жизни» (Слоним 1922е: 52).

Рассматривая объединение «Серапионовы братья», критики часто говорили о влиянии немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана, под которым находились молодые авторы⁹¹. В наибольшей степени под этим влиянием, по мнению Слонима, оказался Вениамин Каверин – самый юный член содружества⁹². Первый его рассказ – «Хроника города Лейпцига за 18... год» (1922) – «и по форме, и по существу, точно перевод какого-нибудь варианта к гофмановским рассказам в манере Калло» (Там же: 51). Каверин усвоил главные приемы своего немецкого предшественника: смешение фантастики и реальности, ироническую манеру повествования, присутствие в сюжете таинственных загадок. «У него есть несомненное умение создавать эту волнующую фантастическую сеть, немалый запас иронии – но все это пока еще подражание, а не свое искусство» (Там же).

Постепенно Каверин приобрел собственную манеру письма, но элементы гофмановской игры и гоголевского юмора ощущались и в его последующих вещах. Так, например, в новелле «Ревизор» (само название уже указывает на русского классика) герой бежит из больницы, проживает необыкновенные приключения, а все происходящее специфически преломляется в его больном воображении. «Но для автора это только

---

⁹¹ Как известно, группа «Серапионовы братья» получала свое название от романа Гофмана, в котором немецкий писатель изобразил некий литературный кружок. Фабула романа построена на беседах членов этого кружка. Молодые советские писатели стремились создать подобное братство единомышленников и перенять у Гофмана (или у его персонажей) эстетическую программу, провозглашающую то, что «искусство выше жизни, и что произведение... имеет особое, самоценное бытие, занимает место в своем мире, неподчиненном законам действительности» (Слоним 1922е: 47).

⁹² Младше В. Каверина был В. Познер, но он совсем непродолжительное время входил в кружок «серапионовцев», так как в 1921 г. вместе с семьей эмигрировал из России.

прием: мутные стекла безумия становятся кривым зеркалом действительности, отражающим ее в карикатурно-юмористическом виде. Этот юмористический, и, пожалуй, сатирический элемент и составляет своеобразную прелесть рассказа, построенного именно во внешне анекдотической манере» (М. Сл. [Слоним] 1927а: 181).

Одобрительные отзывы получили и другие произведения Каверина: повесть «Конец хазы» (1925), построенной на детективном сюжете и описывающей криминальные уголки и притоны Москвы⁹³, роман «Художник неизвестен» (1931), который советская критика называла «вылазкой классового врага» и зачислила «в разряд контрреволюционных за „идеализм в искусстве и за поддержку теорий о свободе художника“» (Аноним 1932: 93).

Несколько отличался от других «серапионовец» Константин Федин. В первой же своей статье об этой группе Слоним отозвался о нем как о последователе классиков прошлого века: «Он реалист старой школы – добросовестный и чуть-чуть тусклый» (Слоним 1922е: 53). Н. Мельникова-Папоушкова находила в прозе Федина некоторые элементы модернизма, но и по ее мнению писатель более умело и уверенно чувствовал себя в рамках канонизированного, реалистического способа наррации; перестановка сюжетных линий «не выплывает у него органически и является лишь забавным и остроумным трюком» (Мельникова 1925в: 219).

Большой интерес в эмиграции вызвал роман Федина «Города и годы» (1924), в котором автор, вопреки установке того времени выдвигать на первый план народные массы, изобразил отдельную личность – рефлексирующего, потерянного интеллигента, захваченного водоворотом событий. Мельникова-Папоушкова дала собственную трактовку этого произведения. Она указала на то, что роман построен на двух приемах: один относился к традициям классического психологического романа, второй – к манере прозы А. Белого. «Тут и постройка целых глав на чистом впечатлении, и безличные предложения, и двухмерность картины Петербурга. В связи с этими методами и язык романа не единообразен, а делает, так сказать, перебои» (Там же). Иными словами, первый прием Федину удался лучше второго, «в первом он более ощутимо и твердо улавливает стиль и темы современности» (Там же).

Как можно видеть, и в случае с К. Фединым критики ВР опять подняли тему преемственности между поколениями русских писателей. «В лице Леонова, Федина, Олеси и некоторых других прозаиков, молодая, пореволюционная русская литература

---

⁹³ См. М. С. [Слоним] 1925.

восстановила свою связь с классической традицией и в основном продолжила заветы русского романа» (Слоним 1932: 131). Но что касается художественной одаренности, то Слоним не смог поставить молодых авторов наравне с их предшественниками. И дело заключалось не в силе таланта, а в «том направлении, по которому хочет идти талантливый писатель. А для нас совершенно несомненно, что, например, Леонид Леонов идет именно к созданию психологического романа в традиции Достоевского и Толстого, освобождаясь и от скучного бытовизма, и от нелепой тенденциозности большинства произведений современной русской прозы» (Там же: 132).

Имя Леонида Леонова стало регулярно появляться на страницах литературной рубрики ВР со второй половины 20-х гг. «Неожиданным подарком» назвал С. Постников повесть Леонова «Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гуголеве Андреем Петровичем Ковякиным» (1924): «Эта повесть роднит нас с прошлым литературы, несколько напоминая манеру Щедрина и приемы Лескова. Написанная великолепным языком, эта сатира нравов выдержана в стиле сказа, причем все оттенки мысли и речи воображаемого автора „Записи“ изображены с большой меткостью» (Постников 1925а: 239).

Любопытное наблюдение высказала и Н. Мельникова-Папоушкова в отношении этой книги: «Пеной и накипью, полной нелогичностью выплеснулась революция в каком-то городишке, где не было не только видно, но и слышно ни об одном подвиге, ни об одном движении души. Полное непонимание событий и причин своего страдания. Подобный же эффект должен был бы получиться, если бы революция разыгралась среди действующих лиц „Мертвых душ“ или „Соборян“» (Мельникова 1925а: 244).

Л. Леонов, как считала Мельникова-Папоушкова, подошел к изображению революции не так, как, например, Б. Пильняк. Принадлежа к бытописателям, он передавал катаклизмы русской жизни без лишних эмоций. «Степенно, как крестьянский год», «широко, как ярмарочное похмелье» накатывает революция на глухие уголки России в повести «Петушихинский пролом» или в романе «Барсуки», без героизма и подвигов, просто «обычная жизнь по солнцевороту вдруг сдвинута с пути» (Там же: 243). Точно так же ломается жизнь и других слоев общества. В повести «Конец мелкого человека» (1924) или в пьесе «Унтиловск» (1925) писатель затрагивал тему, волновавшую и «вдохновлявшую ряд крупнейших писателей, начиная от Гоголя и кончая Чеховым или Замятиным» (М. Сл. [Слоним] 1928б: 108). Тема эта касалась

трагического положения интеллигентного человека, «не сумевшего побороть растлевающего влияния пошлости и пустоты медвежьих углов» (Там же).

Эти и другие произведения Л. Леонова позволили критикам ВР заговорить в конце 20-х гг. об отходе писателя от бытовизма в сторону психологизма, о том, что его начинает привлекать внутренний мир человека, привлекать сам по себе, вне какой-то связи с эпохой. Об этих изменениях говорил М. Слоним в рецензии на повесть «Белая ночь» (1928): «Несмотря на призыв коммунистических теоретиков к преодолению „индивидуалистического искусства“, и их борьбу против „мелко-буржуазного копания в собственной душе“, в русской литературе все сильнее намечается поворот именно в сторону „органического подхода“ к человеческим переживаниям. Леонов – наиболее крупный представитель этого направления, и каждая новая вещь писателя лишь подтверждает наше мнение о степени его одаренности» (М. Сл. [Слоним] 1929а: 109)⁹⁴.

Повышенное внимание критиков вызвал роман Леонова «Соть» (1930). Когда только первые главы этой книги начали появляться в журнале «Новый Мир», на него возлагались большие надежды, особенно памятуя успех его предыдущих произведений. Но чем дальше развивалась в повествовании производственная линия, тем невыразительнее становились персонажи, тем яснее ощущалось желание автора внести свою лепту в создание книг на производственную тему. «Вообще нити не распутаны, все торчит, и насильственная смерть двух или трех действующих лиц ничуть не улучшает положения. Леонов точно ослабел к концу своего романа, у него не хватило силы „вытянуть“, и он пошел по линии наименьшего сопротивления» (М. Сл. [Слоним] 1930б: 538).

Другой критик ВР – Н. Андреев – все-таки попытался понять, в чем же заключался замысел автора, и увидел его в стремлении показать человеческий труд и волю к творчеству. «Леонов мог показать самое главное: не блеск достижений, но стойкий пафос труда, ход новой организующей жизни, которая меняет Соть и людей в ней» (Андреев 1931: 374). Да и Слоним после всех своих замечаний в самом последнем номере ВР резюмировал: «И „Соть“, несмотря на официальный оптимизм многих ее

---

⁹⁴ Мнение Слонима не всегда было таким однозначным, иногда критик противоречил сам себе. Напр., в статье 1932 г. он писал, что «Леонов никогда не был устойчивым человеком и писателем, и всегда обнаруживал способность к некоторому приспособлению к „генеральной линии“» (Слоним 1932: 139). Однако уже на следующей странице той же статьи он отозвался о творчестве Леонова более позитивно: «Его творчество насквозь психологично и насыщено волнением и любопытством к „потайным корням человека“. Оно знаменует собою поворот в сторону искусства „большого стиля“, которым когда-то справедливо гордилась русская литература. ...Леонов, конечно, самый „традиционный“ из советских писателей: в настоящий момент он является самым ярким продолжателем гуманистической линии нашей словесности» (Там же: 140).

страниц, как и все произведения Леонова, проникнута беспокойством и тоской по настоящей человеческой правде» (Слоним 1932: 140).

В связи с усиливающимся в советской литературе неореализмом наиболее положительные отклики в ВР касались творчества И. Бабеля и Е. Замятина, причем Замятин, по словам М. Слонима, был самым видным и талантливым представителем этого направления. «Замятин – крепкий, сильный писатель. У него сжатый, экспрессионистский стиль и ядреный народный язык. Он не только беспощадный и умный сатирик..., но и художник, умеющий и построить роман („Мы“) и передать тонкие переживания любви» (М. С. [Слоним] 1922г: 86–87). Его реализм весьма оригинален. Он далек от неторопливой манеры повествования русских классиков, не было у него и «поэтически-отвлеченного рисунка» символистов. «Он не склонен ни к анализу душевных переживаний, ни к лирике тайной жизни вещей и смысла событий» (Слоним 1923б: 92). Он исходит из бытовизма. Материалом для него служит каждая мелочь реальной жизни, но эту реальность он рисует «в свете недоброй усмешки и язвительного подчеркивания» (Там же).

Слоним наблюдал у Е. Замятина ироническое видение мира. Писатель обнажал уродства обыденности и, подобно Гофману и Гоголю, доводил это уродство до крайности, так, что реальность приобретала черты фантастичности. По такому приему построен рассказ «Пещера» (1920), сравнивающий быт русских интеллигентов в послереволюционном Петербурге с пещерным существованием первобытных людей. Или в другом рассказе – «Мамай» (1920) – Петербург по ночам превращался в океан, а дома – в корабли; все приходило в движение, но был потерян курс и всякие ориентиры. И люди, как охарактеризовал Слоним персонажей рассказа «Детская» (1920), «точно тени или выходцы с того света, в безумной атмосфере жизненного неправдоподобия, несущиеся в лихорадочном темпе нарастающей катастрофы» (Там же: 94).

Главным художественным приемом Е. Замятина для Слонима являлся «имажинизм»⁹⁵. «Благодаря ему писатель и достигает тех неожиданных сравнений и того „раскрытия“ действительности под углом зрения едкого и блестящего анализа, который и составляет существо иронии» (Там же: 93). Но имажинизм у Замятина

---

⁹⁵ Немногие литературные критики связывали Е. Замятина с имажинизмом. Кроме М. Слонима, пожалуй, только А. Воронский отметил эту особенность прозы писателя. При разборе повестей «Островитяне» (1917) и «Ловец человеков» (1921), он написал: «Впервые художником дан тот отчеканенный, сгущенный стиль с тире, пропусками, намеками, недосказками, та кружевная работа над словом и поклонение слову, тот полуимажинизм, которые впоследствии сильно отразились на творчестве большинства „серапионов“» (Воронский 1982: 127).

своеобразный и всегда подчинен основному плану. В противоположность поэтическому направлению, для него прием «развертывания образа» – лишь средство «для достижения выразительности и сжатого динамизма изображения» (Там же). Кроме того, критик видел достоинство замятинской прозы в умело построенной композиции: все его произведения гармоничны, все детали в них продуманы, устранены всяческие украшения и «литературщина», преобладает драматический элемент, «стремление к остроте и полновесности стиля, к усилению и сосредоточению действия, и художественной динамике» (Там же: 94).

Реализм Исаака Бабеля был иного рода. Как писала Н. Мельникова-Папоушкова, некоторые критики видели в писателе натуралиста, с удовольствием раскрывающего перед читателем всю грязную подоплеку человеческой природы. Она же причислила Бабеля к романтикам, и здесь снова, как и при разборе творчества Замятина, возникали имена Гофмана и Гоголя: «жизненность, доведенная в искусстве до крайности, начинает представляться нам как фантастика; на этом принципе строит свои романтические вещи А. Гофман, об этом говорит Гоголь в „Портрете“» (Мельникова 1926в: 236).

Слоним также особенностью поэтики И. Бабеля считал соединение реализма с романтическими настроениями, чисто романтическое подчеркивание контрастов – «игра света и тени». «Не только зверя в человеке, но и человека в звере показывает он в своих искусных литературных офортах – и над сгущенным кошмаром дикого быта уже светлеет какой-то исход» (Слоним 1927в: 106).

Не слишком позитивно оценивая дореволюционное творчество Бабеля, Слоним называл «безделушками» рассказы о Бене Крике и нравах одесской Молдаванки. Другое дело «Конармия» – здесь Бабель проявил себя искусным техником обдуманного слова и рассчитанной композиции. «Нет в нем здорового любованья бытием, звериной жадности, воли, силы – всего, что так отличает молодых наших писателей. Какой-то пафос гибели, пессимизм революции, мрачная удрученность звериной кровавой борьбой составляют скрытую философию его рассказов» (М. Сл. [Слоним] 1925в: 154).

Примерно в таком же ключе говорила о «Конармии» и Мельникова-Папоушкова. Самым интересным и «даже замечательным» в творчестве Бабеля для нее являлось сплетение различных литературных форм и стилей, соединение, казалось бы, несоединимого. Немаловажную роль в книгах Бабеля играл и «подпорченный», полуинтеллигентский язык «с плакатными и трафаретными выражениями», на котором

говорят его герои, «причем он не введен для колорита, а входит, как нечто вполне самоценное, как жанр, в котором и осуществлены не только отдельные части произведения, но и целые рассказы» (Мельникова 1926в: 234).

В. Тукалевский в своем небольшом анализе «Конармии» высказывал мысль о том, что Бабель далеко отошел от классического реализма, от беллетристики, которую принято называть «психологической». Конечно, в прозе Бабеля психология присутствовала, но нет «ложноклассического персонажа на котурнах», который изрекал бы читателю свою философию жизни, нет «нагримированного индивидуальными проявлениями личности» персонажа, а есть живые люди. «Скажу больше – ясно и определенно в современных произведениях российских писателей на первый план выступили массы. Нет какого-либо одного героя, а вот действуют массы, говоря голосами отдельных личностей, но не героев. (Это подчеркиваю)» (Тукалевский 1924б: 231).

Выше уже упоминалось, что в 20-е гг. в советской литературе на первый план начал выдвигаться типизированный коллективный герой, и изображение психологии масс вытеснило исследование внутреннего мира каждого отдельного субъекта. Массы, собирательный образ народа, стал главным героем произведений таких авторов, как Д. Фурманов, А. Фадеев, А. Серафимович, Ф. Панферов, Ф. Гладков, А. Макаренко и многих других, характерно это и для некоторых вещей Б. Пильняка и Вс. Иванова, о чем было сказано ранее. Остановимся еще на одном писателе, популярном в те годы, – Артеме Веселом⁹⁶, – который также «порвал с традицией прошлого большого искусства, остался с одним голым „коллективом“, с толпой революционных солдат, матросов, партизан, – и сумел в этой пустыне создать несколько значительных вещей» (Б. С. [Сосинский] 1928: 124).

О А. Веселом критики ВР всегда отзывались как о ярком, своеобразном даровании и выделяли его среди других молодых советских прозаиков, причем в конце

---

⁹⁶ Так как сейчас этот, некогда популярный, писатель мало кому известен, приведу несколько сведений о нем, взятых из библиографического словаря «Русская литература XX века»: настоящее имя Веселого – Кочуров Николай Иванович. Родился он в 1899 г. в Самаре в семье волжского крючника; был первым грамотным в роду. С 14 лет работал. В марте 1917 вступил в большевистскую партию, был агитатором, сотрудничал в большевистских газетах. В октябре 1917 стал бойцом Красной Гвардии; в июне 1918 участвовал в боях с чехословацкими легионерами; был ранен. В 1920–21 сотрудничал в РОСТА, редактировал газету на агитпоезде. Демобилизовавшись из армии, поступил в Высший литературно-художественный институт им. В. Брюсова, а затем в Московский университет. Вместе с А. Платоновым, А. Жаровым и др. организовал группу «Молодая гвардия», которая объединяла комсомольских писателей и поэтов. В 1923–26 участвовал в литературной группе «Перевал»; в 1929 вступил в РАПП. В 1937 началась травля писателя в советской прессе. В октябре 1937 писатель был арестован и позже расстрелян (См. Грознова 2005).

20-х гг. М. Слоним отмечал «последовательный рост» таланта Веселого, что обычно редко наблюдалось у пролетарских писателей: «Он стал проще и яснее, он отошел от той своей стилистической манеры, в которой он давал волю словесному озорству, тому, что мы назвали „словесной метелью“. Вместе с большей сжатостью и отчетливостью пришла и большая продуманность» (М. Сл. [Слоним] 1929а: 112–113). Главной темой его произведений были революционные события, а что касается стилистики, то обычно писателя относили к орнаментальной школе. Его авторскими методом был сказ и эмоциональный, оригинальный язык повествования.

Детальных анализов произведений А. Веселого, к сожалению, журнал не дал, но следил за новинками и периодически анонсировал его отдельные романы и рассказы и даже напечатал для знакомства со стилем писателя пару страниц из его романа «Страна родная» (1926). В этом отрывке видны все основные художественные приемы Веселого: у него нет героев, но «движется и волнуется крестьянская и красноармейская масса... Революционную вольницу, многоголосую и звериную, со всеми ее несообразностями и жестокостями, с ее стихийным гневом и жаждой правды – показывает Артем Веселый. И показывает так, что играет каждая краска на этом огромном, размашисто – по-ухарски написанном полотне» (Слоним 1927а: 123).

Появившуюся в советской литературе народную массу можно было воспринимать как единый образ, но любая масса состоит из отдельных индивидуумов, и некоторые писатели не отказывались от изображения явлений частного порядка. Эту особенность Н. Мельникова-Папоушкова отметила в творчестве писательницы Лидии Сейфуллиной, выбравшей для себя тему судьбы обычной женщины-крестьянки: «Сейфуллина в прозе, как Ахматова в стихах при всем художественном напряжении остаются и сами женственными и героинь своих не маскируют. Большую роль играет у них у всех инстинкт, стихийное чувство женственности, этому они, верно, научились у земли, на которой выросли» (Мельникова 1925б: 222).

Красочно Л. Сейфуллина описывала жизнь русской деревни после революции, однако революция у нее была как бы отодвинута на задний план, она лишь причина того, что привычная жизнь «сорвана со старой оси». Присутствовали в прозе Сейфуллиной и террор, и ужасы гражданской войны, но они «теряют под ее пером отвратительную ощутимость газетного репортажа и приобретают художественную легкость и прозрачность. Она умеет делать то чудо, которое требует настоящее

искусство, дематериализировать обычное явление до степени неразложимой реальности» (Там же: 220).

Эту главу мне бы хотелось закончить тремя классиками советской литературы, имена которых также появлялись на страницах ВР, – М. Горьким, Ал. Толстым и И. Эренбургом. Все трое некоторое время провели в эмиграции⁹⁷, а вернувшись, вынуждены были приспособливаться к новым условиям или, как выразился М. Слоним в адрес Алексея Толстого, стать «собратом Демьяна Бедного». В связи с Толстым замечу, что все его произведения подвергались острой критике в ВР, один только роман «Петр I» (1929–1945) удостоился более-менее положительных оценок. В вину Толстому ставили то, что он никогда не был новатором духа и стиля, всегда считался ревнителем традиций, а главное – он никогда не был идейным человеком или писателем. Он легко отказался от своих монархических взглядов и записал себя в сторонники коммунизма, что позволило многим усомниться в искренности этого поступка. «Не монархист и не большевик, конечно: попросту анекдотист. Ал. Толстой – мастер анекдота. Этим определяются и его достоинства и недостатки» (Слоним 1924б: 162).

Говоря об анекдоте, Слоним имел в виду краткие жанры, в которых существенную роль играет случай, забавный эпизод. Крупные эпические произведения Толстому не удавались, а самой большой неудачей писателя Слоним предлагал признать роман «Хождение по мукам» (1922–1941): «„Хождение по мукам“ – иллюстрация того, что дозволено Толстому-писателю, и что запрещено ему на всю жизнь богами поэзии. <...> То, о чем он рассказывает – занимательно, – но не очаровывает той всечеловеческой правдой, тем высшим проникновением мудрого ума и трепетного сердца, которые превращают творение искусства в богатейший источник эмоций и идей» (Там же: 167–168).

Без особого восторга были приняты и попытки Ал. Толстого перейти в приключенческий жанр и в жанр «революционной фантастики». «Типично халтурным» был назван роман «Черное золото» (1931), описывающий русскую эмиграцию в традициях европейской авантюрной литературы. По всем канонам бульварного чтива, как было отмечено в одной из рецензий, Толстой «населил» свой роман таинственными

---

⁹⁷ О пребывании Горького за границей упоминалось в гл. 3. Толстой находился в эмиграции недолго – до 1923 г.; Эренбург до начала II мировой войны имел возможность подолгу жить в Европе и был, по словам Н. Мельниковой-Папоушковой, «лишь принципиально считающийся советским писателем» (Мельникова 1929: 91). Тем не менее в историю литературы он вошел как советский писатель, поэтому рецензии критиков ВР на его произведения помещены в данную главу.

организациями «белых», нефтяными магнатами, виллами с тайными ходами, в общем в книге присутствовала «вся бутафория второразрядного фильма, скомпонованного опытным режиссером на потребу и потеху широкой и невзыскательной публики» (Аноним 1932: 93).

В подобном бульварном ключе выделялся критикам и роман И. Эренбурга «Лето 1925 года» (1926): та же «гнилая» эмиграция, тот же бесчувственный Запад, та же претензия на документальность повествования, как и в случае с романом Ал. Толстого. Для разнообразия еще и добавлен «крепкий и честный коммунист, который благодаря своей наивности попадает в сети хитрой кокетки и который гибнет от предательского выстрела (так сказать, противопоставление России и Запада)» (Мельникова 1926г: 173), и все это взято с единственной целью: оно должно «действовать своей примитивностью на примитивного же читателя» (Там же).

Более позитивно Мельникова-Папоушкова отзывалась о «хронике нашего времени», книге-репортаже «10 Л. С.» (1929) и романе «В Проточном переулке» (1927). В последнем она видела приметы того, что автор «вступил на традиционный путь русской художественной литературы». До того момента, по мнению критика, не было в русской словесности, кроме Эренбурга, писателя, который писал бы по-русски, но при этом был бы совершенно чужд отечественной литературе. «И вдруг „В Проточном переулке“ у этого писателя, не признающего ни родных, ни знакомых, произошло просветление, он вспомнил о прекрасном и неисчерпаемом источнике, из которого лишь сравнительно недавно стала черпать современная русская литература – о Н. В. Гоголе» (Н. М. П. [Мельникова] 1927: 215).

Что касается остальных критиков ВР, то их оценки творчества И. Эренбурга иногда сильно различались между собой. В 1922 г. В. Архангельский тепло отзывался о сборнике рассказов «Неправдоподобные истории» (1921)⁹⁸, но уже в следующем году М. Осоргин назвал роман «Жизнь и гибель Николая Курбова» (1922) неприятным и скучным, с «шаблонно-вымученной завязкой и развязкой, извращенно рисующий жизнь и мелко ее воспринимающий» (Осоргин 1923: 92). Б. Сосинский в 1927 г. обвинял писателя в том, что став маститым и плодовитым, он «превратился в нечто статическое, каноническое и шаблонное» (Б. С. [Сосинский] 1927а: 181), а для С. Постникова только роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922) являлся книгой «с солью и перцем», «верноподданнические» же вещи Эренбурга, как,

---

⁹⁸ См. В. Архангельский, *Большевистский быт* (1922, № 8).

например, его роман «Рвач» (1925), он означил за тенденциозные и бедные. «Но при всей своей верноподданности у Эренбурга есть какая-то смердяковщина, которая и в положительные его типы вносит то, что лишает их какой-либо человеческой красоты. Нет ничего святого, на что бы Эренбург тайком или открыто – особенно, если это нравится власти, – не плюнул. <...> Талантлив, но циничен», – заключает критик (Постников 1926а: 191).

Совсем другая ситуация наблюдается в отзывах сотрудников ВР на произведения Максима Горького, правда, все эти статьи появились до того, как писатель стал регулярно посещать СССР и публично восхвалять достижения социалистического строительства.

Первую послеоктябрьскую декаду Горький провел за границей и вел там активную культурную деятельность, и для советской печати это была скорее персона неудобная и одиозная. Однако и некоторые эмигрантские круги смотрели на писателя с подозрением. «Защитником революции» считали его Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Бунин, А. Яблоновский. Как написал в одной из своих статей М. Слоним, «травля Горького считается хорошим тоном зарубежной печати» (Слоним 1924а: 61). Сам же критик с одной стороны признавал, что Горький совершал поступки неумные и политически вредные, но с другой – отдавал должное писателю как большому художнику и призывал «прекратить постоянное пошлое зубоскальство над Горьким и понять, что Горький-художник принадлежит не коммунистической партии, а всей мыслящей и культурной России» (Там же: 62). По сведениям Т. Петровой, Слоним принадлежал к тем эмигрантским критикам (она упоминает также Г. Адамовича, Ф. Степуна, Н. Оцуца), которые обращались к осмыслению всех новейших произведений Горького, стремились понять место писателя в «смене художественных вех», проявляли интерес «к взаимодействию в его творчестве разных стилей – реализма и модернизма» (Петрова 2010: 78).

В ВР чаще всех о Горьком писал Д. Лутохин. Превосходными назвал он воспоминания писателя, напечатанные в Берлине в 1924 г., а цикл рассказов 1922–1924 гг. – «художественным подвигом»⁹⁹. Самых восторженных его комментариев удостоился и роман-эпопея «Дело Артамоновых» (1925): «Какая сила крепкого, соленого языка, где каждое слово – как в песне – не поддается замене, где каждый образ запечатлевается у читателя; какая сгущенность повествования, впитавшего

---

⁹⁹ См. Д. Лутохин, *М. Горький. Записки из дневника. Воспоминания* (1924, № 6-7); *Речи медика о труднорабочем* (1925, № 4).

многолетние наблюдения и думы, какая прозорливость в души человеческие» (Лутохин 1926а: 161).

Заканчивая обзор статей, посвященных советской литературе, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что сотрудники ВР неизменно критиковали действия большевистских властей. Правда, иногда у них находились точки соприкосновения. Так Слоним признавал правоту большевиков в том, что они требовали от писателей обращения к современности, к новой действительности, к психологии нового человека. По мнению Слонима, мир, в котором они жили, отмечен «печатью коллективизма» – «связанностью индивидуума с целым», а потому «все явственнее выступают те переживания и интересы личности, определяемые общими явлениями, которых почти не знала литература даже начала XIX века» (Слоним 1928в: 71). В связи с этим критику было понятно желание пролетарских писателей уйти от изображения любовных переживаний и обратиться к описанию завода или радиостанции, только делали они это неумело: «их социальное и коллективное искусство не превращается в художественную конкретность и беспомощно повисает книжной формулой» (Там же: 71). Но главная проблема советского писателя заключалась в том, что творили они в несвободных условиях. В каждую эпоху государственный аппарат стремился повлиять на искусство, но лишь советские правители «хотят культуру использовать, отведя ей определенное назначение в своем „плановом хозяйстве“, – и если они так много говорят и пишут о ней и так часто бьют тревогу о „прорывах культурного фронта“, то это только потому, что никак нельзя беспокойную и своенравную стихию художественного творчества подчинить твердым правилам коммунистического поведения» (Там же: 66).

Из обзора статей, посвященных советской литературе, видно, что вне зависимости от оценок критиков ВР отдельных сочинений того или иного автора, во главу угла ставилось стремление советских писателей отобразить новую действительность, найти особые способы выражения, нетрадиционные художественные приемы и главное, как писал Слоним, она была жива несмотря на политику диктата большевистской власти в культурной сфере, «а если есть жизнь, значит есть и развитие, рост, обновление» (Слоним 1922г: 11).

Заключение

Владимир Тукалевский в одной из своих статей так охарактеризовал эмигрантскую прессу: «О чем писали? Кто писал? Эти вопросы будет ставить историк российской революции, изучая творчество русских интеллигентов, оказавшихся „за рубежом“. <...> Не обвинять, а расценивать, квалифицировать, измерять ее пафос, ее любовь и ненависть, ее жажду возвращения на родину. Эти мысли приходят – ибо других эмоций эмигрантская журналистика не вызывает» (Тукалевский 1924а: 241). Одной из целей предлагаемой работы было показать, что наследие эмиграции первой волны предоставляет самый разнообразный материал для научного исследования. В полной мере это относится и к пражскому журналу «Воля России». В ходе работы я сосредоточила свое внимание главным образом на литературно-критических публикациях, но журнал также может быть интересен для историка, политолога, социолога, даже для лингвиста, так как на его страницах поднимались вопросы, касающиеся новой орфографии русского языка, засилья разговорной лексики в художественных произведениях, велись дебаты по этому поводу с другими эмигрантскими изданиями¹⁰⁰. В связи с этим необходимо отметить, что многие темы, затронутые мною в работе, требуют дальнейшего более глубокого анализа. Прежде всего, это относится к нескольким, на мой взгляд, перспективным областям исследования: во-первых, литературоведов могли бы заинтересовать молодые авторы русского зарубежья, с которыми сотрудничала ВР, такие как В. Варшавский, название одной из книг которого – «Незамеченное поколение» – стало нарицательным для его генерации, члены пражского литературного объединения «Скит» и кружка «Далиборка» В. Федоров, Вяч. Лебедев, А. А. Эйснер, поэты – В. Морковин, К. Набоков, «парижане» – А. Гингер, Д. Кнут, В. Андреев, А. Ладинский, В. Познер, Ю. Терапиано, М. Струве, Б. Божнев и др.

Сам факт сотрудничества ВР с молодежью (и с более опытными, уже прославленными писателями-эмигрантами) явился лишним доказательством того, что критики журнала ориентировались не только на советское искусство (в чем не раз упрекали М. Слонима и его коллег), но и были неравнодушны к судьбе зарубежной ветви отечественной литературы: знакомили читателей с новинками, освещали позитивные явления в культурной жизни русской диаспоры, надеялись на ее

---

¹⁰⁰ См., напр.: М. Слоним, *Литературные отклики* (1926 № 8-9); М. С. [Слоним], *Блатной язык* (1925, № 9-10); Аноним, *О языке в эмигрантской печати* (1929, № 4).

дальнейшее развитие и совершенствование. Этим темам я касаюсь в своей работе, но хотелось бы подчеркнуть, что мною разобрана лишь малая часть всего того, что было напечатано в ВР. К тому же произведения молодых авторов интересны (как это показал мой краткий анализ поэм А. Эйснера и Вяч. Лебедева) и с точки зрения сравнительного и общего литературоведения: в контексте истории отечественной и мировой литературы, жанровой специфики, тематики, содержания и формы, особенностей стихосложения и т. п.

Во-вторых, я лишь наметила некоторые точки соприкосновения между советской критикой и литературно-критическими публикациями ВР. Предполагаю, что изучение советской прессы могло бы дать больше материала на эту тему.

В-третьих, сотрудничество редакции журнала с западноевропейскими и чешскими писателями и политическими деятелями в основном осталось за рамками моей работы. Кроме уже отмеченных мною ранее сочинений иностранных авторов, в журнале были опубликованы поэма «Христос и пахарь» И. Голечека (1923 № 6-7), отрывок из книги М. Пуймановой «Роман школьного класса» (1922, № 22), рассказы французского поэта и драматурга Ш. Вильдрака (Vildrac) (1924, № 18-19) и др. Часто упоминаемые мною «Современные записки» за двадцать лет своего существования не опубликовали ни одного художественного произведения иностранного автора (переводы стихов Омара Хайяма, я думаю, можно не считать). Если говорить о критике, то сравнение рецепции иностранной художественной литературы со стороны эмигрантских критиков представляется мне весьма любопытной темой для будущих исследований.

Из статей общественно-политической тематики можно выделить статью «Возвращение варваров» итальянского профессора Г. Ферреро (Ferrero), посвященную упадку западной цивилизации (1924, № 1-2), сравнение французской и русской революций, сделанное историком А. Оларом (Aulard) в очерке «Две революции» (1923, № 20). В рубриках, освещающих современные события мировой жизни, были напечатаны, например, статьи «Национальный вопрос в Чехословакии» члена социал-демократической рабочей партии ЧСР И. Стивина (1922, № 3), «Южное славянство и Болгария» болгарского политика Косты Тодорова (1926, № 2), «Рабочее движение в Великобритании в 1921 г.» британского лейбориста Ф. Сноудена (Snowden) (1922, № 2) и многие другие. Для историка русской эмиграции также могли бы быть полезны очерки и аналитические статьи ВР, посвященные жизни русской диаспоры, в первую

очередь в ЧСР. ВР содержит в себе и массу информации, спадающую до области истории русских политических партий, общественных движений и русского философского мышления.

Подводя итог моего собственного исследования, хотелось бы отметить, что отобранный мною материал в целом, как мне кажется, воссоздает общую картину деятельности литературной рубрики журнала, отражает художественно-эстетические вкусы и основные направления критической мысли его редакции. Однако, как указывалось ранее, в деятельности редакции обнаруживаются и некоторые недочеты. А. Зверев, например, считает, что «культурологический уровень выступлений „Воли России“, обращенных ...к сложным проблемам русского культурного наследия, оставался сравнительно невысоким. Ни А. Бем¹⁰¹, ни В. Францев в журнале не печатались, Е. Ляцкий появлялся лишь эпизодически, и тем самым интеллектуальный потенциал русской Праги остался почти не реализованным в этом издании» (Зверев 2000: 80). Я бы согласилась со Зверевым только в вопросе нереализованного потенциала диаспоры, проживающей в ЧСР. На память сразу же приходит фигура А. Аверченко, чье творчество осталось без внимания. Но стратегия редакции ВР при выборе сотрудников и авторов – это еще одна тема, которой я хоть и касалась в своей работе, но без углубления в детали по каждому конкретному случаю. Что касается проблем культурного наследия, то здесь я, пожалуй, со Зверевым не соглашусь.

Я уже отмечала во второй главе своей работы, что важнейшей чертой интеллектуальной среды русского зарубежья было ясное осознание необходимости чтить и беречь традиции отечественной словесности, являющейся для всех беженцев, независимо от их политических взглядов, некой духовной опорой. Лого- и литературоцентричная – в основе своей – русская интеллигенция именно через исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение культурные ценности определяла свою «русскость», к проблеме сохранения которой сотрудники ВР, наравне с другими представителями эмигрантской культурной элиты, проявляли повышенное внимание.

Такой подход к изучению литературного наследия, по словам теоретика постколониализма Эдварда Саида, характерен для эмигрантских сообществ, считающих культуру неотъемлемым критерием национальной идентичности: «Nationalism is an assertion of belonging in and to a place, a people, a heritage. It affirms the

---

¹⁰¹ Одна рецензия А. Бема все же была опубликована в ВР. См. Бем 1923.

home created by a community of language, culture, and customs; and, by so doing, it fends off exile, fights to prevent its ravages» (Саид 2000: 176). Другими словами, сохранение национальной принадлежности через культуру помогает справиться с последствиями потери родины. Но слишком обостренное чувство значимости своей национальной принадлежности, особый пиетет только к отечественной культуре, как писал Саид в том же эссе об изгнании, имеет негативные стороны: рост национального высокомерия и слабая интеграция в местные общества. Как отмечал С. Постников, здоровое чувство уважения к собственной культуре «нельзя смешивать с самовлюбленностью на национальной почве и с отчужденностью от всякой другой культуры. Шовинистические чувства и различные китайские стены – явления ретроградные, и культуре всякого народа наносят только ущерб, а при известных условиях способствуют смерти этой культуры» (Постников 1925а: 232). Мысли о необходимости интеграции высказывали и другие сотрудники ВР, а их явная прозападная позиция проявилась, например, в анализе поэм Вяч. Лебедева и А. Эйснера, сделанном М. Слонимом. Косвенно, и сотрудничество с иностранными авторами можно считать желание редакции не замыкаться в узком эмигрантском кругу. Следуя установкам эсеровской партийной линии, журнал защищал либеральные идеи и ориентацию на европейские культурные ценности. В одной из своих статей М. Слоним критиковал всякие проявления изоляционизма и так оценивал состояние современного мира: «Мы переживаем сейчас процесс универсализации культур. Усиливаются не только связи, но и общение и проникновение прежде замкнутых миров. И подобно тому, как все сложнее и внутренне связаннее становится ткань экономических и политических взаимоотношений между всеми странами мира – расширяются и рамки духовной культуры, увеличивается обмен, исчезает гегемония отдельных национальных культур» (Слоним 1922ж: 19–20). Можно предположить, что критическое отношение к эмигрантской культурной жизни основывалось на идеологических установках редакции ВР. Общеэмигрантские полемики на литературные темы, так или иначе, касались и политических вопросов: способов существования литературы в условиях изгнания (в отрыве от читателя, родного языка, российской действительности), поиска новых тем, смены поколений, проблемы возвращения на родину, способов сотрудничества с советской властью, будущего обустройства России.

По данным вопросам журнал имел свою собственную позицию. Не разделяя упаднических, даже порой эсхатологических настроений некоторых других

эмигрантских изданий, и уж тем более отвергая возможность реставрации старого режима, редакция ВР не поддерживала и идею признания большевиков, с которой выступали «сменовеховцы» в начале 20-х гг., и концепцию уникальности «русского пути», которую провозглашали евразийцы. Но, с другой стороны, их настойчивые призывы к взаимодействию с советской культурой и искусством носили если не утопический, то мало осуществимый характер. Положительным обстоятельством можно считать лишь тот факт, что ВР внимательно следила за культурной жизнью метрополии и знакомила с ней эмигрантское сообщество. А кроме того, идея о единстве двух ветвей русской литературы – советской и эмигрантской – была, как показало время, целиком оправданной.

Исторически так сложилось, что деятельность ВР пришлась на неоднозначный, но во многих отношениях интересный период: от военного коммунизма и НЭПа страна перешла к коллективизации, индустриализации и плановой экономике; за сравнительно короткий срок произошла перестройка в сознании и мировоззрении граждан огромной страны. При этих обстоятельствах интерес к Советскому Союзу, которым отличался журнал, понятен. Эмигранты не могли не следить за событиями, происходящими на родине, а кроме того, как я уже отмечала в своей работе, 20-е гг. «несмотря на бедствия, начинались в обстановке духовного подъема. Он сказывался в России, веянье его чувствовалось и в эмиграции. Гораздо сумрачнее начало 1930-х годов» (Савицкий 1931: 51). Ни в коей мере не опровергая оценку курса ВР как, в определенном смысле, просоветского, я бы все-таки учитывала эти внешние факторы и предложила бы воспринимать его не столько просоветским, сколько просоциалистическим и прореволюционным. Защита революции и единственно возможного для России социалистического пути развития, который отстаивали члены партии эсеров, могла быть для части эмиграции неприемлема (она и по сей день, видимо, влияет на оценку деятельности журнала, а между тем эти два слова – социалистический и революционный – заложены в самом названии партии).

ВР всегда делала упор на демократические ценности, свободу личности и свободу слова. Когда один из откликов А. Эйснера на произведения И. Бунина¹⁰² вызвал волну негодования в эмигрантской прессе, журнал встал на защиту молодого критика, хотя его статья и сопровождалась примечанием, в котором сообщалось, что редакция не разделяет всех [Подчеркнуто мною – А. И.] оценок автора. «[К]ак бы ни

---

¹⁰² См. А. Эйснер, *Прозаические стихи* (1929, № 12).

относиться по существу к статье Эйснера, написанной в чисто литературной плоскости, „Воля России“ была в данном случае совершенно права в своей защите критической свободы своего сотрудника» (Струве 1996: 61).

Что касается художественных предпочтений редакции журнала, то здесь ясно прослеживается приверженность критиков ВР к новому, «народному», языку повествования, ясности формы и содержания, преобладанию народного элемента и «массы» в произведениях советских авторов. Вера в русский народ не оставила эсеров и в эмиграции, как не исчезла и их вера в революцию. Глубокая убежденность в то, что лишь радикальными способами можно прийти к демократии и свободе, привела к тому, что, даже отвергая методы большевиков, они продолжали искать под «мертвящей оболочкой диктатуры коммунистической партии... пробуждение новых жизненных токов» (Аноним 1927а: 155), считали, что на родине (а не в эмигрантской среде) «не только сохранили они [писатели] искусство от окончательного разгрома, но и сумели поддержать в нем жажду развития, то стремление к новым достижениям, которые и творят жизнь литературы, образуют вечную динамику искусства» (Слоним 1925б: 174–175). Таким образом, лозунг «повернуться лицом к России» стал органичным для народнического мировоззрения эсеров, для свойственной им романтизации революции и гипертрофированной веры в творческий потенциал русского народа.

Библиографический список использованной литературы

Периодические издания межвоенного периода

Воля России:

Ал. Н. 1931: Журнальная беллетристика («Современные записки», № 45) // *Воля России*. – 1931. – № 3-4. – С. 375–378.

АНДРЕЕВ 1931: Андреев, Н. Е., О «Соти» Леонова // *Воля России*. – 1931. – № 3-4. – С. 371–374.

АНДРИАНОВ 1930: Андрианов, М., Стихи Н. Асеева // *Воля России*. – 1930. – № 11-12. – С. 1052–1054.

АНОНИМ 1922а: Литературная хроника // *Воля России*. – 1922. – № 1. – С. 22–23.

АНОНИМ 1922б: Искусство старое и новое // *Воля России*. – 1922. – № 6. – С. 23.

АНОНИМ 1922в: Вопросы русской эмиграции. Анкета среди политических деятелей Чехословакии // *Воля России*. – 1922. – № 8. – С. 15–17.

АНОНИМ 1922г: Печать в России // *Воля России*. – 1922. – № 10. – С. 22.

АНОНИМ 1922д: Рост издательского дела в России // *Воля России*. – 1922. – № 14. – С. 20–21.

АНОНИМ 1927а: Пятилетие «Воли России» // *Воля России*. – 1927. – № 3. – С. 150–156.

АНОНИМ 1929а: Бунин о Сологубе // *Воля России*. – 1929. – № 8-9. – С. 205–206.

АНОНИМ 1929б: Дело Пильняка и Замятина // *Воля России*. – 1929. – № 10-11. – С. 189–193.

АНОНИМ 1929в: Литературная хроника // *Воля России*. – 1929. – № 12. – С. 133–138.

АНОНИМ 1930а: ЛЕФ, РЕФ и блефф // *Воля России*. – 1930. – № 2. – С. 192.

АНОНИМ 1930б: Примечание редакции // *Воля России*. – 1930. – № 11-12. – С. 903.

АНОНИМ 1932: Литературная хроника // *Воля России*. – 1932. – № 1-3. – С. 88–93.

АРАТОВ Б. [СЛОНИМ] 1922: Слоним, М. Л., Русские журналы за границей // *Воля России*. – 1922. – № 18. – С. 23–24.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ 1923: Архангельский, В. Г., Из мира блужданий // *Воля России*. – 1923. – № 10. – С. 55–65.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ 1926: Архангельский, В. Г., Современная деревня в художественной литературе // *Воля России*. – 1926. – № 5. – С. 172–186.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ 1928: Архангельский, В. Г., Коммунистические критики и советская литература // *Воля России*. – 1928. – № 1. – С. 158–165.

Б. А. [СЛОНИМ] 1923: Слоним, М. Л., К. Бальмонт. Воздушный путь. Из-во «Огоньки». Берлин 1923 // *Воля России*. – 1923. – № 11. – С. 89–90.

БАХРАХ 1923: Бахрах, А. В., Алексей Ремизов. «Пляс Иродиады» // *Воля России*. – 1923. – № 1. – С. 91–92.

БЕМ 1923: Бем, А. Л., Осип Манделштам «О природе слова» // *Воля России*. – 1923. – № 6-7. – С. 159–160.

- Б. С. [СОСИНСКИЙ] 1927а: Сосинский, Б. Б., И. Эренбург. Рассказы. Изд. «Огонек» Москва 1926 г. // *Воля России*. – 1927. – № 2. – С.180–182.
- Б. С. [СОСИНСКИЙ] 1927б: Сосинский, Б. Б., Иванов «Бразильская любовь» // *Воля России*. – 1927. – № 7. – С. 179–181.
- Б. С. [СОСИНСКИЙ] 1928: Сосинский, Б. Б., Артем Веселый «Дикое сердце» // *Воля России*. – 1928. – № 3. – С. 124–126.
- В. А. 1925: Что читает эмиграция? // *Воля России*. – 1925. – № 9-10. – С. 210–213.
- В. С. [СУХОМЛИН] 1922: Сухомлин, В. В., От редакции // *Воля России*. – 1922. – № 5 (33). – С. 32–33.
- Г. Г. 1930: Анатолий Мариенгоф «Бритый человек» // *Воля России*. – 1930. – № 5-6. – С. 547–548.
- ГЕЦ 1927: Гец, Ф., Конец пролетарской поэзии в Чехии // *Воля России*. – 1927. – № 3. – С. 139–149.
- ДАНИЛОВ [КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА] 1924: Кузьмина-Караваева, Е. Ю., Последние Римляне // *Воля России*. – 1924. – № 18-19. – С. 103–124.
- Д. Р. 1928: Борис Пастернак «1905 год» // *Воля России*. – 1928. – № 1. – С. 168–170.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1923а: Зноско-Боровский, Е. А., Творческий путь Анны Ахматовой // *Воля России*. – 1923. – № 10. – С. 66–81.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1923б: Зноско-Боровский, Е. А., Заметки о русской поэзии: Борис Пастернак // *Воля России*. – 1923. – № 18. – С. 61–69.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1924: Зноско-Боровский, Е. А., Заметки о русской поэзии // *Воля России*. – 1924. – № 3. – С. 95–98.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1926: Зноско-Боровский, Е. А., Парижские поэты // *Воля России*. – 1926. – № 1. – С. 153–162.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1930: Зноско-Боровский, Е. А., «Ревизор» у Мейерхольда // *Воля России*. – 1930. – № 7-8. – С. 629–639.
- ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ 1931: Зноско-Боровский, Е. А., Эволюция вкуса // *Воля России*. – 1931. – № 5-6. – С. 457–461.
- ЛЕБЕДЕВ 1926а: Лебедев, В. И. Жгучий вопрос эмиграции // *Воля России*. – 1926. – № 5. – С. 121–128.
- ЛЕБЕДЕВ 1926б: Лебедев, В. И., О ренессансах, сухопарых бегунах, плацдармах и народничестве // *Воля России*. – 1926. – № 12-1. – С. 60–77.
- ЛЕБЕДЕВ 1929: Лебедев, В. И., В России // *Воля России*. – 1929. – № 10-11. – С. 3–36.
- ЛЕБЕДЕВ 1930: Лебедев, В. И., В России // *Воля России*. – 1930. – № 2. – С. 97–110.
- ЛЕБЕДЕВ Вяч. 1931: Лебедев, В. М., Поэзия и современность // *Воля России*. – 1931. – № 3-4. – С. 314–320.
- ЛЕОНИДОВ 1927а: Леонидов, А., «Красная Новь», книга одиннадцатая, ноябрь, Госиздат // *Воля России*. – 1927. – № 2. – С. 179–180.

- ЛЕОНИДОВ 1927б: Леонидов, А., «Напостовцы»: На литературном посту № 7–8, 1926 г. // *Воля России*. – 1927. – № 2. – С. 183–184.
- ЛЕОНИДОВ 1928: Леонидов, А., Н. Тихонов. Красные на Араксе – Дорога – Лицом к лицу // *Воля России*. – 1928. – № 3. – С. 123–124.
- ЛУТОХИН 1925: Лутохин, Д. А., Литературная Мысль. Альманах // *Воля России*. – 1925. – № 12. – С. 174–175.
- ЛУТОХИН 1926а: Лутохин, Д. А., Вешняя книга: «Дело Артамоновых» М. Горького // *Воля России*. – 1926. – № 4. – С. 161–165.
- ЛУТОХИН 1926б: Лутохин, Д. А., Оргия пошлости // *Воля России*. – 1926. – № 6-7. – С. 217–228.
- ЛЯЦКИЙ 1922: Ляцкий, Е. А., Художественная стихия в творчестве Ф. Достоевского // *Воля России*. – 1922. – № 4 (32). – С. 41–49.
- МАНН 1922а: Манн, Т., Гете и Толстой // *Воля России*. – 1922. – № 18. – С. 13–16.
- МАНН 1922б: Манн, Т., Гете и Толстой // *Воля России*. – ВР 1922. – № 19. – С. 8–12.
- МАРГОЛИН 1928: Марголин, Ю. Б., Заметки о Пушкине // *Воля России*. – 1928. – №1. – С. 72–105.
- МАРДВИНОВ 1927: Мардвинов, А., «Новый корабль». Литературный журнал. № 1. Париж. 1927 // *Воля России*. – 1927. – № 11-12. – С. 293–294.
- МЕЛЬНИКОВА 1925а: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., Леонид Леонов // *Воля России*. – 1925. – № 1. – С. 241–245.
- МЕЛЬНИКОВА 1925б: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., Творчество Л. Сейфуллиной // *Воля России*. – 1925. – № 4. – С. 216–224.
- МЕЛЬНИКОВА 1925в: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., Константин Федин «Города и годы» // *Воля России*. – 1925. – № 9-10. – С. 218–219.
- МЕЛЬНИКОВА 1925г: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., З. Н. Гиппиус – Живые лица. (I и II вып.). «Пламя», Прага, 1925 год. // *Воля России*. – 1925. – № 11. – С. 216–218.
- МЕЛЬНИКОВА 1926а: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., «Благонамеренный» (журнал русской литературной культуры. Книга I-ая – январь-февраль 1926 г. Брюссель. 175 стр.) // *Воля России*. – 1926. – № 3. – С. 200–202.
- МЕЛЬНИКОВА 1926б: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., О «Благонамеренном» // *Воля России*. – 1926. – № 5. – С. 194–195.
- МЕЛЬНИКОВА 1926в: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., «Конармия» // *Воля России*. – 1926. – № 8-9. – С. 234–236.
- МЕЛЬНИКОВА 1926г: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., Илья Эренбург: Лето 1925 года // *Воля России*. – 1926. – № 10. – С. 171–173.
- МЕЛЬНИКОВА 1927а: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., Третья фабрика // *Воля России*. – 1927. – № 3. – С. 187–189.
- МЕЛЬНИКОВА 1927б: Мельникова-Папоушек, Н. Ф., Е. Б. Вахтангов // *Воля России*. – 1927. – № 5-6. – С. 103–113.
- МЕЛЬНИКОВА 1929: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., Последнее открытие Европы или «наши заграницей» // *Воля России*. – 1929. – № 2. – С. 85–102.

МИЛОСЛАВСКИЙ 1925: Милославский, П., Русская книга за рубежом в 1924 г. // *Воля России*. – 1925. – № 2. – С. 239–241.

М. С. [СЛОНИМ] 1922а: Слоним, М. Л., Обзор журналов: «Современные записки» – декабрь; «Русская Мысль» – август-сентябрь; «Сполохи» – январь // *Воля России*. – 1922. – № 4. – С. 23–24.

М. С. [СЛОНИМ] 1922б: Слоним, М. Л., Петербургский Сборник 1922 // *Воля России*. – 1922. – № 9. – С. 22–23.

М. С. [СЛОНИМ] 1922в: Слоним, М. Л., Марина Цветаева. Разлука // *Воля России*. – 1922. – № 13. – С. 24.

М. С. [СЛОНИМ] 1922г: Слоним, М. Л., Среди книг и журналов: Литературный обзор // *Воля России*. – 1922. – № 1 (29). – С. 84–88.

М. С. [СЛОНИМ] 1925: Слоним, М. Л., Альманах «Ковш» // *Воля России*. – 1925. – № 6. – С. 207–208.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1925а: Слоним, М. Л., Последние стихи Брюсова // *Воля России*. – 1925. – № 2. – С. 234–236.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1925б: Слоним, М. Л., Альманах «Прибой» // *Воля России*. – 1925. – № 11. – С. 203–209.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1925в: Слоним, М. Л., По новым книгам // *Воля России*. – 1925. – № 12. – С. 154–160.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1927а: Слоним, М. Л., Обзор русских журналов // *Воля России*. – 1927. – № 3. – С. 178–186.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1927б: Слоним, М. Л., Книжные новости // *Воля России*. – 1927. – № 10. – С. 183–187.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1927в: Слоним, М. Л., Федор Сологуб // *Воля России*. – 1927. – № 11-12. – С. 278–283.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1928а: Слоним, М. Л., Обзор журналов: «Новый Мир» № 2. – «Новый ЛЕФ» № 2 // *Воля России*. – 1928. – № 3. – С. 118–122.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1928б: Слоним, М. Л., Обзор журналов: «Новый мир» кн. третья. «Красная новь» кн. вторая и третья // *Воля России*. – 1928. – № 4. – С. 108–112.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1929а: Слоним, М. Л., Обзор журналов // *Воля России*. – 1929. – № 1. – С. 109–115.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1929б: Слоним, М. Л., Обзор журналов // *Воля России*. – 1929. – № 8-9. – С. 188–192.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1929в: Слоним, М. Л., Отзывы о книгах // *Воля России*. – 1929. – № 12. – С. 139–140.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1930а: Слоним, М. Л., Новый эмигрантский журнал («Числа» № 1. Париж 1930) // *Воля России*. – 1930. – № 3. – С. 299–302.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1930б: Слоним, М. Л., Обзор журналов: Повесть о беспризорных. Окончание «Соти». Чепуха на заданную тему // *Воля России*. – 1930. – № 5-6. – С. 536–539.

М. Сл. [СЛОНИМ] 1930в: Слоним, М. Л., Обзор журналов: Партдискуссия в стихах. Роман Вс. Иванова. «Бродячий цирк» Шишкова. // *Воля России*. – 1930. – № 7-8. – С. 684–687.

Н. А-В [АНДРЕЕВ] 1932: Андреев, Н. Е., Всеволод Иванов «Путешествие в страну, которой еще нет» // *Воля России*. – 1932. – № 1-3. – С. 99–100.

НЕДЗЕЛЬСКИЙ 1926а: Недзельский, Е. Л., Памяти Есенина // *Воля России*. – 1926. – № 11. – С. 174–180.

НЕДЗЕЛЬСКИЙ 1926б: Недзельский, Е. Л., Дар созерцания и скромности (О творчестве Б. К. Зайцева) // *Воля России*. – 1926. – № 12-1. – С. 50–59.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО 1924: Немирович-Данченко, Вас. И., Рыцарь на час: Из воспоминаний о Гумилеве // *Воля России*. – 1924. – № 8-9. – С. 249–256.

Н. М. П. [МЕЛЬНИКОВА] 1922: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., Драматизированная история // *Воля России*. – 1922. – № 12. – С. 20.

Н. М. П. [МЕЛЬНИКОВА] 1927: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., И. Эренбург «В проточном переулке» // *Воля России*. – 1927. – № 8-9. – С. 214–217.

Н. М. П. [МЕЛЬНИКОВА] 1928: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., И. Эренбург и Я. Гашек // *Воля России*. – 1928. – № 4. – С. 119–121.

Н. М. П-к. [МЕЛЬНИКОВА] 1926: Мельникова-Папоушкова, Н. Ф., В. Сирин. Машенька. (изд. «Слово», 1926 г.) // *Воля России*. – 1926. – № 5. – С. 196–197.

ОСОРГИН 1923: Осоргин, М. А., Роман И. Эренбурга // *Воля России*. – 1923. – № 18. – С. 91–92.

ПЕТРОВ 1930: Петров, В., О Шмелеве и «солдатах» // *Воля России*. – 1930. – № 5-6. – С. 539-542.

П. М. 1925: Антология пролетарской литературы // *Воля России*. – 1925. – № 9-10. – С. 219–220.

ПОСТНИКОВ 1925а: Постников, С. П., По поводу. «Русский современник» № 1, 2, 3 // *Воля России*. – 1925. – № 1. – С. 230–240.

ПОСТНИКОВ 1925б: Постников, С. П., «Красная Новь» (Книги IV, V, VI, VII–VIII) // *Воля России*. – 1925. – № 3. – С. 164–170.

ПОСТНИКОВ 1925в: Постников, С. П., «Современные записки» (Кн. XVII–XXIII) // *Воля России*. – 1925. – № 5. – С. 196–208.

ПОСТНИКОВ 1926а: Постников, С. П., Русская зарубежная литература в 1925 году: Письмо на Родину // *Воля России*. – 1926. – № 2. – С. 183–192.

ПОСТНИКОВ 1926б: Постников, С. П., Веер: журнальное обозрение // *Воля России*. – 1926. – № 12-01. – С. 160–184.

ПОСТНИКОВ 1927: Постников, С. П., О молодой эмигрантской литературе // *Воля России*. – 1927. – № 5-6. – С. 215–225.

ПОТЕМКИН 1922: Потемкин, Андрей Белый. «Первое свидание» // *Воля России*. – 1922. – № 25. – С. 20.

РАКОВСКИЙ 1922: Раковский, Г., О русской эмиграции // *Воля России*. – 1922. – № 20. – С. 13–15.

РЕЙЗИНИ 1929: Рейзини, Н., Г., «Современные записки» (книга XXIX) // *Воля России*. – 1929. – № 7. – С. 106–113.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ 1926а: Святополк-Мирский, Д. П., Есенин // *Воля России*. – 1926. – № 5. – С. 75–80.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ 1926б: Святополк-Мирский, Д. П., «Крысолов» Марины Цветаевой // *Воля России*. – 1926. – № 6-7. – С. 99–102.

- СЛОНИМ 1922а: Слоним, М. Л., Кризис эмиграции // *Воля России*. – 1922. – № 6. – С. 3–6.
- СЛОНИМ 1922б: Слоним, М. Л., Поэзия Сологуба // *Воля России*. – 1922. – № 7. – С. 13–17.
- СЛОНИМ 1922в: Слоним, М. Л., Официальная поэзия // *Воля России*. – 1922. – № 12. – С. 19–20.
- СЛОНИМ 1922г: Слоним, М. Л., Литература и революция // *Воля России*. – 1922. – № 16. – С. 8–11.
- СЛОНИМ 1922д: Слоним, М. Л., Хвала мужественности: творчество расстрелянного поэта // *Воля России*. – 1922. – № 23-24. – С. 13–18.
- СЛОНИМ 1922е: Слоним, М. Л., Серапионовы братья // *Воля России*. – 1922. – № 1 (29). – С. 46–54.
- СЛОНИМ 1922ж: Слоним, М. Л., Евразийцы // *Воля России*. – 1922 № 2 (30). С. 9–21.
- СЛОНИМ 1922з: Слоним, М. Л., О республиканском объединении // *Воля России*. – 1922. – № 5 (33). – С. 34–44.
- СЛОНИМ 1923а: Слоним, М. Л., Литературные отклики: Тяжелая лира // *Воля России*. – 1923. – № 6-7. – С. 93–99.
- СЛОНИМ 1923б: Слоним, М. Л., Литературные отклики: Евг. Замятин // *Воля России*. – 1923. – № 8-9. – С. 89–95.
- СЛОНИМ 1923в: Слоним, М. Л., Литературная Чека // *Воля России*. – 1923. – № 20. – С. 33–43.
- СЛОНИМ 1924а: Слоним, М. Л., Литературные отклики. Живая литература и мертвые критики // *Воля России*. – 1924. – № 4. – С. 53–63.
- СЛОНИМ 1924б: Слоним, М. Л., Литературные отклики: Мастер анекдота (об Ал. Толстом) // *Воля России*. – 1924. – № 12-13. – С. 160–169.
- СЛОНИМ 1925а: Слоним, М. Л., Литературные задворки // *Воля России*. – 1925. – № 1. – С. 132–143.
- СЛОНИМ 1925б: Слоним, М. Л., Литература эмиграции // *Воля России*. – 1925. – № 2. – С. 174–182.
- СЛОНИМ 1925в: Слоним, М. Л., Литература эмиграции // *Воля России*. – 1925. – № 4. – С. 182–192.
- СЛОНИМ 1925г: Слоним, М. Л., Романы Алданова // *Воля России*. – 1925. – № 6. – С. 155–167.
- СЛОНИМ 1925д: Слоним, М. Л., Альманах «Круг» // *Воля России*. – 1925. – № 7-8. – С. 251–254.
- СЛОНИМ 1925е: Слоним, М. Л., Голубые города // *Воля России*. – 1925. – № 11. – С. 129–141.
- СЛОНИМ 1926а: Слоним, М. Л., Литературные отклики. Бунин – критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // *Воля России*. – 1926. – № 8–9. – С. 87–103.
- СЛОНИМ 1926б: Слоним, М. Л., «Новый Мир» 1926 г., книга 1–7 // *Воля России*. – 1926. – № 10. – С. 159–164.
- СЛОНИМ 1927а: Слоним, М. Л., Литературный дневник: О современной литературе. «Молодые». Лавренев, Малашкин, Артем Веселый // *Воля России*. – 1927. – № 5-6. – С. 114–130.
- СЛОНИМ 1927б: Слоним, М. Л., Десять лет русской литературы // *Воля России*. – 1927. – № 10. – С. 61–75.
- СЛОНИМ 1927в: Слоним, М. Л., Десять лет русской литературы // *Воля России*. – 1927. – № 11-12. – С. 92–119.
- СЛОНИМ 1928а: Слоним, М. Л., Россия и Европа: по поводу двух поэм // *Воля России*. – 1928. – № 5. – С. 44–57.
- СЛОНИМ 1928б: Слоним, М. Л., Литературный дневник // *Воля России*. – 1928. – № 7. – С. 58–75.
- СЛОНИМ 1928в: Слоним, М. Л., Литературный дневник // *Воля России*. – 1928. – № 12. – С. 65–75.
- СЛОНИМ 1929а: Слоним, М. Л., Литературный дневник: заметки о Чехове // *Воля России*. – 1929. – № 7. – С. 45–56.
- СЛОНИМ 1929б: Слоним, М. Л., Литературный дневник: Молодые писатели за рубежом // *Воля России*. – 1929. – № 10-11. – С. 100–118.
- СЛОНИМ 1930а: Слоним, М. Л., Литературный дневник. «Ключ» Алданова // *Воля России*. – 1930. – № 1. – С. 42–52.

СЛОНИМ 1930б: Слоним, М. Л., Литературный дневник: Два Маяковских. Роман Газданова // *Воля России*. – 1930. – № 5-6. – С. 446–457.

СЛОНИМ 1930в: Слоним, М. Л., Сталинщина в литературе // *Воля России*. – 1930. – № 10. – С. 815–833.

СЛОНИМ 1931: Слоним, М. Л., На литературном фронте // *Воля России*. – 1931. – № 10-12. – С. 736–746.

СЛОНИМ 1932: Слоним, М. Л., Литературные портреты: Л. Леонов // *Воля России*. – 1932. – № 4-6. – С. 130–140.

СОРОКИН 1922а: Сорокин, П. А., Нравственное и умственное состояние современной России // *Воля России*. – 1922. – № 4 (32). – С. 25–33.

СОРОКИН 1922б: Сорокин, П. А., Нравственное и умственное состояние современной России // *Воля России*. – 1922. – № 5 (33). – С. 21–32.

СОСИНСКИЙ 1926: Сосинский, Б. Б., Новый дом. Литературный журнал под редакцией Н. Берберовой, Д. Кнута, Ю. Терапиано и В. Фохта. № 1. Париж. 1926 // *Воля России*. – 1926. – № 11. – С. 187–188.

СОСИНСКИЙ 1928: Сосинский, Б. Б., О читателе, критике и поэте // *Воля России*. – 1928. – № 2. – С. 60–70.

СТАЛИНСКИЙ 1924: Сталинский, Е. А., Манья самоограничения // *Воля России*. – 1924. – № 16-17. – С. 193–209.

СТАЛИНСКИЙ 1931: Сталинский, Е. А., Эмиграция и политика // *Воля России*. – 1931. – № 5-6. – С. 462–478.

СУХОМЛИН 1924: Сухомлин, В. В., Политические заметки // *Воля России*. – 1924. – № 8-9. – С. 179–197.

СУХОМЛИН 1930: Сухомлин, В. В., На разные темы: Коллективизатора поймали! // *Воля России*. – 1930. – № 4. – С. 383–396.

Т. 1923а: Из литературной хроники в России // *Воля России*. – 1923. – № 14. – С. 105–106.

Т. 1923б: Из литературной хроники в России // *Воля России*. – 1923. – № 15. – С. 87–90.

Т. 1923в: Из литературной хроники в России // *Воля России*. – 1923. – № 18. – С. 84–88.

Т. 1923г: Из литературной хроники в России // *Воля России*. – 1923. – № 19. – С. 85–88.

Т. 1923д: Из литературной хроники в России // *Воля России*. – 1923. – № 20. – С. 90–93.

ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ 1923: Туган-Барановский, М. И., Нравственное учение Достоевского // *Воля России*. – 1923. – № 14. – С. 53–70.

ТУКАЛЕВСКИЙ 1924а: Тукалевский, В. Н., Эмигрантские журналы // *Воля России*. – 1924. – № 8-9. – С. 241–248.

ТУКАЛЕВСКИЙ 1924б: Тукалевский, В. Н., Российские журналы // *Воля России*. – 1924. – № 12-13. – С. 224–233.

ХОДАСЕВИЧ 1924: Ходасевич, В. Ф., Молитва Иосифу: глава из книги «Поэтическое хозяйство Пушкина» // *Воля России*. – 1924. – № 1-2. – С. 103–114.

ЦВЕТАЕВА 1925а: Цветаева, М. И., Герой труда: Записи о Валерии Брюсове // *Воля России*. – 1925. – № 9-10. – С. 42–68.

ЦВЕТАЕВА 1925б: Цветаева, М. И., Герой труда: Записи о Валерии Брюсове // *Воля России*. – 1925. – № 11. – С. 18–50.

ЦВЕТАЕВА 1932: Цветаева, М. И., Поэт и время // *Воля России*. – 1932. – № 1-3. – С. 3–22.

ШКЛОВСКИЙ 1922: Шкловский, В. Б., «Евгений Онегин»: Пушкин и Стерн // *Воля России*. – 1922. – № 6 (34). – С. 59–72.

Другие издания:

АНОНИМ 1920: От редакции // *Современные записки*. – 1920. – Кн. I. – С. [2].

АНОНИМ 1927б: Зеленая лампа. Беседа III. // *Новый корабль*. – 1927. – № 2. – С. 39–47.

АНОНИМ 1930в: Литературная анкета // *Числа*. – 1930. – №2-3. – С. 318–322.

БЕМ 1925: Бем, А. Л., Мысли о современной русской литературе // *Своими путями*. – 1925. – № 6-7. – С. 19–23.

БЕРБЕРОВА 1927: Берберова, Н. Н., Лирическая поэма // *Современные записки*. – 1927. – Кн. XXX. – С.221–230.

ВОЛИН 1929: Волин, Б. М., Недопустимые явления // *Литературная газета*. – 1929. – № 19. – С. 1.

ИВАНОВ 1933: Иванов, Г. В., О новых русских людях // *Числа*. – 1933. – № 7-8. – С. 184–194.

КЕРЕНСКИЙ 1930: Керенский, А. Ф., Голос издалека // *Дни*. – 1930. – № 85. – С. 1–4.

КРАЙНИЙ [ГИППИУС] 1924а: Гиппиус, З. Н., Литературная запись: Полет в Европу // *Современные записки*. – 1924. – Кн. XVIII. – С. 123–138.

КРАЙНИЙ [ГИППИУС] 1924б: Гиппиус, З. Н., Литературная запись: О молодых и средних // *Современные записки*. – 1924. – Кн. XIX. – С. 234–249.

КРАЙНИЙ [ГИППИУС] 1926: Гиппиус, З. Н., О «Верстах» и о прочем // *Последние новости*. – 1926. – 14 августа (1970). – С. 2–3.

КРАЙНИЙ [ГИППИУС] 1930: Гиппиус, З. Н., Литературные размышления // *Числа*. – 1930. – №2-3. – С. 148–154.

ОСОРГИН 1924: Осоргин, М. А., Российские журналы // *Современные записки*. – 1924. – Кн. XXII. – С. 426–433.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ 1926в: Святополк-Мирский, Д. П., Библиография. «Современные записки» (L–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // *Версты*. – 1926. – № 1. – С. 206–210.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ 1929: Святополк-Мирский, Д. П., Заметки об эмигрантской литературе // *Евразия*. – 1929. – 1 января (№ 7). – С. 6–7.

СТЕПУН 1925: Степун, Ф. А., Мысли о России // *Современные записки*. – 1925. – Кн. XXIII. – С. 342–371.

СТЕПУН 1934: Степун, Ф. А., Памяти Андрея Белого // *Современные записки*. – 1934. – Кн. LVI. – С. 257–283.

УСТРЯЛОВ 1926: Устрялов, Н. В., Россия: у окна вагона // *Вестник Маньчжурии*. – 1926. – № 1-2. – С. 82–97.

ФОХТ 1926: Фохт, В. Б., «Воля России», журнал политики и культуры, VIII-IX, Прага, 1926; стр. 244 // *Новый дом*. – 1926. – № 1. – С. 38–40.

ХОДАСЕВИЧ 1928: Ходасевич, В. Ф., В спорах о Пушкине // *Современные записки*. – 1928. – Кн. XXXVII. – С. 275–294.

ХОДАСЕВИЧ 1933а: Ходасевич, В. Ф., Литература в изгнании // *Возрождение*. – 1933. – 27 апреля (№ 2886). – С. 3–4.

ХОДАСЕВИЧ 1933б: Ходасевич, В. Ф., Литература в изгнании // *Возрождение*. – 1933. – 4 мая (№ 2893). – С. 4.

ЦЕТЛИН 1927: Цетлин, М. О., Эмигрантское // *Современные записки*. – 1927. – Кн. XXXII. – С. 435–441.

Литература на русском языке

БЕРБЕРОВА 1996: Берберова, Н. Н., *Курсив мой: Автобиография*. М.: Согласие, 1996.

БУНИН 1998: Бунин, И. А., *Публицистика 1918–1953 годов* / Ред. О. Н. Михайлова. М.: Наследие, 1998.

ВОЛОШИН 1992: Волошин, М. А., *Россия распятая: сборник статей и стихов* / Сост. В. И. Цветков. М.: Агенство ПАН, 1992.

ВОРОНСКИЙ 1982: Воронский, А. К., *Избранные статьи о литературе*. М.: Художественная литература, 1982.

ГРОЙС 1990: Гройс, Б. Е., Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» // *Вопросы философии*. – 1990. – № 11. – С. 67–73.

ЗАДРАЖИЛОВА 1997: Задражилова, М., Марк Слоним – публицист и ведущий критик журнала «Воля России» // *Rossica: научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике*. – 1997. – № 1. – С. 53–76.

ЗАЙЦЕВ 1999: Зайцев, Б. К., *Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести*. М.: Русская книга, 1999.

ИВАНОВ-РАЗУМНИК 2004: Иванов-Разумник, Р. В., Весть весны // *Андрей Белый: Pro et contra*. СПб: Российский Христианский гуманитарный институт, 2004. С. 668–678.

КОРОСТЕЛЕВ 2002: Коростелев, О. А., Пафос свободы // *Критика русского зарубежья. Ч. 1.* / Сост. О. А. Коростелев. М.: Олимп–АСТ, 2002. С. 3–35.

ЛУНЦ 2001: Лунц, Л. Н., Почему мы «Серрапионовы братья»? // *Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов* / Сост. Г. А. Белая. М.: РГГУ, 2001. С. 101–105.

ПЕТРОВА 2010: Петрова, Т. Г., *Литературная критика русской эмиграции первой волны. Современные отечественные исследования*. М.: ИНИОН РАН, 2010.

ПОСТНИКОВ 1928: Постников, С. П., *Русские в Праге 1918–1928 г.г.* Прага: [Воля России], 1928.

САВИЦКИЙ 1931: Савицкий, П. Н., *В борьбе за Евразийство*. Париж: [s.n.], 1931.

СЛОНИМ 1972: Слоним, М. Л., «Воля России» // *Русская литература в эмиграции: сборник статей* / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 291–300.

СТРУВЕ 1996: Струве, Г. П., *Русская литература в изгнании*. Париж: YMCA-Press, М.: Русский путь, 1996.

СУОМЕЛА 2004: Суомела, Ю., *Зарубежная Россия: идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 г.г.* СПб: Издательский дом «Коло», 2004.

ЧХЕИДЗЕ 1933: Чхеидзе, К. А., *На литературные темы*. Прага: [s. n.], 1933.

ШЕМЯКИН 2016: Шемякин, М. М., В круге первом // *Русский пионер*. – 2016. – № 1 (61). – С. 14–18.

Литература на чешском и английском языках

HAGGLUND 1973: Hagglund, R., The Russian Émigré Debate of 1928 on Criticism // *Slavik Review*. – 1973. – Vol. 32, № 3. – P. 515–526.

HRALA 2007: Hrala, M., *Ruská moderní literatura 1890–2000*. Praha: Karolinum, 2007.

KOLENOVSKÁ 2017: Kolenovská, D., Sovětská veřejná diplomacie a západní intelektuálové // *Cesty do utopie: Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů* / Drápala M. (eds.). Praha: Prostor, 2017. S. 15–49.

RAEFF 1990: Raeff, M., *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York: Oxford University Press, 1990.

RYČLOVÁ 2006: Ryčlová, I., *Ruské dilema: společenské zlo v kontextu osudů tvůrčích osobností Ruska*. Brno: CDK (Centrum pro studium demokracie a kultury), 2006.

SAID 2000: Said, E., Reflections on Exile // *Reflections on Exile and Other Essays*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2000. P. 173–186.

VACEK–BABKA 2009: Vacek, J., Babka, L., *Hlasy vyhnaných: periodický tisk emigrace ze sovětského Ruska (1918–1945)*. Praha: Národní knihovna ČR, 2009.

ZADRAŽILOVÁ 1999: Zadražilová, M., Kritická rubrika časopisu Volja Rossii jako kolektivní text a jeho čtení ruskou emigrací // *Duchovní proudy ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1919–1939)* / Běloševská L. (ed.). Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1999. S. 138–163.

Справочная литература

ГРОЗНОВА 2005: Грознова, Н. А., Веселый Артем // *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: библиографический словарь*. Т. 1 / Под ред. Н. Н. Скатова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 375–378.

ЗВЕРЕВ 2000: Зверев, А. М., «Воля России» // *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры* / Гл. ред. А. Н. Николукин. М.: РОССПЭН, 2000. С. 77–85.

КЛЭ 1962: *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1962.

КЛЭ 1978: *Краткая литературная энциклопедия*. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1978.

ЛЭ 1930: *Литературная энциклопедия*. Т. 4. М.: Издательство коммунистической академии, 1930.

ЛЭ 1931: *Литературная энциклопедия*. Т. 5. М.: Издательство коммунистической академии, 1931.

ЛЭ 1935: *Литературная энциклопедия*. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1935.

МАСАНОВ 1957: Масанов, И. Ф., *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. Т. 2. М.: Всесоюзная книжная палата, 1957.

МАСАНОВ 1960: Масанов, И. Ф., *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей*. Т. 4. М.: Всесоюзная книжная палата, 1960.

СНИГИРЕВА–ПОДЧИНЕНОВ 2018: Снигирева, Т. А., Подчиненов, А. В., *Феномен российского литературно-художественного журнала*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018.

Приложение 1

**Список художественных произведений советских авторов,
опубликованных в журнале «Воля России»**

- АСЕЕВ, Н. Н. *Синие гусары*: стихотворение // 1930. – № 11-12. – С. 1054–1056.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Арапы*: сказка // ВР 1922, № 10. С. 23.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Божий зевок*: отрывок из повести «На Куличках» // 1923. – № 15. – С. 1–3.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Икс*: рассказ // 1926. – № 8-9. – С. 3–21.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Мы*: неполная версия романа // 1927. – № 2–№ 4.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Письменно*: рассказ // 1923. – № 15. – С. 3–6.
- ЗАМЯТИН, Е. И. *Церковь Божия*: сказка // ВР 1922, № 10. С. 22–23.
- ЛЕОНОВ, Л. М. Без названия: рассказ // 1925. – № 6. – С. 208–211.
- ЛЕОНОВ, Л. М. *Петушихинский пролом*: повесть // 1925. – № 1–№ 2.
- МАЯКОВСКИЙ, В. В. *Баня* // 1930. – № 11-12. – С. 903–963.
- НОВИКОВ, И. А. *Домком на работе*: отрывок из рассказа «Адам» // 1923. – № 14. – С. 1–16.
- ПАСТЕРНАК, Б. Л. «*Весь день я спал...*»: стихотворение. // 1925. – № 9-10. – С. 206.
- ПАСТЕРНАК, Б. Л. *Лейтенант Шмидт* // 1927. – № 2. – С. 34–48.
- ПИЛЬНЯК, Б. А. *Поезд № пятьдесят седьмой-смешанный*: отрывок из романа «Голый год» // 1922. – № 8. – С. 10–14.
- ПОЛОНСКАЯ, Е. Г. *В петле*: отрывок из поэмы // 1925. – № 6. – С. 212.
- ШКЛОВСКИЙ, В. Б. *Белый Киев*: отрывки из книги «Сентиментальное путешествие» // 1922. – № 3 (31). – С. 11–19.

Редакционная колонка первого номера журнала
«Современные записки» (1920, № I)

Отъ Редакціи.

Выпуская въ свѣтъ первую книжку «Современныхъ Записокъ», считаемъ необходимымъ предпослать нѣсколько словъ относительно характера и задачъ возникающаго изданія.

«Современныя Записки» посвящены прежде всего интересамъ русской культуры. Нашему журналу суждено выходить въ особо тяжкихъ для русской общественности условіяхъ: въ самой Россіи свободному, независимому слову нѣтъ мѣста, а здѣсь, на чужбинѣ, сосредоточено большое количество культурныхъ силъ, насильственно оторванныхъ отъ своего народа, отъ дѣйствительнаго служенія ему. Это обстоятельство дѣлаетъ особенно отвѣтственнымъ положеніе единственнаго сейчасъ большого русскаго ежемѣсячника за границей. «Современныя Записки» открываютъ поэтому широко свои страницы, — устраняя вопросъ о принадлежности авторовъ къ той или иной политической группировкѣ, — для всего, что въ области ли художественнаго творчества, научнаго изслѣдованія или исканія общественнаго идеала представляетъ объективную цѣнность съ точки зрѣнія русской культуры. Редакція полагаетъ, что границы свободы сужденія авторовъ должны быть особенно широки теперь, когда нѣтъ ни одной идеологіи, которая не нуждалась-бы въ критической провѣркѣ при свѣтѣ совершающихся грозныхъ міровыхъ событій.

Какъ журналъ общественно-политическій, «Современныя Записки», органъ внѣпартийный, намѣрены проводить ту демократическую программу, которая, какъ итогъ русскаго освободительнаго движенія XIX и начала XX вѣка, была провозглашена и воспринята народами Россіи въ мартовскіе дни 1917 г. Единство Россіи на основѣ федераціи входящихъ въ ея составъ народовъ; Учредительное Собраніе; республиканскій образъ правленія; гарантіи политическихъ и гражданскихъ свободъ; всеобщее избирательное право въ органы народнаго представительства и мѣстнаго самоуправленія;

передача земли трудящимся на ней; всесторонняя охрана труда и его правъ въ промышленности, — таковы основные элементы программы, за которыми, по глубокому убѣжденію Редакціи, продолжаетъ стоять подавляющее большинство населенія Россіи.

Тяжкій опытъ истекшаго трехлѣтія способенъ лишь укрѣпить убѣжденіе въ необходимости демократическаго обновленія Россіи. Не цѣль, но средства, ведущія къ ней, должны подвергнуться критическому пересмотру, послѣ того какъ, въ результатъ большевистскаго переворота, на пути къ этому обновленію стали такія новыя препятствія, какъ государственный и хозяйственный распадъ, международная изоляція, ростъ внутренней реакціи и пр.

Но здѣсь, въ краткомъ предисловіи, не могутъ быть разрѣшены тѣ жгучія проблемы, которыя вытекаютъ изъ факта обособленія входившихъ прежде въ составъ Россіи народностей, существованія внутренняго антибольшевистскаго фронта, иноземной интервенціи и пр. Лаконическія и потому упрощенныя формулы, въ отношеніи столь сложныхъ и больныхъ вопросовъ, скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Редакція считаетъ необходимымъ установить здѣсь лишь основную свою точку зрѣнія: что возсозданіе Россіи не совмѣстимо съ существованіемъ большевистской власти; что оно возможно лишь въ мѣру самостоятельности внутреннихъ силъ самого русскаго народа, и что разрѣшеніе этой задачи, непосильной ни для одной партіи или класса въ отдѣльности, требуетъ объединенныхъ усилій всѣхъ, искренне порвавшихъ со старымъ строемъ и ставшихъ на сторону общенародной революціи 1917 г.

„Современныя Записки“ не стремятся стать боевымъ политическимъ органомъ, неизбежно заостряющимъ свои лозунги, и способнымъ поэтому объединить лишь тѣсную группу единомышленниковъ. Въ соотвѣтствіи съ выдвигаемой на первый планъ задачей общественнаго объединенія, „Современныя Записки“ будутъ органомъ независимаго и непредвзятаго сужденія о всѣхъ явленіяхъ современности съ точки зрѣнія широкихъ, очерченныхъ выше, руководящихъ началъ.

Ноябрь 1920 г. Парижъ.

**Письмо Е. Замятина в редакцию «Литературной газеты»,
перепечатанное в журнале «Воля России» (1929, № 8-9. С. 190–192)**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда я, после летней поездки, вернулся в Москву, все дело с моим романом «Мы» уже было закончено: было уже установлено, что появление отрывков из «Мы» в пражской «Воле России» — это мой поступок, и относительно «поступка» уже вынесены были все надлежащие резолюции.

Но факты — упрямы, они упрямее резолюций, каждый из них может быть подтвержден документами или людьми, и я хочу, чтобы они стали известны моим читателям. Факты эти сводятся к следующему:

1) Роман «Мы» написан в 1920 году. В 1921 рукопись романа была отправлена (простейшим способом: заказной бандеролью через Петроградский почтамт) в Берлин, издательству Гржебина. Это издательство имело тогда отделение в Берлине, Москве и Петрограде, и с издательством я был связан договорными отношениями.

2) В конце 1923 года копия этой рукописи была передана издательством для перевода романа на английский язык (вышел этот перевод только в 1925 г.), а затем — на чешский. О появлении романа «Мы» в переводах я не раз заявлял печатно (в своих библиографиях и автобиографиях — см. «Вестник Литературы», «Литературная Россия», под ред. Лидина и т. д.); заметки об этом печатались также в советских га-

зетах; никаких протестов по поводу появления этих переводов я до сих пор не слышал.

3) В 1924 году выяснилось, что вследствие цензурных затруднений роман «Мы» в Советской России не может быть напечатан. В виду этого все предложения выпустить «Мы» за границей по-русски я отклонял. Такие предложения имелись, как от издательства Гржебина, так — позже — и от издательства «Петрополис» (последний раз летом 1929 года).

4) Весной 1927 года отрывки из романа «Мы» появились в пражском журнале «Воля России». И. Г. Эренбург, письмом из Парижа, по-товарищески предупредил меня об этом. Так, впервые я узнал о своем «поступке».

5) Тогда же, летом 1927 года, Эренбург, по моей просьбе, отправил в редакцию «Воля России» письмо с требованием от моего имени — прекратить печатание отрывков из «Мы». Аналогичное требование было переслано «Воле России» от моего имени, также и еще одним из советских писателей, бывшем тогда за границей. Считаться с этими моими требованиями «Воля России» не пожелала.

6) От Эренбурга я узнал и еще одно: напечатанные в «Воле России» отрывки из «Мы» были снабжены предисловием, информирующим читателя, что роман печатается в переводе с чешского на русский. Сам я не видел «Воли России» и не знаю,

что случилось из этого перевода русского романа с иностранного языка обратно на русский. Но что бы ни получилось, при наличии самой скромной логики ясно, что такая операция над художественным произведением не могла быть сделана с ведома и согласия автора.

Вот это и есть мой «поступок». Похоже ли это на то, что писалось о нем в газетах (например, на то, что я прочитал на днях в «Ленинградской Правде», где так прямо и напечатано: «...Е. Замятин предоставил карт бланш «Воле России» на опубликование своей повести «Мы» (номер газеты от 22 сентября).

Начало литературной кампании по моему адресу положено было статьей Волина в номере 19 «Литературной Газеты».

В своей статье Волин забыл сказать о том, что о моем романе «Мы» он вспомнил с запозданием на девять лет (ибо роман, как говорилось, написан в 1920 году).

В своей статье Волин забыл сказать о том, что о напечатании отрывков из романа «Мы» в «Воле России» он вспомнил с запозданием на два с половиной года (ибо эти отрывки, как говорилось, были напечатаны весной 1927 года).

И, наконец, Волин забыл сказать о редакционном предисловии «Воли России», из которого явствует, что отрывки из романа печатаются без моего ведома и согласия.

Это — поступок Волина. Сознательны или случайны были эти его умолчания — я не знаю, но последствием их было неправильное освещение дела в дальнейшем.

Дело это обсуждалось в Исполбюро ФОСП — постановление Исполбюро опубликовано в ном. 21 «Литературной Газеты». В §2 Исполбюро «решительно осуждает поступок названных писателей» — Пильняка и Замятина. А в §4 того же постановления Исполбюро предлагает ленинградскому отделению ФОСП «срочно расследовать обстоятельства издания за границей романа Замятина «Мы».

Итак, сначала — приговор, потом — расследование. Ни один суд в мире, вероятно, еще не знает такого случая. Это — поступок Федерации писателей.

Дальше — вопрос о напечатании романа «Мы» в «Воле России» обсуждался на общем собрании Моск. отд. Всероссийского союза писателей и позже — на общем собрании Ленингр. отд. союза.

Московское общее собрание, не дожидаясь моих объяснений, не выразив даже желания их выслушать, — приняло резолюцию, осуждающую все тот же мой «поступок». Члены Моск. отд. союза нашли своевременным выразить свой протест также и по поводу содержания романа, написанного девять лет назад и большинству собрания неизвестного. В наши годы девять лет — это, в сущности, девять веков. Я не соби-

раюсь защищать здесь роман, имеющий девятивековую давность, — я думаю только, что если бы московские члены союза протестовали против романа «Мы» шесть лет назад, когда роман был прочитан на одном из литературных вечеров союза, — это было бы более своевременным.

Общее собрание Ленинградского отдела союза состоялось 22 сентября, и о результатах его я знаю только по газетной заметке («Вечерн. Красная» от 23 сентября). Из этой заметки видно, что в Ленинграде уже были прочитаны мои объяснения по делу, что там мнения присутствовав-

ших на собрании разделились — часть писателей после моих объяснений считала исчерпанным весь инцидент, но большинство все же нашло более осторожным осудить мой «попущок».

Таков поступок Всероссийского союза писателей. И из этого последнего поступка я делаю свой вывод:

состоять в литературной организации, которая, хотя бы косвенно, принимает участие в травле своего сочлена, — я не могу, и этим письмом заявляю о выходе своем из Всероссийского союза писателей.

24 сентября 1929 г.
Москва.

Евг. Замятин.

**Отрывки из письма А. Мариенгофа правлению
Всероссийского союза советских писателей с комментариями
редакции журнала «Воля России» (1929, № 12. С. 134–135)**

**ПОКАЯНИЕ
МАРИЕНГОФА**

Буря, поднятая литературными «охранителями» по поводу «вредных уклонов» советских писателей, все еще не унимается в Москве и Петрограде. Вслед за Пильняком и Замятиным, в контр-революции и опубликовании своих произведений за границей обвинили бывшего имажиниста, бывшего поэта и бывшего друга Есенина — Мариенгофа. Мариенгоф поспешил напечатать в советской прессе следующее письмо Правлению Всероссийского Союза Советских Писателей (ВССП). «Рукопись романа «Циники» была мною отправлена легальным порядком через Комиссию по контролю над вывозом за границу при Наркомпросе в Берлин после того, как у меня создалась уверенность, в появлении книги в СССР. Основанием для этой уверенности послужили благоприятные переговоры с Ленотгизом и заключение договора после прочтения романа рецензентом издательства. Однако, впоследствии книга в СССР не появилась. Считаю появление за рубежом произведения, не разрешенного в СССР, недопустимым. Опубликование моего романа, не появившегося у нас, считаю ошибочным поступком».

Казалось, покаянное письмо Анатолия Мариенгофа должно бы-

ло бы удовлетворить блюстителей политической благонадежности у писателей. Тем более, что помимо публичных заявлений о «недопустимости» и «ошибочных поступках», Мариенгоф принес повинную и в устных объяснениях перед Правлением. Но последнее сочло необходимым еще вынести такое постановление:

«заслушав письмо и объяснения т. Мариенгофа по поводу выхода за границей его романа «Циники», правление московского отдела ВССП, считает необходимым заявить следующее: принимая к сведению письмо т. Мариенгофа, правление вместе с тем указывает, что тенденциозный подбор фактов в романе «Циники», искажающий эпоху военного коммунизма и первого периода нэпа, делает книгу объективно вредной и неприемлемой для советской общественности. Автор ведет роман от лица людей, враждебных советской власти, причем текст романа не дает материала, отделяющего точку зрения автора от точки зрения действующих лиц. Это обстоятельство ставит перед Мариенгофом необходимость критически относиться к своему произведению, так как роман «Циники» стоит в прямом противоречии с задачами советского писателя, как их определяет ВССП».